

63.3/2/46

1190

25112

783440

P4

Александра Стасова
Вологодская и Петрозаводская.

cn 63.3(2)46
1190

ИСТОРИЯ
О НЕВИННОМЪ ЗАТЪЧЕНІИ
Ближняго Боярина
АРТЕМОНА СЕРГІЕВИЧА
МАТВѢЕВА,

Состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ
къ Царю и Патриарху, также изъ писемъ
къ разнымъ Особамъ, съ придвиженіемъ объ-
явленія о причинахъ его заточенія и о
возвращеніи изъ оного;

изданная

Николаемъ Новиковымъ;

Членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при
Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Издвденіемъ Типографической Компаніи.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1785.

783440

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Некрасова

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

СІЯТЕЛЬНѢЙШЕМУ ГРАФУ,
ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

РУМЯНЦОВУ-
ЗАДУНАЙСКОМУ,

ВЫСОКОПОВЕЛИТЕЛЬНОМУ

Г. ГЕНЕРАЛУ - ФЕЛЬДМАРШАЛУ,

СЕНАТОРУ,

КІЕВСКОМУ, ЧЕРНИГОВСКОМУ

и

НОВГОРОДСКОМУ - СѢВЕРСКОМУ

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ,

Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку

ПОДПОЛКОВНИКУ,

Кирасирскаго полку военнаго Ордена

свяшаго великомученика и побѣдо-

носца Георгія

ПОЛКОВНИКУ,

Россійскихъ Орденовъ св. Апостола Андрея, св.

Александра Невскаго, св. Георгія первой Сте-

пени и св. равноапостольнаго Князя Влади-

мира первой же Степени, Прусскаго

Чернаго Орла и Голстинскаго

святы Анны

КАВАЛЕРУ,

МИЛОСШИВОМУ ГОСУДАРЮ!

Машинъ Андрейевна еван-
сева, московская stamp,
дина будана мен гамире
за Пушкинъева; въ слов
спана роду и stamp Аск-
сандровъ Пушкинъевъ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

Милостивый Государь!

Издавая во свѣпъ Исторію о Невинномъ Запochenіи Ближняго Боярина Аршемона Сергіевича Машвѣва, не могу я никому посвяпиль ее приспойнбе, кромѣ Вашего Высокографскаго Сіяпельства, его Правнука и преемника всѣхъ блиспательныхъ добродѣпелей, украшавшихъ того Ироя. Писатели и Издаптели во всѣхъ временахъ часто посвящали дѣянія Ироевъ людямъ, породю только знапнымъ, или высокостепеннымъ; но рѣдко имѣли случай посвящать оныя Ироямъ, каковы были описываемые ими: напропивъ сего я посвящаю сію книгу шакому Ирою, копорый дѣлами

) 3

сво-

своими еще и превышаетъ [своего Пра-
дѣда. Симъ дѣйствіемъ сугубо ис-
полняю я должность сына Опечества,
обязаннаго служить оному посильны-
ми своими шрудами и прославлять
дѣла и подвиги Собратій своихъ, заслу-
гами Государю и Опечеству знамени-
тыхъ. Аршмонъ Сергіевичъ Машвѣ-
евъ весьма достоинъ всемірнаго про-
славленія, яко истинный Ирой шого
вѣка; ибо неусыпными шрудами и по-
печеніями чрезъ всю жизнь свою спо-
спѣшествовалъ онъ благополучію Го-
сударства, и наконецъ, спасая Госу-
даря и Опечество, заслуги свои за-
печатавъ кровію своею. И такъ, из-
да-

давая во свѣпѣ сію книгу , свидѣпель-
спвую усердіе мое ко прославленію
его имени ; а посвящая оную Вашему
Высокографскому Сіапельспву , зна-
менипому Ирою нашего вѣка , прино-
шу хопя слабую , но искреннюю жер-
пву Побѣдипелю , Покорипелю и Уми-
рипелю враговѣ моего Опечеспва. Я
бы желалѣ распроспранипѣ досподол-
жную похвалу великимѣ Вашего Вы-
сокографскаго Сіапельспва душевнымѣ
своиспвамѣ и добродѣпелямѣ , но ску-
доспѣ пера моего налагаепѣ на меня
молчаніе. Оспаепся мнѣ просипѣ Ваше
Высокографское Сіапельспво о помѣ,
чпобы сіе мое усердное приношеніе

приняли Вы съ обыкновенною Вашею
благосклонностію къ упражняющимся
въ Словесныхъ Наукахъ, и позволи-
ли бы мнѣ бышь навсегда,

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Искреннѣйшимъ, усерднѣйшимъ и вѣрнымъ слугою,

НИКОЛАЙ НОВИКОВЪ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Сообщаемая нынѣ мною Ученому Свѣту книга, содержитъ въ себѣ разныя извѣстія, касающіяся до жизни славнѣйшаго Мужа временъ Царя Алексія Михайловича: Исторія наша весьма мало можетъ намъ представить ему подобныхъ. Сей есть Артемонъ Сергіевичъ Мамыбевъ, Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія большія печати и Государспивенныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегатель, Приказовъ Стрѣлецкаго, Казанскаго и другихъ, такожъ и Монашяго двора Главный Судія. Сей Мужъ, неупомимыми услугами, вѣрностію и преданностію къ Государю, безпредѣльною любовію къ Отечеству, милосердіемъ къ Народу, мудростію и правосудіемъ въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, храбростію и прозорливостію въ дѣлахъ воинскихъ, и наконецъ ученостію своею, снискалъ себѣ славное названіе Царскаго друга и благодѣтеля Народа. Царь Алексій Михайловичъ писывалъ къ нему обыкновенно въ письмахъ своихъ: *Другъ мой Сергіевичъ!* Одно изъ шаковыхъ писемъ доказываетъ совершенно, сколь велики были къ нему любовь и довѣренность сего Государя. Сіе письмо писано было къ нему изъ Москвы подѣ Смоленскъ, гдѣ тогда Артемонъ Сергіевичъ съ войсками находился; а въ немъ между прочимъ

написано: *Пріѣзжай къ намъ скорѣе: дѣти мои, и я, безъ тебя оскротѣли: за ними присмотрѣть не кому, а мнѣ посовѣтывать безъ тебя не съ кѣмъ, и проч.* Таковыхъ писемъ и другихъ извѣстій, и-собственныхъ Артемона Сергіевича записокъ и сына его Графа Андрея Артемоновича, весьма много находится въ домѣ Князей Мещерскихъ, о чемъ я самъ слышалъ отъ покойнаго Его Сіяшества Князя Василія Ивановича Мещерскаго, и котораго онъ розобравъ общалъ ко мнѣ прислать. Желательно бы было, чтобы сіи бумаги ко мнѣ сообщены были, дабы или при впоромъ изданіи пріобщить оныя къ сей книгѣ, или бы можно было приступить и къ сочиненію полной Исторіи сего великаго Мужа. Любовь же народную къ нему доказываетъ слышанное мною отъ многихъ достовѣрныхъ людей, а паче отъ покойнаго Князя Василія Ивановича Мещерскаго извѣстіе, которой увѣрялъ меня, что онъ сіе извѣстіе почерпнулъ изъ домовыхъ записокъ, находящихся у него, и которое я здѣсь сообщаю. Артемонъ Сергіевичъ Машвѣевъ имѣлъ весьма малый и тѣсный домикъ между Покровкою и Мясницкою, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что въ Столпахъ, гдѣ послѣ уже построилъ онъ большія каменные палаты, которыя и нынѣ еще въ цѣлости стоятъ и принадлежатъ Князьямъ Мещерскимъ. Царь нѣсколько разъ ему говорилъ, чтобы онъ построилъ себѣ большія палаты, но Артемонъ Сергіевичъ всегда отговаривался недосугами и неисправностію; наконецъ Царь сказалъ, что онъ самъ прикажетъ ему построить па-

палаты. Аршмонъ Сергіевичъ, видно, что не старался обременять себя милостыями Государскими; и для того, благодаривъ Государя, сказалъ, что онъ уже исправился и намѣренъ того же лѣта строить себѣ палаты. И въ самомъ дѣлѣ приказалъ заготовлять матеріалы къ строенію; но тогда во всей Москвѣ не было въ привозѣ камня для фундамента. Слухъ о семъ въ городѣ разнесся, что Бояринъ Машвѣевъ хочетъ строить палаты, но за тѣмъ не начинаетъ, что нѣтъ камня на основаніе дома. Сирѣльцы и Народъ, собравшись между собою, переговорили, и нѣсколько человекъ на другой день пришли къ Боярину, сказывая, что Сирѣльцы и Народъ слышали, что онъ нигдѣ не нашелъ купить камня, такъ они ему кланяются, по есть дарятъ, камнемъ подѣ цѣлой домъ. *Друзья мои!* отвѣчалъ Бояринъ, *я подарковъ вашихъ не хочу; а ежели у васъ камень есть, то продайте мнѣ, я богатъ и могу купить.* Присланные отвѣтствовали, что пославшіе ихъ, сего камня не продадутъ ни за какія деньги, а дарятъ своего Благодѣтеля, которой имъ всякое добро дѣлалъ; при чемъ просили его неопшупно, чтобы онъ приказалъ тѣ камня принять. Долго не склонялся Бояринъ, но наконецъ согласился и приказалъ привезть. Но въ какое пришелъ онъ удивленіе, когда на другой день увидѣлъ полонъ дворъ навезенныхъ камнейевъ съ могилъ. Выбранные говорили ему: *Привезенныя камни взяты нами со гробовъ отцевъ и дѣдовъ нашихъ; и для того - то мы ихъ ни за какія деньги продать не могли, а даримъ тебѣ,*
на-

нашему *Благодѣтелю*. Бояринѣ, не отпуская ихъ и не принимая каменя, потчасъ поѣхалъ къ Царю и увѣдомилъ его о семъ неслыханномъ случаѣ. Но Царь отвѣтствовалъ ему: *Прими, другъ мой, сей подарокъ отъ Народа; знатно, что они тебя любятъ, что гробы родительскіе обнажили, для того чтобъ сдѣлать тебѣ угодность. Такой подарокъ и я бы охотно принялъ отъ Народа.* Бояринѣ возвратился домой, принялъ каменя, дарилъ ихъ, но они ничего не приняли; и шакъ отпуская ихъ, началъ строить домъ. Къ чести сего мужа должно сказать и то, что Царица *Нашалья Кириловна*, мать Императора *ПЕТРА Великаго*, воспитана была въ его домѣ, и жила въ ономъ до самаго вступленія въ замужство Царское. Хорошій его вкусъ и знаніе въ Свободныхъ Художествахъ, утверждаетъ иконостасъ въ домовой его церкви, кошорой весь написанъ наилучшимъ *Италіянскимъ* письмомъ. Любовь его къ *Наукамъ* доказываетъ то, что онъ всегда имѣлъ обращеніе съ иносѣранными Учеными Мужами, что послѣ было причиною его несчастія и ссылки, въ правленіе Царя *Феодора Алексіевича*. Одинъ *Польской Историкъ* увѣряетъ, что Царь *Алексій Михайловичъ*, при кончинѣ своей предусматривая слабость силъ шѣлесныхъ обоехъ Царевичей, *Феодора* и *Іоанна Алексіевичевъ*, сдѣлалъ было завѣщаніе, кошорымъ наследникомъ и преемникомъ престола своего опредѣлялъ Царевича *Петра Алексіевича*, а *Артемона Сергіевича* назначалъ *Правителемъ* Государства до совершенныхъ лѣтъ младаго Царевича; но что до кончинѣ Царя *Алексія Михайловича* обстоя-

тель-

тельства перемѣнились, и сей случай, по его увѣренію, былъ причиною ссылки Боярина Артемона Сергіевича.

Что касается до сей издаваемой мною книги, то списокъ, съ котораго я издавалъ, угодно было ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ приказать сообщить изъ собственныя ЕЯ Книгохранищельницы и поручить мнѣ изданіе снзго. Судьбою предуставлено, чтобы въѣкъ Великія ЕКАТЕРИНЫ былъ въкомѣ славы и величества Россіи; и чтобы не токмо нынѣ живущихъ великихъ Мужей, но и умершихъ память и славныя дѣла, погребенныя во шьмѣ въковѣ прошедшихъ, извлекалися изъ подѣ спуда и полагалися предѣ очи всего міра при ЕЯ премудромѣ правленіи, для прославленія именѣ ихъ въ позднѣйшихъ потомкахъ. Сей списокъ, полученный мною отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, списанъ съ находящагося въ домѣ покойнаго Князя Василія Ивановича Мещерскаго подѣ слѣдующимъ заглавіемъ:

Оправданіе о безвинномъ раззореніи и о седмилѣтнемъ страданіи, бывшемъ въ ссылкѣ въ Пустоозерскомъ острогѣ Боярина Артемона Сергіевича, и сына его Комнатнаго Стольника Андрея Артемоновича Матвѣевыхъ, съ 7184 по 7190 годѣ, при державѣ Пресвѣтлѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Алексіевича, вся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, блаженныя памяти, каковое онѣ вышсменованный Бояринѣ весьма ясно

изнесъ по тремъ своимъ целобитнымъ, тогда отъ бывшаго у него Пристава, отъ Стольника Гавріила Яковлева сына Тухачевскаго, изъ Пустоозерскаго того острога посланнымъ въ Стрѣлецкой Приказъ для донесенія Его высокопомянутому Царскому Величеству, о всесовершенной той истинной правдѣ и о невинности своей по явной на него клеветѣ и по вымышленному отъ внутреннихъ его Боярскихъ злодѣевъ притворному и самому ложному составу, съ достовѣрными самими отъ себя доказательствами, къ ясному во всѣхъ тѣхъ элосоставныхъ и сказкою ему причтенныхъ винъ изобличеніемъ освидѣтельствованныхъ истиннымъ правосудіемъ Божиимъ и отъ Божественнаго Писанія святыхъ Правилъ, отъ Христіянскихъ всѣхъ Законовъ и всѣхъ гражданскихъ Правъ и Уложенія, которыя вины безъ всякаго испытанія чрезъ оныя еосударственныя Права безъ очныхъ ставокъ, необходимо надлежащихъ ему Боярину съ ворами и клеветниками оными, и прѣтивно всѣмъ Христіянскимъ Законамъ и Правиламъ, и гражданскимъ тѣмъ Правамъ и Уложенію, ему Боярину въ Казанской приказной Палатѣ, при Бояринѣ и Воеводѣ Иванѣ Богдановичѣ Милославскомъ, нарочно изъ Москвы присланнымъ Дьякомъ Иваномъ Гороховымъ сказаны были, который Дьякъ Гороховъ егожъ Боярскіе и сына его пожитки на его Великаго Государя съ Дьяками со Львомъ Нечаевымъ и съ Никитою Полунинымъ въ прошломъ 7185 году описывалъ и обиралъ. О чемъ о всемъ вышепомянутомъ обстоятельнѣе извѣстно будетъ изъ тѣхъ его Боярскихъ къ Его Царскому Величеству и къ Свя-

Святѣйшему Іоакиму Патріарху Московскому и
всѣя Россіи подлинныхъ челобитенъ и къ Ближ-
нимъ Боярамъ съ грамотокъ списанныхъ по по-
рядку ниже сего. А тѣ всѣ подлинныя челобит-
ныя писаны были собственною рукою сына его
Андрея Артемоновича. Кромѣ сего списка имѣлъ
я еще три другіе : одинъ находящійся въ Импе-
раторской Библіотекѣ при Академіи Наукъ; дру-
гой получилъ я отъ Г. Генералъ-Аудитора Лей-
шенанша Петра Кириловича Хлѣбникова ; третій
находился у меня купленный мною. Всѣ сіи че-
тыре списка сходствовали между собою совершен-
но , кромѣ того, что въ трехъ послѣднихъ спи-
скахъ весьма много погрѣшностей, отъ переписчи-
ковъ учиненныхъ. Къ сему списку прибавилъ я
собранныя мною надписи съ надгробій многихъ
Особъ изъ рода Матвѣевыхъ.

Въ заключеніи желаю Читателю моему,
чтобы онъ при совершенномъ здравіи пользовал-
ся сею книжкою, ожидая съ терпѣніемъ пол-
ной Исторіи сего великаго Мужа.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
1. Первая челобитная къ Царю, посланная изъ Путяеля въ Москву въ 1677 годѣ - - -	1
2. Вторая челобитная къ Царю, посланная изъ Пустоозерскаго острога въ Москву въ 1679 годѣ - - -	80
3. Третья челобитная къ Царю, посланная изъ Пустоозерскаго острога въ Москву въ 1681 годѣ - - -	146
4. Первая челобитная къ Патріарху Іоакиму -	236
5. Вторая челобитная къ Патріарху -	245
6. Третья челобитная къ Патріарху . . .	264
7. Письмо прѣдсительное Благовѣщенскаго Собора къ Протопопу Никитѣ Васильевичу, бывшему Царскому Духовнику - - -	299
8. Первое письмо къ Ближнему боярину Князю Юрью Алексѣевичу Долгорукову - . .	311
9. Къ нему же второе письмо - - -	320
10. Письмо къ Боярину Князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому - - -	345
11. Письмо къ Боярину Князю Михайлу Юрьевичу Долгорукову - - -	347
12. Письмо къ Боярину Родиону Матѣевичу Стрѣшнееву - - -	349
13. Письмо къ Боярину Князю Якову Никитичу Одоевскому - - -	351
14. Письмо къ Боярину Кириллу Полиектовичу Нарышкину - - -	353
15. Первое письмо къ Боярину Ивану Михайловичу Милославскому - - -	357
16. Второе письмо къ нему же - - -	359
17. Письмо къ Боярину Богдану Матѣевичу Хитрову - - -	363
18. Объявленіе о возвращеніи изъ заточенія Ближняго Боярина Артемона Сергіевича Матѣева и о кончинѣ его - - -	367
19. Вѣденіе, въ которыхъ годахъ какими чинами жалованъ Ближній Бояринъ Артемонъ Сергіевичъ Матѣевъ - - -	418
20. Надписи, находящіяся при надгровіяхъ умершихъ Особъ изъ рода Матѣевыхъ . . .	437

И С Т О Р І Я
О НЕВИННОМЪ ЗАТОЧЕНІИ
БОЯРИНА МАТВѢЕВА.

*Первая челобитная, которая послана
была изъ Пустоозерскаго острога въ
Москву, прошлаго 7185 (1677) года.*

Царю, Государю и Великому Князю
Феодору Алексіевичу, всея Ве-
ликія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
держцу, неимѣющіе помощи и засшуп-
ленія, развѣ всесильнаго и милоспива-
го Бога и себя Помазанника Его Ве-
ликаго Государя, бьютъ челомъ хо-
лопи швои бѣдные и до конца раз-
зоренные, Артемошка Машвѣевъ съ
убогимъ сиротою сынишкомъ своимъ
Андрюшкомъ.

А

ВЪ

Въ прошломъ, Великій Государь; во 184 (1676) годѣ, зависти и ненависти ради принесено на меня, холопа швоего, чего въ умѣ моемъ не бывало, и дондѣже дышу, того не будешъ; и безо всякія моея вины ошлученъ премногія швоея Государскія милоспи, и посланъ въ Сибирь на Верьхошурье, и во 185 (1677) годѣ оставленъ въ Лаишевѣ. И Ноября въ 25 день, по швоему Великаго Государя указу прѣвжалъ Полуголова Московскихъ спрѣльцовъ Алексій Лужинъ, и спрашивалъ у меня, холопа швоего, книги Лечбника, въ кошоромъ Лечбникъ многія спашьи писаны цыфирью; и шотъ Лечбникъ и людишекъ моихъ, Ивашка Еврея и карла Захарка велѣно у меня взять. И я, холопъ швой, ему Алексію сказалъ, что у меня Лечбника шакого, что многія спашьи писаны цыфирью, нѣшъ, а людишекъ Ивашка и Захарка ему ошдалъ; и говорилъ ему Алексію съ великимъ прошеніемъ, чтобъ онъ въ домишкѣ моемъ, гдѣ я поставленъ, въ рухлядишкѣ моея обыскалъ, и къ человѣку моему на дворишко обыскашь пошелъ.

И онъ Алексій у меня, холопа швоего, въ рухлядишкѣ и къ человѣку моему на дворишко обыскашъ не пошелъ, а сказалъ, что ему о томъ швоего, Великаго Государя, указа нѣшъ. И ему же Алексію давалъ я, холопъ швой, шешрадку Славенскаго письма; а въ шой шешрадкѣ писаны пріемы ошо всякихъ болѣзней, и подмѣчены шѣ спашьи словами цыфирными для пріиска лѣкаршвъ, и онъ шое шешрадку у меня, холопа швоего, не взялъ.

И въ томъ же, Великій Государь, во 185 годѣ, Декабря въ 22 (въ другомъ спискѣ показано въ 26) день, присланъ въ Лаишевѣ Думный Дворянинъ Феодоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, да Думный Дьякъ Василій Семеновъ, осмашривашъ и обыскивашъ книги и рухлядишку мою на дворишкѣ моемъ. Письма и книги осмашривали, и книги непошребныя и прошивныя закону Божию не нашли; для шого что ее нѣшъ и не бывало. Меняжъ, холопа швоего, да племянниковъ моихъ шрехъ человѣкѣ, да людишекѣ девять человѣкѣ о книгѣжѣ спрашивали, и взяли у насъ сказки за рука-

ми; да яжѣ, холопѣ швой, Думному
Дворянину Феодору Прокофьевичу Соков-
нину, да Думному Дьяку Василью Семено-
ву объявилѣ шепрадки, которыя писаны
выше сего, и шѣ шепрадки они у меня,
холопа швоего, взяли. Да ко миѣжѣ, холо-
пу швоему, присланѣ изѣ Казани Дворя-
нинѣ Гаврило Нармацкскій, да Полуголова
Алексій Лужинѣ, и взявѣ меня, холопа
швоего, вѣ Лаишевѣ, и привезли вѣ Ка-
зань, и вѣ Казани данѣ былѣ за крѣпкіе
приславы и караулѣ. А послѣ шего при-
сланѣ швой, Великаго Государя, указѣ:
велѣно миѣ людишекѣ оставишѣ малое
число, а доспальныхѣ оппустишѣ по
деревнишкамѣ, а иныхѣ на волю.

По швоему кѣ, Великаго Государя,
указу присланѣ Дьякѣ Иванѣ Героховѣ
вѣ Казань, и ко миѣ, холопу швоему,
пріѣхалѣ на дворишко ночью, и швей
Великаго Государя указѣ сказалѣ. Ука-
зали вы, Великій Государь, взяшѣ гра-
мошы блаженныя памяти Ошца сво-
его Государева, Великаго Государя, Ца-
ря и Великаго Князя Алексія Михай-
ловича, всея Великія и Малыя и Бѣ-
лыя Россіи Самодержца, и всякія по-
сольскія письма и наказы, и дворовыя
и

и опчинныя и помѣстныя крѣпости,
и животишки мои, и сынишка моего.
И я, холопъ швой, ему Ивану далъ двѣ
книги рухлядишкѣ своей одною рукою
писаны: одна въ шепрадахъ въ пере-
плешѣ безъ кожи, а другая въ кожѣ
красной переплешена, тѣй же руки,
что въ шепрадахъ, и что было всѣхъ
отца моего и сынишка моего, что
ему отказала послѣ смерти своей машь
его, и что на Москвѣ оставлено бы-
ло, и то все въ той переплешной въ
красную кожу книгѣ написано. И онъ
Иванъ пересмотрѣлъ и переписалъ, и
переписавъ взялъ безъ остатка; толь-
ко дали мнѣ, холопу швоему, прошивъ
швоего, Великаго Государя, указа. Яжъ,
холопъ швой, видя гнѣвъ Божій и
швою Государскую опалу, объявилъ
ему лучшаго пожитчишка своего и
женишки моей, что она отказала сы-
нишку моему, и тому у него Ивана
четыре шепрадки въ полдешъ мою,
холопа швоего, рукою писаны. А за
какую вину я, холопъ швой, оставленъ
въ Лаишевѣ, и взятъ въ Казань, и
данъ за крѣпкіе присявы, и люди-
шекъ велѣно разослать по деревниш-
камъ,

камъ, а иныхъ опуститъ на волю, и васъ, Великихъ Государей, грамошы и наказы, и всякія посольскія письма и крѣпосши, и всѣ мои живошишки взяшы, и за что, того мнѣ, холопу швоему, ничего не сказано. Юняжъ въ 11 день, въ Казани, по швоемужъ Великаго Государя указу, Бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославскій съ товарищи велѣли меня, холопа швоего, и сынишка моего и людишекъ моихъ съ женами и съ дѣшми взять изъ дворишка моего Головъ стрѣлецкому Ивану Садилову, и велѣли вешъ меня, холопа швоего, и сынишка моего въ сѣзжую избу, какъ злодѣевъ, или измѣнниковъ. И швой, Великаго Государя, указъ сказали: указали вы, Великій Государь, у меня, холопа швоего, за великія вины и нецравды мои честь мою Боярство опнять, и написашъ по Московскому списку; а помѣстья и опчины мои всѣ подмосковныя и въ городахъ, и Московскій дворишко и загородный, и живошишки всѣ и рухлядишку всякую указали вы, Великій Государь, опписашъ на себя, Великаго Государя, и приписашъ ко

Дворъ

Дворцовымъ селамъ; а людишекъ моихъ и сынишка моего оппустишь на волю съ оппускными. А вины будшо мои, холопа твоего, и неправды предъ тобою, Великимъ Государемъ, сыскались шѣ: въ сказкѣ моей, холопа твоего, какову я далъ въ Лаишевѣ Думному Дворянину Θεодору Прокофьевичу Соковнину, да Думному Дьяку Василью Семенову, за моею рукою писано, что про васъ, Великаго Государя, во время бывшія вашей Государскія скорби лѣкарства составляли ваши Государскіе Докторы, Косперіусъ, Стефанъ Симонъ, по рецепту, и шѣ рецепшы и нынѣ въ вашей, Великаго Государя, аптекарской палатѣ. А лѣкарство де накушивали прежде докторы, потомъ я, холопъ твой, а послѣ де меня ваши Великаго Государя дядьки, Бояре, Князь Θεдоръ Θεдоровичъ Куракинъ, да Иванъ Богдановичъ Хитровъ; а поврежденія де вашему Государскому здоровью отъ того лѣкарства были опнюдь было не отъ чего, что шѣ лѣкарства составляли самымъ свидѣтельствомъ. А что какого лѣкарства у васъ, Великаго Государя, послѣ вашихъ

Государскихъ пріемовъ оставалось, и шѣ лѣкарства при васѣ, Великомѣ Государѣ, выпивалѣ яжѣ, холопѣ швой. А ваши Великаго Государя дядьки сказали, что того не бывало: шѣхѣ лѣкарственныхъ составовѣ, которые послѣ нашихъ Государскихъ пріемовъ оставались, я, холопѣ швой, будто не выпивалѣ; и шо я будто сказалѣ и вѣ сказкѣ написалѣ ложно. И я, холопѣ швой, неимѣющій помощи и заступленія, кромѣ Бога и тебя, Великаго Государя, прошу у тебя Великаго Государя милосердія и премудраго швоего Государскаго разсмотренія вѣ правдѣ своей. Спрашивали меня, холопа швоего, о Докшорахѣ, а я, холопѣ швой, сказалѣ, какѣ было при тебѣ, Великомѣ Государѣ. А что швои Великаго Государя дядьки, Бояре, Князь Федорѣ Федоровичѣ Куракинѣ и Иванѣ Богдановичѣ Хишровѣ сказали, что того не бывало, что оставалось послѣ пріема швоего Великаго Государя, будто я, холопѣ швой, того не выпивалѣ, и вѣ томѣ ихѣ воля; какѣ они вѣ такомѣ дѣлѣ упомяли, такѣ и сказали: и да воздастѣ намѣ Господь Богѣ

Богъ по правдѣ и истиннѣ нашей
 въ день всѣмъ спрашный суда сво-
 его праведнаго ! А я, холопъ швой,
 какъ помню, такъ и сказалъ, и сказку
 далъ, не оправдывая Докшоровъ. А
 хошябъ, Великій Государь, я, холопъ
 швой, шого въ сказкѣ своей и не на-
 писалъ, что послѣ швоего Государска-
 го пріема не выпивалъ, и шого бы
 мнѣ вы, Великій Государь, въ вину
 поставишь не изволилъ, для шого что
 вашъ Государскій чинъ обдержишь,
 когда вы сосшавы Докшорскіе изволи-
 те принимашь, и при васъ Великихъ
 Государяхъ шолько чинъ исправляющъ,
 накушнвающъ малѣйшую долю; а что
 я, холопъ швой, выпивалъ, и шо угожда-
 я шебъ Великому Государю, и чаялъ паче,
 что усугублю милосшь швою Государ-
 скую къ себѣ. Ходилъ и работалъ за
 швоимъ Государскимъ здоровьемъ шакъ,
 какъ шебъ Великому Государю предъ
 свяшымъ Евангеліемъ обѣщался въ ис-
 шиннѣ всякаго добра хошѣшь, и хо-
 чу до послѣдняго моего издыханія, и
 не устращусь въ день испытанія, ко-
 гда всякое естество человѣческое на-
 го и умиленно нелицемѣрному Судіи

предстанетъ , и совѣсть человѣческая
нага и объявлена , и нѣсть сокровенно,
еже не явлено будетъ тогда. А
еслилибъ при тебѣ, Великомъ Госуда-
рѣ, того не было , и помыслишь мнѣ,
холопу швоему, не возможно, не шок-
мо написать въ сказкѣ, принявъ у те-
бя Великаго Государя рюмку , и что
въ ней останется , на ладонь вылью
и выпью. А швои Великаго Государя
дядьки и того не сказали , что они
накушивали сосшавы , или нѣтъ. А
буде, Великій Государь , швои Велика-
го Государя дядьки , Бояре , сказали
о томъ ошашкѣ , что оставалось въ
сулейкѣ , и ша сулейка спаивала въ
швоихъ Великаго Государя хоромахъ
на окнѣ , и шѣхъ ошашковѣ , что ос-
тавалось въ сулейкѣ , я , холопъ швой,
не выпивалъ , а снашивали Докторы
въ аптеку для перемѣны новыхъ со-
сшавовѣ. Мнѣжѣ , холопу швоему, ска-
зано : всѣмъ швоимъ Великаго Госуда-
ря Боярамъ лѣкаръ Давыдко Берловъ
въ разпросѣ сказалъ : лечилъ де онъ
Давыдко у меня, холопа швоего, чело-
вѣка карла Захарка , и ему де карло
Захарко сказывалъ , что онъ боленъ
отъ

отъ моихъ, холопа твоего, побой. А билъ де будто я, холопъ твой, его за то, какъ будто я у себя въ домишкѣ въ палатѣ съ Стефаномъ Докшоромъ чли черную книгу, и въ то де время будто пришло къ намъ въ палату нечислыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и Докшору Стефану, иѣ нечислые духи въ слухъ, что есть у насъ въ избѣ трешій человекъ; будто я, холопъ твой, выскоча, и осмоляря его Захарка за печью, сорвавъ съ него шубу, и поднялъ и ударилъ его о землю, и шопалъ и выкинулъ изъ палаты вонъ замершво. И въ шомъ Давыдко съ Стефаномъ Докшоромъ на очной спавкѣ на карла Захарка Давыдко слался, да и самъ де онъ Давыдко, будучи во дворѣ у меня, холопа твоего, будто видѣлъ, какъ я со Стефаномъ Докшоромъ и съ Спатаріемъ черную книгу запершись чли, почто будто онъ вшелъ къ намъ въ палату не извѣстно; а та де книга въ полдеснѣ, а шолдиною пальца въ три; а училъ де будто по той книгѣ меня, холопа твоего и сынишка моего Андруш-

дрюшку Николай Спатарій. А карло
 Захарко предъ швоими Великаго Госу-
 даря всѣми Бояры въ разспросѣ и съ
 пышки говорилъ, будшо я, холопъ
 швой, съ Стефаномъ Докпоромъ и Спа-
 таріемъ книгу чли, а онъ Захарко за
 печью въ то время былъ и уснулъ и
 вахрапѣлъ, и будшо я, холопъ швой,
 услыша, что онъ храпитъ, взявъ его
 изъ запечья за волосы, и толкнулъ
 черезъ порогъ вонъ зазаднюю палату.
 А та де книга была невеликая, и Да-
 ыдку де о томъ онъ сказывалъ. А
 какъ де его будшо я, холопъ швой,
 изъ палаты вышолкнулъ, и книга де
 въ то время передъ нами была на
 столѣ. Да и костоправъ Ивашко Ма-
 ксимовъ, кошорый того карла лечилъ,
 скавалъ, что переломлены были у то-
 го карла два ребра; а сказывалъ де
 ему костоправу шомъ карло, что шо-
 пшалъ его карла я, холопъ швой; и по
 шому розыску объявилось, будшо моя,
 холопа швоего, ложь и неправда. И я,
 холопъ швой, Давыдково воровство
 и человѣка своего карла Захарка раз-
 спросными рѣчьми и ихъ размолвкою
 хочу правъ быль. Передъ швоимижъ
 Ве

Великаго Государя Бояры человекъ мой
 карло Захарко разспрашиванъ и пытанъ,
 а съ пышки того не говорилъ, какъ
 мы будто съ Стефаномъ Докшоромъ
 и съ Николаемъ Спатаріемъ чли кни-
 гу, и въ то время пришло къ намъ
 въ палату нечистыхъ духовъ множе-
 ство, и говорили будто намъ тѣ не-
 чистые духи въ сдухъ, что есть у
 насъ въ избѣ третій человекъ; и то
 онъ воръ Давыдко въ извѣстѣ своемъ
 воровски зашѣялъ, и тѣ ихъ рѣчи ро-
 знились, и воровство и составъ воров-
 скій Давыдковъ сталъ явенъ. А хо-
 тя бы человекъ мой карло Захарко
 сказаъ, что онъ видѣлъ нечистые ду-
 хи, и тому Великій Государь вѣришь
 не чему; но надлежало было допро-
 сить его, какъ онъ нечистые духи
 могъ видѣть, и каковы ихъ образы,
 и по чему онъ знаешь образъ духовъ
 нечистыхъ: по томубъ все было шебъ
 Великому Государю извѣстно, ложь ли
 то, или истинна. Не шокмо Великій
 Государь падшихъ духовъ видѣшь, но
 и свѣшлыхъ духовъ не возможно и
 свяшымъ видѣшь, какъ о томъ всѣхъ
 церквей око и вселенныя учишель Го-
 аннъ

аннѢ Златая Уста Божественными
 писаніями изъяснилѢ и исполковалѢ,
 яко инѢ никшоже, глагоleshѢ, уго-
 дившимѢ Богови являлися сходипель-
 ными образы свѣшлыми духи, какѢ
 возможно по добродѣшеляхѢ видѢшь,
 а не ешество духа, и отѢ шого схо-
 жденія имѢли страхѢ и шрепешѢ. Да-
 нилѢ (10), постяся шри седмицы дней,
 имѢвѢ желанія не яде, и вина и мяса
 не вииде во уста его, и мастію не
 помазася, и шогда узрѢ видѢніе оно,
 а не ешество: гласѢ словесе его, яко
 гласѢ народа, и азѢ единѢ видѢхѢ ви-
 дѢніе се, а сущіи со мною не видѢ-
 ша; но ужасѢ велій нападе на ня, и
 бѢжаша отѢ страха, и не оша во
 мнѢ крѢпосшь отѢ видѢнія, и слава
 моя превратися во исплѢніе, и сошво-
 ри блѢдность, и погубивѢ цвѢшѢ кра-
 сошы, и истошци блаторумянство явле-
 ніе. Сего ради, рече, слава моя пре-
 вратися во исплѢніе; и се схожденіе,
 а не ешество. Ездра (10) быхѢ по-
 сшавленѢ яко мертвѢ, и рекохѢ Ан-
 гелю: глаголи, Господи мой, не оша-
 ви мя, яко да не вѢ суешѢ умру. То-
 вія (12), егда рече ему АнгелѢ: азѢ
 есмѢ

есмь Рааилъ Ангелъ, единъ отъ седми предстоящихъ; и слышавшии сія ужасошася, и плачуще падоша на землю ницы; рекъ, видѣбоя вамъ яко съ вами ядохъ и пихъ, но отъ пищи и пишія невидимаго, ихъ же отъ чловѣкѣ видѣши не можешъ. Егда сія глаголющу, зрящимъ имъ, невидимъ быспъ, и къ тому его видѣши не возмогоша. И сіе схожденіе, а не естество; а о естествѣ и пищи рекъ, ихъ же отъ чловѣкѣ видѣши не можешъ. Лука 1 и 2.

Захарія бѣ нѣкшо мужъ чуденъ, и великъ Архіерействомъ, почтенъ отъ Бога, видѣвъ Ангела внутрь стояща, и понеже ужаси зрѣніе, видѣвъ смушися, и страхъ нападе на нь; рече ему Ангелъ: не бойся Захаріе. И сіе схожденіе, а не естество. Духъ много во Свяшомъ Писаніи нарицаешся, и многи сущъ духове розныи, сотворенныи якодесять чиновъ Ангеловъ, якоже естъ писано, Псаломъ 143: Твоя Ангелы своя духи, и слуги своя огонь палящъ. Духъ и душа чловѣчская глаголется, Псаломъ 145: Изыдеши (рече) духъ его, и возвратишся

ся въ землю свою, Кто видѣ душу
 человѣческую отъ человѣкъ исходящу?
 Никшоже; духъ и въшрь. Псаломъ
 47: Духомъ бурнымъ сокрушиши ко-
 рабли Фарсійскія. Духъ буренъ шво-
 рящій слово его. И никто, Великій
 и милосливый Государь, изо всѣхъ
 богословцевъ и учителей церковныхъ
 не написалъ, чтобъ кто видѣлъ есте-
 ство духа чиста. А объ отпадшихъ
 и нечислыхъ духахъ шой же злапо-
 струнный языкъ, Іоаннъ Свяшый рекъ
 въ Маргаритѣ, въ словѣ 3 о Іовѣ:
 дѣволъ бо не естества имя, но
 произволенія; не бо дѣволъ созданъ
 бысть изначала, но Ангелъ убо со-
 занъ бысть, дѣволъ же именовася;
 естество бо благо, предложеніежъ зло.
 Духъ бо не человѣки послушаетъ, но
 Бога; родъ, существо бесплотное,
 духи невидимы, духи скороходны, и
 якобы страсть молній, и не человѣ-
 ческая естъ мысль раздѣляти невиди-
 мая отъ чувственныхъ, какъ о томъ
 въ томъ же Маргаритѣ въ словѣ 1 о
 Іовѣ: Пріиде въспникъ ко Іову глаго-
 летъ: сыновомъ швоимъ и дочеремъ
 швоимъ ядущимъ и піющимъ у брата
шво-

твоего старѣйшаго, внезапно прииде
 духъ отъ пустыни и коснуся чешы-
 ремъ угломъ храмины, и падеся, и
 умроша, азъ единъ оспахся, и при-
 дохъ возвѣспиши тебѣ. Откуду вѣси,
 рцы ми, яко прииде духъ отъ пусты-
 ни и коснуся угломъ храмины, чело-
 вѣкъ еси, и како видѣ духъ, копо-
 рыма очима видѣхъ еси, шо яко не бѣ
 человекъ, иже сія глагола ко Іову, но
 самъ духъ во образѣ человекъ. И ве-
 ликоименный Василій, отъ уснѣ сво-
 ихъ имѣя сполнѣ огненъ, царствовав-
 шій надъ спрасъми тѣла, богоду-
 ховная уста премудрости Божіи, въ
 словесѣхъ ученія не токмо бывшихъ
 въ лѣта онаго, но и древнихъ превзо-
 шедъ, когда услыша моленіе къ себѣ
 отъ души Синклистика Проперія, а
 прельщеннаго опрока жены, моляся со
 множествомъ народа всю ночь, Бого-
 ви со слезами вопіюще, да не одо-
 лѣетъ губитель души опрока, какъ
 о томъ пространнѣе въ Прологу, Ген-
 варя во 2 день. И се духъ нечистый,
 со всегубительною своею силою не-
 видимо хотящій схищити опрока изъ
 руки святаго Василія, и рече къ нему

Б духъ

духъ нечистый: обидиши мя Василіе, якоже и многимъ отъ нихъ молящимся гласъ слышати, и въ шолікое безстудіе пріиде, якоже и чудеснаго Василія терзати и порѣвати. И сей великоименишый, и всѣ молящіеся обѣ опрокъ, духа нечиста не видѣли, кромѣ терзанія и слышанія гласа; а видѣли токмо писаніе опрока несено по воздуху; и пріиде, и вложено бысть дивнаго отца Василія въ руцѣ, а духовъ нечистыхъ не видѣли, и видѣти не возможно. И во святомъ Евангеліи отъ Марка, зачало 40, рекъ Господь: изыди душе нѣмой и глухій, азъ ти повелѣваю изыйши отъ чловѣка сего, и къ тому не вниши въ него. Лука, зачало 51: Господь же рече: видѣхъ сатану яко молнію съ небеси спадша. Чшо сего слова сильнѣе? О сошвореніи своемъ рекъ, и сатанною понося, именовалъ, а рекъ молнію. И паки во Евангеліи шолковомъ, Лук. зачало 38: во страѣ Гадаринской мужъ нѣкій, иже имяше бѣсовъ отъ лѣтъ многихъ; видѣвъ же Іисуса, и возопивъ припаде къ Нему, и гласомъ великимъ рече: чшо мнѣ и

Те-

Тебѣ, Иисусе, Сыне Бога Вышняго, молюшися, да не мучиши мене. Видѣвъ же Иисуса челоуѣкъ возопи: что мнѣ и Тебѣ, пришелъ еси прежде времени мучиши насъ; и въ семъ чудотвореніи гласъ челоуѣка народи слышали, а духа нечиста не видѣли и видѣши не возможно. И паки, благосердый и милоспивый Государь, аще сіе не явно, и сему сомнѣвашися имущъ, на прикладъ да возъмущъ: праведніи и грѣшніи челоуѣцы одинаго ли естества, или ни? Все рекущъ одинаго, почію яко праведные благими дѣлы прославяшся, грѣшныя же злыми дѣлы осудяшся: тако и души благіе прославишся, а злыя осудишся. Злашусмый же рекъ: закры бо Богъ добротливыя очи челоуѣческія, да не видяшъ шяжкаго ихъ зрака, а не только естества ихъ; и единъ бо Творецъ ихъ почію вѣстъ естество ихъ. Въ житіи же, Великій Государь, святаго Саввы Сербскаго написано: видимый міръ и невидимый, и видимый міръ глаголется челоуѣкъ, невидимый же міръ Ангели. Не почіюжъ Ангели невидимый міръ наричущся, но и челоуѣцы;

вѣщцы; понеже бо сугубѣ есть чело-
вѣкъ, ошѣ души бо и тѣла сложенѣ.
Зане плоть челоуѣка, и шого ради
челоуѣкъ наречешя видимый мѣръ; ду-
ша же, зане невидима, и шого ради
невидимый мѣръ. И сея ради вины и
челоуѣкъ можешѣ нарещися видимый
мѣръ и невидимый. И паки, кто ви-
дѣлъ ошѣ челоуѣкъ изѣ челоуѣка ду-
шу исходящу? Никтоже, не шокмо
духа чиста Ангела, или духа нечи-
ста, аггелажѣ по естесшву. Аще ли
же кто речешѣ, ко гнѣву швоему Го-
сударскому, нынѣ существу на мнѣ, и
не любя меня, холопа швоего, зави-
сти и ненависти ради, что бѣси на-
писаны вѣ челоуѣкъ моемѣ аггелами,
и шо слово не мое, холопа швоего, но
всей вселенней учителя свяшаго Иоан-
на Златоглаголиваго. Онѣ написалѣ:
естесшво ихѣ благо, предложеніе же
зло; какѣ Богомѣ сотворены, вѣ шомѣ
естесствѣ неизмѣнны пребываютѣ, со-
блюдомы вѣчному огню, какѣ о шомѣ
пишешѣ свяшый Апостолѣ Іуда, вѣ
посланіи своемѣ вѣровавшимѣ Іудеомѣ
же и Еллинамѣ, зачало 77, рекѣ:
вспомянуши же вамѣ хошу, вѣду-
щимѣ

щимъ и вамъ единое сіе, яко Господь
 люди ошъ земли Египетскія спасе, по-
 слѣди невѣровавшихъ погуби; аггелъ
 же несоблюдшихъ свое начальство,
 но оставшихъ свое жилище, на судъ
 великаго дне узами вѣчными подъ
 мракомъ соблюде. И самъ Господь
 рекъ во святомъ Евангеліи, въ Мат-
 теевѣ, зачалъ Іоѳ: идите ошъ мене
 проклятіи во огонь вѣчный, уговорен-
 ный діаволу и аггеломъ его. Самъ
 Спаситель рекъ аггелами духовъ не-
 чисныхъ. А я, холопъ швой, о нихъ
 низверженныхъ и ошъ Бога ошрино-
 венныхъ и проклятыхъ, и о ихъ су-
 ществѣ не токмо въ челобитшѣ сво-
 емъ написалъ, но и на свободѣ бы ни-
 когда объ нихъ не рекъ; но самая,
 Великій Государь, нужда привлекла
 къ лукавсію лукавыхъ доводчиковъ
 моихъ и враговъ. Долженъ имъ даши
 ошвѣтъ, и ошъ неправды правду въ
 челобитшѣ своемъ тебѣ, благосердому
 и милосшивому Великому Государю на
 премудрое швое Государское разсмотрѣ-
 ніе приносить: шо зашѣли, чему не
 возможно быши, и духовъ нечисныхъ
 множество видѣши, какъ ошомъ вы-

ше сего въ челобитвѣ же моемъ, холопа твоего, писано. Моему ли сиротинѣ, бѣдному и глупому, и спящему подъ шубою за печью, духовъ нечислыхъ и проклятыхъ видѣть; или вору Давыдку одноглазому и отъ сохи взятому? Божіе, Великій Государь, слово: орало когда умудрился. И не можешь древо зло плодъ добръ твориши. А въ извѣствѣ, Великій Государь, вора Давыдка лѣкаря написано, духовъ нечислыхъ множество, копорыхъ не токмо множество, но и единого видѣши не возможножъ, какъ о томъ выше сего въ челобитвѣ моемъ, холопа твоего, писано. И въ томъ сего воровскомъ и наученномъ составномъ воровствѣ, и въ составѣ не имѣя вины, разоренъ и учиненъ нищимъ. Онъ же воръ на меня, холопа твоего, доводилъ, онъ же и свидѣтелемъ учиненъ; а въ вашихъ Государскихъ указахъ того нѣтъ, чшобъ извѣщчикъ свидѣтелемъ былъ: врагъ то, а не свидѣтель; а свидѣтель и свидѣтели бываюшъ кромѣ извѣщчиковъ. Всѣ, премилостивый и Великій Государь, Пророки и Богословцы и Училиши цер-

ко-

ковные не возмогли видѣти не токмо шблесными, но и душевными очима духа чиста и нечиста, и въ сей лукавой сложной клеветѣ и на спрашномъ Божиѣмъ судѣ, егда придетъ свѣдущій тайныя шмы и объявляяй совѣшты сердечныя, и тогда я не поспыжуся вселукавой клеветы; ибо кромѣ Бога жива, и законовъ Его и Апостольскихъ и опеческихъ, не училъся злу и богопротивному ничему, что Богу противно, и въ томъ свидѣшель ми есть той же Господь Богъ, вѣдущій предбудущая, настоящая и грядущая; просто рещи, яко вся шварь нага предъ очима Его Всевидца и ничтоже утаенно. А что твоимъ же Великаго Государя Боярамъ Давыдко Берловъ въ разпросѣ своемъ сказалъ, что будто, будучи у меня, холопа твоего, во дворѣ, видѣлъ, какъ будто я съ Стефаномъ Докторомъ и Снашаріемъ черную книгу запершись чди, и будто онъ къ намъ вшелъ въ палашу неизвѣспнымъ дѣломъ; а та де книга въ полдестъ, а толщиною пальца въ шри; а училъ де по той книгѣ будто меня, холопа твоего, и

сынишка моего Николай Спатарій ,
и шѣ его рѣчи воровскія и составныя.
Для чего онѣ того не сказалъ , что
чли, и какія дѣла , и какія слова слы-
шалъ во чшеніи , и чему меня , холо-
па швоего, и сынишка моего училъ ? А
онѣ ворѣ Давыдко и грамошѣ не
умѣшѣ , и бѣжалъ отѣ Солника Тер-
пигорева отѣ сохи , и дано изѣ вашей
Великаго Государя казны Солнику ,
по челобитью Благовѣщенскаго Прото-
попа Андрея, пятьдесятѣ рублевѣ. Чело-
вѣкѣ же мой , холопа швоего , карло
Захарко, убояся и не прешерпя пытки,
зашѣялъ на меня , холопа швоего,
чтобѣ ему отѣ шѣхѣ своихѣ рѣчей
свободну быши, и рѣчи свои рознилъ.
Вѣ первой сказкѣ своей предѣ всѣми
Бояры вѣ разспросѣ и сѣ пытки гово-
рилъ , что будшо я , холопѣ швой ,
сѣ Стефаномѣ Докшоромѣ и сѣ Нико-
лаемѣ Спатаріемѣ книгу чли , а онѣ
Захарко вѣ то время за печью ус-
нулъ и захрапѣлъ , и будшо я , хо-
лопѣ швой, услыша, что онѣ храпишѣ,
взявѣ его изѣ запечья за волосы , и
толкнулъ его черезѣ порогѣ вонѣ вѣ
заднюю палату ; а ша де была книга
не

не велика. А въ другой егожъ Захаркиной сказкѣ, какъ онъ сказывалъ костоправу Ивашку Максимову, что поппалъ его карла Захарка я, холопъ швой, и переломилъ будно я, холопъ швой, у него два ребра. Въ первой сказкѣ, что передъ всѣми Бояры сказалъ, вытолкнулъ изъ палашы черезъ порогъ въ другую палашу, а что переломилъ, и того не говорилъ. А въ другой сказкѣ, что сказалъ костоправу Ивашку Максимову, и въ той сказкѣ прибавилъ: два ребра переломилъ. И разспросныя его рѣчи стали несогласны, спраха ради и болѣзни мукъ. А игралъ томъ карло съ Иваномъ Соловцовымъ и съ робяшы, и пихнулъ его съ стуломъ и переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ; а я, холопъ швой, по прѣздѣ Думныхъ, Дворянина и Дьяка, въ Лаишевѣ, того не вѣдалъ, что переломилъ ему Иванъ Соловцовъ. А допрашиванъ ли онъ Иванъ о томъ, или нѣтъ, и очиспилъ ли меня, холопа швоего, или заперся, и дана ли ему съ шѣмъ карломъ очная ставка, или нѣтъ, того всего не вѣдаю. Давыдкожъ въ доводѣ своемъ сказалъ:

сказывалъ де ему человекъ мой карло Захарко, какъ лечилъ его Захарка онъ Давыдко, что онъ отъ моихъ, холопа своего, побой боленъ; а билъ де будто я, холопъ свой, его за то, какъ будто я у себя въ домишкѣ въ палатѣ съ Стефаномъ Докторомъ чли черную книгу, и въ то де время пришло будто къ намъ въ палату нечиспыхъ духовъ множество, и говорили будто намъ, мнѣ, холопу своему, и Доктору Стефану, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у насъ въ избѣ претій человекъ. Карложъ Захарко предъ своими же, Великаго Государя, всѣми Бояры въ разспросѣ и съ пышки говорилъ, будто я, холопъ свой, а со мною сидѣлъ Стефанъ Докторъ и Николай Спасарій, и книгу чли, а онъ Захарко за печью былъ и уснулъ и захрапѣлъ. И то воровство и соснавъ Давыдковъ спали явны, и рѣчи Давыдковы и карла Захарка • спали ложны. И врознь Давыдку карло Захарко сказалъ, что былъ въ палатѣ я, холопъ свой, и Стефанъ Докторъ; потъ же карло Захарко предъ своими Великаго Го-
су-

сударя Бояры сказалъ, что книгу чли я, холопъ швой, Стефанъ Докшоръ и Николай Спатарій, да онъ карло за печью, и того спало чешыре челоуька, а не шри. И я, холопъ швой, въ бѣдахъ своихъ и въ конечномъ раззореніи того не могу познать, кшо изъ нихъ очолся, или въ счешѣ помѣшался, и палашы сѣ избою не познали, духиль прокляшые и низверженные, или воры Давыдко и карло чешырехъ челоуькѣ счишаюшѣ за шри, а палашу называюшѣ избою. Давыдко и карло сказывали, что будшо мы сидѣли въ палашѣ, а души будшо говорики: чшо вы сидите? есть у васѣ въ избѣ шрепшій челоуькѣ. И сіе, премногомилоспивый Великій Государь, не воровство ли и не лукавный ли и явный составѣ? Яко нѣсть въ нихъ истинны, егда говорили, опѣ своихъ говорили, яко ложь есть, и опецѣ ихъ дїавольлжи опецѣ. Челоуькѣ же мой карло Захарко сказалъ, чшо спалѣ за печью, и у меня, холопа швоего, въ той палашикѣ за печью спать не лѣзя: двѣ стѣны у печи свободны въ палашикѣ, а шрешья печью придѣлана нѣ

самой палашишкѣ, и промежка нѣтъ; а четвершая спѣна, у шой печное устье и въ шомѣ мѣстѣ кладутъ дрова, и то спало передъ печью. Онѣ же карло Захарко сказалъ, что онѣ спалъ и храпѣлъ. Какъ, Великій Государь, спящему челоѣку возможно слышать, кто что говоритъ? И сіе мечтаніе, а не испинна. Или челоѣку храпленіе свое слышать, ошнюдь сему не возможно бытъ. А о лишнемъ четвершомъ челоѣкѣ допрашиваны ли они, или нѣтъ, и о палашишкѣ и о избѣ, и въ палашишкѣ моей осматривали, что есть ли за печью гдѣ спалъ, и возможноль спящему слышать рѣчи и свое храпленіе; и что прошивъ вышеписанныхъ спашей Давыдко и карло Захарко сказали, того всего не вѣдаю, и въ сказкѣ того мнѣ въ Казани не сказано. Мнѣжѣ, холопу швоему, сказано, какову я, холопѣ швой, далъ сказку въ Лаишевѣ Полуголовѣ Алексію Лужину за своею рукою: писано, что книги лечебныя на Славенскомѣ языкѣ, въ кошорой многія шайныя спашьи приписаны цыфирью, кошорую книгу будто укралъ чело-

человѣкъ мой Ивашко Еврей, у меня, холопа своего, нѣшъ; въ домишкѣ его Ивашковѣ я, холопъ твой, обыскивалъ, и такой книги нѣшъ. А человекъ де мой Ивашко Еврей у пылки въ разпросѣ сказалъ, что будто я, холопъ твой, у себя въ домишкѣ съ Думнымъ Дьякомъ съ Лариономъ Ивановымъ смотрѣли лечебныя книги, а говорили будто: принесли де ко мнѣ книгу, годишся де она въ аптеку, и смотря ошдалъ Алхимисту Ивану Ефимьеву, и велѣлъ ошнести въ аптеку и ошдать Дьяку Ивану Патрекѣеву, и приказалъ, чтобъ показалъ Докшорамъ; а будетъ въ ней дѣло есть, и ее бы держали въ аптекѣ; а будетъ не годишся, и ее бы, показавъ Докшорамъ, сжечь. И какъ будто Алхимистъ ту книгу ошъ меня, холопа своего изъ палаты вынесъ, и онъ де Ивашко ту книгу у того Алхимиста взялъ, и нынѣ де та книга у жены его Ивашковой въ Лаишевѣ положена въ дарчикѣ, схоронена въ сѣняхъ подъ моспомъ, въ присылку Алексія Лужина. И по тѣмъ разпроснымъ рѣчамъ человекъ моего Ивашка

Еврея,

Еврея, будто моя, холопа швоего, вина, и о книгѣ сказка объявилась ложна. А какъ де я, холопъ швой, въ Лаишевѣ, въ присылку Алексія Лужина, обыскивалъ на дворишкѣ человѣка своего Ивашки Еврея книгѣ, и писемъ осматривалъ и обыскивалъ, и въ ларчикѣ, который былъ во время шого осмотра, споялъ подъ головами у поштели Ивашковой и жены его, была въ шомъ ларчикѣ, и шу книгу ша Ивашкова жена по приказу мужа своего въ Лаишевѣ сожгла. И ешьлибъ ша книга была не дурная, для чего бы было шу книгу подъ моспомъ хоронить и жечь? Миѣжъ, холопу швоему, сказано, что я, холопъ швой, съ Думнымъ Дьякомъ съ Лариономъ Ивановымъ книгу, про кошорую сказалъ Ивашко Еврей, не читалъ и въ аптеку не посылалъ съ Алхимистомъ Ивановъ Ефимовымъ. Да Думный Дьякъ Ларионъ Ивановъ сказалъ: показывалъ де ему Лариону я, холопъ швой, у себя книжку, величиною въ часовникъ, и при немъ въ аптеку послалъ, а съ кѣмъ, шого не упомнить. И какъ, Великій Государь, прежь сего въ сказ-

кѣ

кѢ моеѣ, холопа швоего, написано, что я, холопѢ швой, съ ДумнымѢ ДьякомѢ съ ДаріономѢ ИвановымѢ шу книгу, что писаны многія спашьи цыфирью, не читалѢ и въ апшекѢ жечь не приказывалѢ; а читали книгу лѣкарствамѢ, что соспроена въ новую апшеку съ цѣбною. ТакѢ и Думный ДьякѢ ДаріонѢ ИвановѢ сказалѢ, что видѣлѢ книгу; а какая она, и что въ ней писано, того не сказалѢ; да и того не сказалѢ же, что въ шой же книгѢ многія спашьи писаны цыфирью. И что я посылаѢ кѢ Дьяку Ивану ПатрекѢеву, и приказалѢ, показавѢ ДокшорамѢ, буде не годится, и ее сжечь, того всего въ допросѢ Думнаго Дьяка Даріона Иванова нѣшѢ, и человѢка моего Ивашка Еврея рѣчи ложны, и клепаѢ себя, не претерпя пышки. А что человѢкѢ мой, онѢ же Ивашко, и жена его, сказали: Ивашко сказалѢ подѢ мостомѢ въ сѣняхѢ, а жена его сказала у постели подѢ головами, и они рѣчи свои рознили, и въ шѢхѢ мѣсцахѢ схоронить не лѣзя; для того что въ шѢхѢ мѣсцахѢ обыскивалѢ я, холопѢ швой. А какѢ по швоему,

Ве-

Великаго Государя , указу прїѣзжали
Думный Дворянинъ Федоръ Прокофье-
вичъ Соковнинъ , да Думный Дьякъ
Василій Семеновъ , и въ Ивашковъ дво-
рѣ того ларчика не нашлижъ , и чело-
вѣка моего Ивашка Еврея жена его
про шомъ ларчикъ Думному Дворяни-
ну и Дьяку не сказала , гдѣ схоро-
ненъ былъ ; а нашли шомъ ларчикъ
по моей , холопа швоего , послыкѣ къ
нимъ , а по извѣсту челоуѣка моего Ни-
конка Павлова , и сысканъ шомъ лар-
чикъ въ самой нуждѣ . А у меня , Ве-
ликій Государь , холопа швоего , кни-
га не бывала , и я имъ хоронишь и
жечь не веливалъ , и шого не вѣдаю ,
какая у нихъ книга была , и челоуѣкъ
мой Ивашко Еврей и жена его на ме-
ня не говорили , что я , холопъ швой ,
о шой книгѣ вѣдалъ , что у нихъ есть ,
и жечь ее не приказывалъ , и шо сло-
во кровію и смернію своею закрѣпилъ .
А Алхимистъ Иванъ Ефимовъ въ
допросѣ сказалъ : шому де нынѣ дру-
гой годъ , далъ ему Ивану челоуѣкъ
мой Игнашка , вынявъ изъ поставца ,
книжку съ часовникъ величиною , и
говорилъ ему Алхимисту , чтообъ онъ
шу

ту книгу отдалъ въ аптеку Дьяку Ивану Пашрекѣеву. И въ палатѣ ту книгу взялъ у него Ивана человекѣ мой, холопа своего, Ивашко Еврей, и положилъ ее въ зѣпъ къ себѣ; и онъ де Алхимистѣ у него Ивашка той книги просилъ недѣль съ шесть безпреспани. Ивашкожѣ Еврей ему Алхимисту сказалъ, что онъ шоя книги ему не отдастѣ. А Алхимистовѣ, Великій Государь, допросѣ прошивѣ допроса Думнаго Дьяка Ларіона Иванова, и человекѣ моего Ивашка Еврея допроса и пышки врознь. Думный Дьякѣ сказалъ: послалъ будшо я, холопѣ швой, книгу въ аптеку, а съ кѣмѣ, шого не упомнишѣ; а Алхимистѣ сказалъ, что далъ ему книгу человекѣ мой Игнашка. Человекѣ же мой Ивашко Еврей сказалъ, что будшо я, холопѣ швой, далъ книгу Алхимисту, и велѣлъ ее отнести въ аптеку и показатѣ Докторамѣ; и буде не годишся, и ее сжечь. А Алхимистѣ шого не сказалъ, что я въ аптеку съ нимѣ Алхимистомѣ послалъ, и велѣлъ отдашѣ въ аптеку, а сказалъ, что далъ ему человекѣ же мой Игнашка. Да и шого

Алхимистъ не сказалъ же, что и человекъ мой Игнашка приказалъ шу книгу, будетъ не годится, и ее сжечь. Въ сказкѣжъ моей, холопа швоего, написано, какову я далъ Полуголовъ Алексію Лужину, что у меня никакой книги человекъ мой Ивашко Еврей не крадывалъ; и Алхимистъ Иванъ Ефимовъ сказалъ, что далъ ему человекъ мой Игнашка книжку не велику, а не я, холопъ швой; а взялъ шу книжку у него Ивана и положилъ въ зѣпъ; и не отдалъ будто человекъ же мой Ивашко Еврей; и ша моя сказка объявилась рѣчьми Алхимиста Ивана Ефимова и распросомъ и пышкою человека моего Ивашка Еврея правая, а не лживая. Какъ я, холопъ швой, сказалъ, что у меня, холопа швоего, Ивашко Еврей не крадывалъ, такъ и въ дѣлѣ объявилось; и я, холопъ швой, шѣми рѣчьми очищенъ, для того что швой, Великаго Государя, указъ въ извѣстныхъ дѣлахъ рѣчи сводитъ: будетъ явнаго обличенія нѣтъ, идушъ несогласные врозь; и тому, Великій Государь, вѣришь не чему. А что Алхимистъ Иванъ Ефимовъ сказалъ, что

что у него взял книгу челобѣи мой
 Ивашко Еврей, и ему не отдали, и
 въ томъ его Алхимистова какая пра-
 вда? Молчалъ два года; мнѣ, холопу
 своему, и въ аптеку Дьяку не ска-
 залъ. А какъ вы, Великій Государь,
 указалъ въдать аптеку Боярину Кня-
 зю Никишѣ Ивановичу Одоевскому,
 для чего же онъ Алхимистъ ему Боя-
 рину не извѣщалъ? Во извѣстѣ вора
 Давыдка Берлова мнѣжъ, холопу сво-
 ему, сказано, что той книги безъ
 своего Великаго Государя указа и безъ
 розыска жечь не довелось; пошому
 что еспьлибъ въ той книгѣ по мое-
 му, холопа своего, или Докшорскому
 осмошру объявилось худо, и мнѣ де
 было, холопу своему, на того своего
 челобѣи извѣстить шебѣ Великому
 Государю, а безъ розыску жечь было
 ее не довелось, помня спрахъ Божій
 и швой Великаго Государя указъ. И
 я, холопъ швой, книги той въ аптеку
 не посылавалъ, и жечь ее въ аптеку,
 показавъ Докшорамъ, будетъ не го-
 диться, не веливалъ, и Думный Дьякъ
 и Алхимистъ того не сказали, что я
 велѣлъ сжечь, и вина мнѣ, холопу сво-

ему, съ рѣчей Думнаго Дьяка Ларіона Иванова и Алхимиспа Ивана Ефимова, и людишекъ моихъ Ивашка, Еврея и Игнашки сказана; а моею, холопа твоего, вины по тѣмъ ихъ разспроснымъ разнымъ и несогласнымъ рѣчамъ не токмо дѣломъ, но и словомъ нѣтъ. Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ, съ кѣмъ я, холопъ твой, послалъ, того не упоминишь, и въ той книгѣ злаго ничего не сказалъ. Алхимиспъ сказалъ, что книгу далъ человекъ мой, а не я, и что въ ней видѣлъ злое, или благое, и того ничего не сказалъ, и мнѣ, холопу твоему, извѣщать было нечего и не на кого; а страхъ Божій имѣю, и вашу Государскій имѣши не престану до послѣдняго моего издыханія. А и костоправъ Ивашко Максимовъ того въ допросѣ своемъ не сказалъ, что ему человекъ мой Захарко Карло сказывалъ, что онъ видѣлъ нечистые духи въ палатишкѣ моею, какъ будто мы съ Стефаномъ Докторомъ и Снатариемъ чли книгу; и та, Великій Государь, костоправова сказка мнѣжѣ, холопу твоему, ко оправданію отъ извѣща вора доводчика. А что костоправъ

правъ сказалъ , что переломилъ будто
 два ребра я , холопъ швой , и по
 коштоправъ сказалъ , что слышалъ онъ
 человекъ моего карла Захарка . А Да-
 выдко на меня , холопа швоего , извѣ-
 щалъ тебѣ , Великому Государю , за-
 шѣявъ воровски , и рѣчи приложилъ
 къ рѣчамъ человекъ моего Захарка ,
 чего онъ ему не сказывалъ , избывая
 своей вины и не хоша плашить день-
 ги испцамъ , и шѣмъ доводомъ онъ
 великаго правежа хоша свободенъ бышь .
 А какъ по швоему , Великаго Госуда-
 ря , указу допрашивали меня , холопа
 швоего , въ Лаишевѣ Думный Дворя-
 нинъ Феодоръ Прокофьевичъ Соков-
 нинъ , да Думный Дьякъ Василій Семе-
 новъ , и они меня , холопа швоего ,
 допрашивали извѣшомъ человекъ моего
 карла Захарка , а не лѣкаря Давыдка
 Берлова . А въ Казани сказываны мнѣ ,
 холопу швоему , будто мои вины и
 неправды , и въ той сказкѣ чли извѣшѣ
 Давыдка Берлова , а не человекъ моего
 карла Захарка . А что воръ Давыдко
 зашѣялъ на меня , холопа швоего , и
 на сынишка моего и на Спапарія ,
 что будто меня училъ и сынишка

моего Спатарій, и онъ меня, холопа твоего, не училъ, не шокмо что Богу прошивно, и ничему; да и не до ученья было въ вашихъ Государскихъ дѣлахъ; а сынишка моего училъ по Гречески и по Латинъ, лишерамъ малой части. А книги я, холопъ твоя, читалъ и сприлъ въ домищкѣ своемъ ради душевныя пользы, и которыя Богу не прошивны. А служба вамъ, Великимъ Государямъ, и желая ваша Государскія къ себѣ милоспи, сдѣлалъ книги съ шоварищи своими, и съ приказными людьми, и съ переводчики, въ Посольскомъ Приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство мое, холопа твоего, и ихъ работы въ Посольскомъ Приказѣ. Первая книга: всѣхъ Великихъ Князей Московскихъ и всея Россіи Самодержцевъ персоны, и шипла и печати (*), какъ они, Великіе Государы, сами себя описывали; также и всѣхъ Государей Христіанскихъ и бусурманскихъ, которые имѣюшъ ссылки съ вами, Великимъ Го- су-

---

(*) Копія съ сея и слѣдующія по ней книги найдены въ книгохранилищѣ Его Свѣщлости Князя Григорія Григорьевича Орлова.

сударемъ, персоны ихъ и шипла и печашни. Другая книга въ лицахъ же съ реченіемъ: Избраніе и посылка на Коспрому, и о прошеніи, и о приходѣ къ Москвѣ, и о вѣнчаніи на царство Московское дѣда швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца. Третія книга всѣхъ предковъ швоихъ, благочестивыхъ Великихъ Государей Князей, и благочестивыхъ Великихъ Государей, Царей и Самодержцевъ, славныхъ въ раннихъ побѣдахъ, въ лицахъ съ исторіями; и шое книгу поднесъ шебѣ, Великому Государю, при опцѣ швоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, я, холопъ швой. Четвертая книга въ лицахъ и съ реченіемъ, перевода Спапаріева, а письмо шарца Маркела, что въ Тіунской; а переводилъ книгу Святѣйшаго Макарія, Патріарха Антіохійскаго. А ешьлибъ, Великій Государь, шо дѣло не составное и не воровское, для чего онъ воръ Давыдко молчалъ многое время, и не извѣспилъ на меня, холопа швоего, опцу швоему Государеву, Великому Государю,

какъ онъ Великій Государь здравство-
валъ, а какъ уже повелѣніе Божіе
приде и время дойде отшествію его
въ вѣчныя обители, а благоволеніемъ
Божіимъ и благословеніемъ отца шво-
его Государева, Великаго Государя,
учинилися вы Великимъ Государемъ
Царемъ, за что шомъ же Давыдко на
меня, холопа швоего, не извѣщалъ
многое время. А какъ мнѣ, холопу
швоему, сказано на Верьхошурьѣ, и
безо всякой моей, холопа швоего, ви-
ны оплученъ отъ милости швоей Ве-
ликаго Государя, и шѣ мои видя и
слыша упадки, приложилъ и затѣялъ
рѣчи, и спалъ воровски доводитъ на
меня, холопа швоего. А я, холопъ швой,
свидѣтельствововался Господомъ Богомъ
и отцами своими духовными, Преосвящен-
нымъ Архіепископомъ Семіономъ Тфер-
скимъ, да Успенскимъ Пропопомъ Кон-
драшомъ, что за мною такихъ бого-
негодныхъ дѣлъ нѣшъ и не бывало;
а жилъ и живу по се время, какъ за-
конъ Божій повелѣваетъ; хошя и грѣш-
никъ предъ Богомъ, шолько не въ
шѣхъ дѣлахъ, и что годно очищаюсь
покаяніемъ, и свяшой шайнѣ, шѣлу и
кро-

хрове Христа Спасителя нашего при-
 общаюсь; и опцевъ моихъ духовныхъ
 не допрошено, и имъ и мнѣ, холопу
 швоему, и шремъ человѣкамъ племян-
 никамъ моимъ, и девяти человѣкамъ
 людишкамъ моимъ, не повѣрено, еще
 и осмошру Думнаго Дворянина Федо-
 ра Прокофьевича Соковнина, и Думна-
 го Дьяка Василья Семенова, что они
 осмашривали въ рухлядишкѣ моей, и
 книги не нашли, для того что ее не
 бывало, не повѣреножъ; а повѣрено,
 Великій Государь, одному вору Да-
 выдку лѣкарю, и по непошребному.
 А вашъ Великихъ Государей указъ,
 хошя бы кто мнѣ, холопу швоему,
 чешью былъ равенъ, а спалъ бы на
 меня, холопа швоего, что запѣвать
 безъ свидѣтелей истинныхъ, и шому
 не вѣришь. Еще и для того, что Сло-
 во Божіе изъ Его пречисшыхъ устъ
 речено: всякій глаголъ спанетъ ис-
 шиненъ двою, или шрїю свидѣтели;
 а мнѣ, холопу швоему, два человѣка,
 опцы мои духовные, шри человѣка
 племянники мои, девять человѣкъ лю-
 дишекъ моихъ, не свидѣтели! Дум-
 ныхъ осмошру и обыску не повѣреножъ.

Чѣмъ же мнѣ, холопу швоему, бытъ оправдану? Повѣрено, Великій Государь, лѣкарю, и еще ни къ чему негодному, а мнѣ, холопу швоему, будучи еще по вашей Государской милости и по своей заслугѣ въ Боярахъ, не повѣрено. А при ошцѣ швоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, въ вашемъ Государскомъ общемъ здоровьѣ, въ посольскихъ, въ полковыхъ и смущенныхъ и во всякихъ вашихъ Государскихъ дѣлахъ было повѣрено, и былъ я, холопъ швой, у вашихъ Государскихъ дѣлъ многія лѣта безъ всякаго претыканія. А что Стефанъ Докшоръ въ допросѣ по извѣсту вора Давыдка сказалъ, говорилъ ли онъ на себя и на меня, или себя и меня очищалъ, и шого мнѣ, холопу швоему, въ сказкѣ не сказано. А Спатарій во ученіи и во чтеніи книги допрашиванъ ли, училъ ли меня и сынишка моего, или не допрашиванъ до посылки Китайской, и безъ его допроса шо дѣло вершено, и шого мнѣ, холопу швоему, не сказано, и въ шомъ воля швоя Великаго Государя. А что на меня, холопа швоего, ненависти и

зави-

зависши ради, воспоминаая ко мнѣ милость блаженныя памяти отца своего Государева, Великаго Государя, шебѣ Великому Государю доносяшѣ, будшо я, холопѣ швой, многія взяшки ималѣ и шѣсношу швоимѣ, Великаго Государя, людямѣ чинилѣ; покупалѣ опчины шѣсношою, и кошорые города по указу отца швоего Государева, Великаго Государя блаженныя памяти вѣдалѣ я, холопѣ швой, вѣ приказѣ Новгородскомѣ и вѣ чешвертяхѣ вѣ Володимирской и вѣ Галицкой, Новгородѣ, Псковѣ, городѣ Архангельскій, Холмогоры, Олонецѣ, Вяшка, Соль-Камская, Вологда, Нижній, Арзамасѣ, Володимирѣ, Коломна и иные многіе города, и шѣ вышеписанные швои, Великаго Государя, города ничѣмѣ опѣ меня, холопа швоего, не шокмо раззорены, и малою шѣсношою не истѣснены. И видя надо мною гнѣвѣ Божій, и швою Государскую опалу, и конечное мое раззореніе, и вѣ упадкѣ моемѣ явномѣ на меня, холопа швоего, шебѣ Великому Государю не бивали челомѣ шѣ города и уѣзды, и впрעדѣ биши челомѣ

ломъ тебѣ Великому Государю на меня, холопа твоего, ни въ чемъ не будушѣ. А копорыми городами меня, холопа твоего, везли въ Пуспоозерскій острогъ, а тѣ города были въдомы въ Новгородскомъ Приказѣ, Соль Камская, Кай городъ, Еренескъ, Турья; и я, холопъ твой, отъ тѣхъ жишелей кромѣ пріятства и поданія домовыхъ ихъ пищъ, какъ подаюшѣ убогимъ и развореннымъ, не слыжалъ на себя никакого пореченія; и не шокма я, холопъ твой, но и приставъ мой. А что на меня, холопа твоего, билъ челомъ тебѣ, Великому Государю, Иванъ Лавреншѣевъ сынъ Салтыковъ, также буде и иные объ отчинахъ, и я, холопъ твой, у Ивана отчины не купливалъ, а купилъ у Петра Пушкина; и Петрова челобитья на меня, холопа твоего, быши не въ чемъ. Купчія мои, холопа твоего, записаны въ Помѣстномъ Приказѣ безъ челобитья съ допросами; а отчины, Великій Государь, купливали, и нынѣ купятъ и впредъ всякими образцы купишь будушѣ. А въ помѣстномъ Приказѣ смотряшѣ того, чтобъ во-

ров.

ровства и подписи въ крѣпостяхъ не было, и челобитья о запискѣ. А буде кто осмошришъ, а послѣ записки хошя и челобитье будетъ, кромѣ воровства, и такимъ челобитчикамъ отказывашь вашими Государскими указы; а заказа о куплѣ и о продажѣ и о мѣнѣ опчинъ и помѣстей вашихъ Великихъ Государей нѣтъ, чшобъ не покупашь и не продавашь и не мѣняшъ, въ шомъ ваша Государская милость, дана воля продашъ и купишъ и мѣняшъ. А что на меня, холопа швоего, били челомъ шебѣ, Великому Государю, Андрей Безобразовъ о человѣкѣ, и Дьякъ Иванъ Гороховъ о человѣкѣ же, и у меня, холопа швоего, шѣхъ людей взяли безъ суда, и суда на меня, холопа швоего, въ шѣхъ людяхъ не дали; а человѣка того отказалъ послѣ смерти ошець Андреевъ Илья по дружбѣ, и жилъ шомъ человѣкѣ у меня, холопа швоего, послѣ смерти опца Андреева многія лѣта по крѣпости до швоего Государскаго гнѣва. А Дьяка Ивана Горохова человѣкѣ служилъ у меня, холопа швоего, по крѣпости и съ оппускною; на чело-

бит-

бишной его подписано, Думнаго Дьяка, Гарасима Докшорова, и изъ Приказа холопья суда его Дьяка дана ему воля; а не неволею, ни подговоромъ пошъ человѣкъ у меня, холопа шво-его, служилъ. И многихъ побрали, и дали волю безъ суда, и ни надъ кѣмъ такихъ образцовъ не бывало, что надо мною, холопомъ швоимъ, учинено. А ваши Государскіе законы не допускаютъ выдашь человѣка на раззореніе и гибель, прежде даже оклеветаемый не имать оправданія своего предъ лицомъ клеветующихъ его, и мѣста ошвѣта пріимешъ о своемъ согрѣшеніи. И не судишь законъ человѣка, аще не слышишь ошъ него прежде, и разумѣешь, что шворитъ.

А при ошцѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, кошорые были въ винахъ, и сами на себя говорили въ прошивныхъ и богошмешныхъ книгахъ, и шѣ книги у нихъ и заговоры выняшы, и шѣмъ ошца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, милость и пощада была. Также и при шебѣ, Великомъ Государѣ, въ такихъ же дѣлахъ

лахъ милость швоя Великаго Государя показанажъ; и кшо въ какомъ чинѣ былъ, чинѣ ихъ и помѣстья, и ошчины, и дворы, и живомы не опняты; а законъ, Великій Государь, согрѣшившаго мучитъ; человеклоубіе же Божіе и царство согрѣшившаго милуетъ. А я, холопъ швой, кромѣ работъ своихъ всегдашнихъ къ чести, къ славѣ, къ повышенію имени Вашему Государскому, и къ пространству государства вашего ни въ чемъ зло не согрѣшилъ, а разоренъ кромѣ вины. А служилъ я, холопъ швой, блаженныя памяти дѣду швоему Государеву, Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи Самодержцу, въ жившѣ въ Сиряпчихъ, въ Головахъ спрѣлецкихъ, и былъ въ полковыхъ службахъ съ Бояриномъ и Воеводою Князь Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ, товарищемъ на Волуѣ; съ Спольшникомъ и Воеводою, Князь Машвѣмъ Васильевичемъ Прозоровскимъ съ товарищи въ Переславлѣ Рязанскомъ; при отцѣ швоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Кня-

Князѣ Алексіѣ Михайловичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцѣ, съ Бояриномѣ и Воеводою съ Князѣ Никишою Ивановичемѣ Одовскимѣ съ товарищи на Ливнахѣ, въ Бѣлѣградѣ; со Спольшникомѣ и Воеводою Князѣ Михайломѣ Щешиннымѣ на Карповѣ Спорожѣвѣ; съ Бояриномѣ и Воеводою Князѣ Дмитріемѣ Алексіевичемѣ Долгоруковымѣ на Волуйкѣ на размѣнѣ; съ Аѣзанасѣемѣ Опяевымѣ въ Царевѣ Алексіевѣ городѣ. А послѣ тѣхѣ полковыхѣ служебѣ, по указу ошцажѣ швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, посыланѣ къ Гешману Хмѣльницкому призывать въ подданство. Я же, холопѣ швой, посыланѣ съ Бояриномѣ и Дворецкимѣ съ Васильемѣ Васильевичемѣ Бушурлинымѣ съ товарищи приводить Гешмана Богдана Хмѣльницкаго къ вѣрѣ на вѣчное подданство подѣ вашу Великаго Государя руку. А какѣ ошецѣ швой Государевѣ, блаженныя памяти Великій Государь, ходилѣ войною на Польскаго Короля Яна Казимира, за его многія неправды и нарушеніе вѣчнаго до-

конѣ

кончанія, подѣ Смоленскѣ, и я, холопѣ швой, въ томѣ походѣ и на присшупѣ подѣ Смоленскимѣ былѣ же, и на сѣздѣ подѣ Смоленскѣ съ Бояриномѣ Иваномѣ Богдановичемѣ Милославскимѣ посланѣ былѣ же; и милосшію Божією, а вашимѣ Государскимѣ щасшіемѣ, Смоленскѣ стоворили съ чины рѣчи Посполишой, которые и нынѣ шебѣ Великому Государю служашѣ. И какѣ Воевода Смоленскій Обуховичѣ съ чины рѣчи Посполишой Смоленскѣ оидавѣ, шолѣ изѣ Смоленска, и предѣ опцемѣ швоимѣ Государевымѣ, какѣ оиѣ Великій Государѣ сидѣлѣ въ сбруѣ рашной, и обшояли около его всѣ чины множественной его Государской рашы, конными и пѣхошою; а шотѣ вышепомянушый Воевода Обуховичѣ со всѣми чины и пѣхошою, знамена и барабаны, и мушкетшы, и всякой рашной спрой клали на землю и сами лежали, а учинилѣ шо Бояринѣ Иванѣ Богдановичѣ Милославскій. И я, холопѣ швой, вспомяная преждебывшее дѣло подѣ шбиѣ же Смоленскимѣ, да яжѣ посланѣ изѣ подѣ Смоленска къ Гешману Бог-

дану Хмѣльницкому для вашихъ Государскихъ дѣлъ. Да яжъ, холопъ швой, съ Бояриномъ и Дворецкимъ и Воеводою, съ Васильемъ Васильевичемъ Бушурлинымъ съ товарищи, и съ Гешманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, подъ Каменцомъ Подольскимъ, подо Львовымъ, и посланъ былъ съ Бояриномъ и Воеводою, съ Князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ подъ Польской городъ Черняковъ, и на приступъ былъ; и послѣ того на сговоръ былъ съ Державцомъ того города, и Петра Пошоцкаго и Калиновскаго сговорилъ и привезъ въ Таборъ къ Боярину Князю Григорью Григорьевичу, и Бояринъ, приведши къ вѣрѣ, послалъ въ полкъ къ Ошцу своему Государеву, Великому Государю. Яжъ, холопъ швой, посланъ съ нимъ же Бояриномъ за Львовъ на Гешмана Спанислава Пошоцкаго подъ городъ Соленой, и Божіею милостию, а вашимъ Государскимъ щасіемъ Гешмана Пошоцкаго побили, и въ языкахъ Яна Пошоцкаго, Болобана, Врища и иныхъ двѣсти человекъ взяли; обозъ и два города высѣкли. А какъ,
Вели-

Великій Государь, Бояринъ съ товарищи съ ратными людьми пошли отъ Львова, и въ то время приходили на обозы Ханъ Крымскій съ ордою, да Андрей Пошоцкій, Староста Каменецкій со многими людьми, и Бояринъ посылаѣ меня, холопа своего, изъ обоза съ выборнымъ полкомъ противъ ихъ рашей, и бои были, а вашимъ Великаго Государя ратнымъ людямъ урона никакого не учинилъ, и бився отошелъ (въ обозъ въ цѣлости. Меняжъ, холопа своего, посылаѣ Бояринъ Василій Васильевичъ съ Бояриномъ Князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, и съ Гешманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, на съѣздъ къ приказнымъ отъ Хана Крымскаго къ Мурзамъ, Скупханъ къ Азы-Агъ, да къ Отлашыншъ Мурзѣ Сулешеву съ товарищи, о мирѣ и о размѣнѣ Стольника Ивана Андреева Сына Бушурлина съ товарищи, и размѣну и мирѣ учиня разошлись. А какъ, Великій Государь, Бояре и Воеводы и ратные люди пошли изъ подо Львова, и пришла самая нужда: отецъ сына, братъ брата мечушъ, и пришолъ

холодъ и голодъ, солдаты и стрѣльцы, Дворяне, и пушки всѣ большія, числомъ всѣхъ 59, порохъ, фишиль и свинецъ, и всякіе рашные припасы покинули на степи и разбѣжались; а Бояринъ и Воевода Василій Васильевичъ Бушурлинъ съ товарищи, и кошорые рашные люди его не покинули, пошолъ скорымъ походомъ напередъ для рашныхъ людей, а меня, холопа швоего, оспавилъ съ шѣми помешанными пушки и со всякими запасы на степи; и я, холопъ швой, съ остаточными людьми, что у меня, холопа швоего, въ полку ошалося, впрягаясь сами подъ пушки, всѣ 59 пушекъ и съ запасомъ допровадилъ до Бѣлой церкви и до Москвы, а урона вашимъ, Великаго Государя, рашямъ не учинилъ. А какъ, Великій Государь, отецъ швой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, ходилъ войною на Свѣйскаго Короля за его неправды и за нарушеніе вѣчнаго докончанія, подъ Ригу, и я, холопъ швой, былъ же. А какъ блаженныя памяти отецъ швой Государевъ, Великій Государь, пошелъ изъ подъ Риги къ Москвѣ,

сквѣ, а меня, холопа швоего, указалъ послать къ Лишовскому Гешману Виленшю Корвину Гонсевскому для вашихъ Великаго Государя дѣлѣ; и будучи я, холопѣ швой, и развѣдывая, писалъ всякія вѣдомости неложно, и какъ писалъ, такъ послѣ надѣ вашими Государскими раши и учинилось. Да яжѣ, холопѣ швой, посланъ къ Гешману Богдану Хмѣльницкому выговаривашѣ, какъ онѣ соединеніе учинилъ съ Свѣйскимъ Королемъ и съ Ракоціемъ, и давалъ часть войска Запорожскаго Ракоцію безѣ воли и указа отца швоего Государева, Великаго Государя; и Гешманъ Богданъ Хмѣльницкій вину свою къ отцу швоему Государеву, Великому Государю, принесѣ, и добилчеломѣ и вѣ подданствѣ ушвердился, и вѣ листѣ своемъ писалъ, что по вѣкѣ живота своего безѣ воли и указа вашего Государскаго войска Запорожскаго непріятелю не дастѣ. Яжѣ, холопѣ швой, посланъ къ Гешману Ивашкѣ Выгобскому, и пріѣхавъ отѣ него, отцу швоему Государеву, блаженныя памяти Великому Государю извѣстилъ, что онѣ

измѣнникъ и добра отъ него не будетъ. И послѣ того моего, холопа швсего, прѣзда и извѣща вскорѣ своровалъ и измѣнилъ, и швоимъ Великаго Государя рашнымъ людямъ великій уронъ учинилъ. Да яжъ, холопъ швой, былъ съ Бояриномъ и Воеводою Князь Алексіемъ Никишичемъ Трубецкимъ съ шоварищи подъ Коношопомъ. А какъ волею Божіею упадокъ учинился вашимъ Государскимъ людямъ, и того ради упадка отступили ваши Великаго Государя Бояре и Воеводы, и шли отводомъ до Путивля, окопъ и обозъ, и образецъ, и путь, строилъ я, холопъ швой, и що извѣстно вашимъ Великаго Государя Боярамъ и рашнымъ людямъ, и опошли въ Путивль въ цѣлости; а непріяшельскихъ Польскихъ и Крымскихъ рашныхъ людей многихъ побили. И какъ по указу опца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, пришолъ Окольничій и Воевода Петръ Алексіевичъ Долгоруковъ съ шоварищи съ рашными людыми, и Бояре и Воеводы, Бояринъ и Воевода Князь Алексій Никишичъ Трубецкій съ шова-

ва-

варищи, хотѣли ийти въ Черкасскіе города, и рашные люди, которые не похотѣли ийти за Семь въ Черкасскіе города, учинили бунтъ, и привели его Боярина за спанчу, и я, холопъ швой, съ стрѣльцами его Боярина опнялъ. А какъ пришли въ Переславль на раду, и на радѣ при нихъ Боярахъ и Воеводахъ работишка моя, холопа швоего, былажъ. Да яжъ, холопъ швой, былъ съ Бояриномъ съ Князь Пепромъ Ивановичемъ Прозоровскимъ у Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, и Святѣйшіе Вселенскіе Патріархи со всемъ освященнымъ соборомъ учинили спашьи церковному исправленію. А въ началѣ написали двѣ спашьи, вашего Царскаго чина и вашихъ Государскихъ достоинствъ не свѣдая; и дошло до того времени, прикладывать руки. И я, холопъ швой, доложу Боярина Князь Пепра Ивановича Святѣйшимъ Вселенскимъ Патріархамъ, и всему освященному собору рукъ прикладывать не далъ. И Преосвященные Митрополиты, Павелъ Крушицкій и Даріонъ Рязанскій, на меня, холопа швоего, яростію и не-

навистію великою вознегодовали. А какъ Бояринъ Князь Пётръ Ивановичъ извѣспилъ ошцу явоему Государеву, блаженныя памяти Великому Государю, и отецъ швой Государевъ, Великій Государь, съ ближними Бояры, шѣхъ спашей слушавъ, указалъ ошспавить шѣ двѣ спашьи; а Пресвященные Митрополиты, Павелъ и Даріонъ, стояли упорно, чтобъ учинивъ имъ по своему намѣренію и шѣхъ спашей не ошспавить, и рукъ приложить не хошѣли, и за то ошѣ Вселенскихъ Папріарховъ были они въ ошлученіи. Яжъ, холопъ швой, взяшъ у Свяшѣйшихъ Вселенскихъ Папріарховъ и посланъ былъ на раду въ Глуховъ, съ Бояриномъ и Воеводою, съ Князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, и раду учинили, и Гепмана войскомъ выбрали, и къ вѣрѣ привели; и съ той рады ваши, Великаго Государя, подданные ушвердились подъ вашею Государскою рукою и доднесъ. И на шѣхъ всѣхъ вышеписанныхъ Боярѣ и Воеводѣ, кошорые нынѣ при вашей Государской милоспи предшояшъ, шлюсь, какъ я, холопъ швой,

пвой, съ ними былъ у вашихъ Государскихъ дѣлъ, нигдѣ на меня, холопа швоего, челобитья и явокъ и извѣшовъ ни въ какихъ дѣлахъ не бывало. А какъ я, холопъ швой, съ рады изъ Глухова прѣхалъ, и ошецъ швой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, указалъ мнѣ, холопу швоему, сидѣшь въ Малороссійскомъ Приказѣ, и я Гешмана и начальныхъ людей чрезъ посланцовъ ихъ вашу Государскою милостию обнадеживалъ, и свое подаяніе, елику силу имѣлъ, подавалъ для шишины и покоя. И ваши Государскіе подданные, Гешманъ и все войско, безъ всякаго премѣненія и по сіе время у васъ Великаго Государя въ подданствѣ; и на увѣреніе вѣрныя своей службы и дѣшей своихъ къ вамъ Великимъ Государямъ прислалъ жишь къ Москвѣ. Подай всемогій Богъ и до скончанія вѣка дней быти имъ у васъ Великихъ Государей! А какъ увидѣли вашу Государскую премногую милосшь, и прирѣніе къ себѣ великое, и Гешману Демкѣ не потерпѣли: со единомышленники его связавъ, прислали къ намъ,

Великимъ Государямъ, при моемъ же, холопа швоего, сидѣньѣ въ Приказѣ Малыя Россіи. А какъ объявился воръ самозванецъ, именемъ брата вашего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Семіона Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и отъ того вора учили быши на Запорожьѣ и на Украинѣ Черкасской смушы великія: и я, холопъ швой, по указу ошца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, посылааь на Запорожье ваши Государскія милосшивыя и обличительныя грамоты, увѣряя истинною, чшобъ они къ шему вору и самзванцу и къ его воровшву не приставади и помнили свое обѣщаніе. А какъ, Великій Государь, прислади изъ Запорожья послѣдній листъ на искушеніе, и чаяли, что я у нихъ приму: и я, холопъ швей, имъ сказаь, что о шомъ ихъ пріѣздѣ и о листахъ Кошеваго Ашамана и самозванца вора извѣщу вамъ Великимъ Государямъ; и по моему, холопа швоего, доношенію ошець швой Государевъ, Великій Государь, шѣ листы указаь при-

принять, и при себѣ указалъ вычестъ. И выслушавъ на нихъ кручинилъ, и свою Великаго Государя милоспивую и обличительную грамоту при себѣ, Великомъ Государѣ, на каменномъ крыльцѣ запечашавъ, отдасть посланцамъ миѣ, холопу швоему, повелѣлъ: и услышавъ отъ посланцовъ своихъ Ашаманъ Серко съ войскомъ милость и гнѣвъ отца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, и грамоту милоспивую и обличительную слыша, шого вора и самозванца сковавъ, прислалъ къ вамъ, Великимъ Государямъ; и ша моя службишка шебѣ, Великому Государю, извѣсна, и швоимъ Великаго Государя Боярамъ вѣдома. При оцѣ же швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, съ другаго Андрусовскаго договора Бояринъ и Царшвенныя большія печати и Посольскихъ дѣлъ Оберегашель, Аванасій Лавреншевичъ Ординъ-Нащокинъ, прѣбхавъ и запись съ шого договора привезъ, что пославилъ съ великими и полномочными послы, по кошорой записи обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ

говорить отцу своему Государеву, Великому Государю. И учало, Великий Государь, доходить къ великимъ шѣсношамъ; для того что въ шѣхъ договорахъ пославлено: сшавить съ стороны Вашего Царскаго Величества межъ Днестра и Днестра, или куда воинскій случай употребляти будетъ, дванцать пять тысячъ конныхъ и пѣшихъ; а будетъ Турскій Султанъ, или Ханъ Крымскій, наступитъ съ войски своими изъ обоихъ Великихъ Государей на которое ни есть государство, и шѣ обои Великіе Государи должны всѣми своими силами поступать прошивъ общаго непріятеля Турскаго Султана и Хана Крымскаго, и ихъ силъ. А буде изъ оныхъ обоихъ Великихъ Государей одинъ другому повѣритъ въ войскъ, и шѣ Государь долженъ обомъ войски во владѣніи имѣть. И по шѣму договору назначены къ вамъ, Великимъ Государямъ, бытъ великіе и полномочные послы, Янъ Гнинскій, Воевода Хельминскій, для обѣщанія и подшверженія предъ святымъ Евангеліемъ. А въ Посольскомъ, Великий Государь,
При-

ПриказѢ, кромѢ АндрусевскихѢ договоровѢ и Московскаго пославленія, инаго ничего нѣшь, чшобѢ сыскано на Посольскую страну кѢ нарушенію договоровѢ, и чѢмѢ бы шу запись основившь и тѢ договоры не подтвердишь. А я, холопѢ швой, еще будучи вѢ МалороссійскомѢ ПриказѢ, шодѢло по вашей Государской милости вѢдалѢ, и служба вамѢ, ВеликимѢ ГосударямѢ, посылаѢ вѢ Черкасскіе города для листовѢ КоролевскихѢ и СенапшорскихѢ и книгѢ укоризненныхѢ, вѢдая ихѢ неопасные нравы; и изѢ ЧеркасскихѢ городовѢ привезли многіе прописные листы, которые объявились прошивны АндрусевскимѢ договорамѢ и Московскому пославленію, и книгу ПашквилѢ, реченіемѢ СлавенскимѢ: подсмѣвнїе, или укоризна, печашную, кошорая печашана вѢ ПольшѢ. ВѢ шой книгѢ положенѢ совѢшѢ лукавешвія ихѢ: время доходитѢ поспупашѢ сѢ Москвою такимѢ образомѢ, и время ковашѢ цѢпѢ и Троянскаго коня, а прочая явствениѢ вѢ шой книгѢ. ВѢ договорѢжѢ, Великій Государь, АндрусевекомѢ и МосковскомѢ

скомъ поспавлено между вами, Великими Государи, такъ, чтобъ совѣша и умышленія ни тайно, ни явно къ недружбѣ одному Государю прошивъ другаго Государя не искашь; а искашь долженъ браться брату лучшаго. И въ то время по доношенію моему, холопа твоего, онецъ твой Государевъ, блаженный памяти Великій Государь, всѣхъ вышеписанныхъ спашей и записи, и прописныхъ листовъ, и книги, слушавъ съ Бояры; указалъ послашь изъ посредства великихъ и полномочныхъ Пословъ, которые въ то время были наряжены, Думнаго Дворянина Ивана Ивановича Чадаева, чтобъ Польскихъ Пословъ предупредить, и заставить ихъ отъ Королевскаго Величества неопущенныхъ къ Москвѣ, къ вамъ Великимъ Государямъ; а велѣно ему, будучи въ опѣшѣ, Сенаторамъ говорить, чтобъ Королевское Величество велѣлъ дать своимъ великимъ и полномочнымъ Посламъ полную мочь на договариваніе иѣкакихъ новыхъ спашей, которые явились прошивны договорамъ къ спору вашему, Великихъ Государей,
Цар-

Царскаго Величества. И Думный Дворянинъ, Иванъ Ивановичъ Чаадаевъ, къ опцу своему Государеву, блаженныя памяти, Великому Государю, привезъ Королевскую грамоту; а въ той грамотѣ писано, что накажетъ Посламъ своимъ противныя спашы исправити. И какъ, Великій Государь, Польскіе Послы опца своего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, очи видѣли и посольство правили, и послѣ того, въ отвѣсѣ будучи, ближнему Боярину и Тверскому Намѣстнику, Князю Юрью Алексіевичу, и брашу его Бояринужъ и Суждальскому Намѣстнику, Князю Дмитрію Алексіевичу Долго-рукову съ поварищи, говорили, чтобъ по записѣ вышеписанный отецъ твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, учинилъ обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ, а прежде подтвержденія ни въ какіе договоры вступать не будутъ. И естлибъ, Великій Государь, не въ прописные листы и книга укоризненная, нечегобъ было противъ записи и спашей говорить съ Послами. А какія были трудности и премногіе отвѣсы вашимъ, Великаго

го Государя, Боярамъ, и по извѣстно шебѣ, Великому Государю. Однакожъ по вашему Государскому указу Бояре службою своею и разумомъ учинили пакъ, какъ вамъ Великимъ Государямъ годно: шѣ ошвѣшы совершили во благо, и прежніе договоры, чшобѣ Кіевъ отдашь и войско спавить, по все отложено до шого времени, какъ прежніе договоры исправлены будущѣ и въ своей силѣ спанушѣ; и учиненѣ съ Польскимъ государствомъ покой. У опца же швоего Государева блаженныя памяти Великаго Государя, были Свѣйскаго Короля послы, Графъ Густавъ Оксенспирнѣ съ шоварищи, и обѣявили въ ошвѣшѣ вашимъ Великаго Государя Боярамъ, ближнему Боярину и Намѣспнику Тверскому, Князю Юрью Алексіевичу, да сыну его ближнему Боярину и Суждальскому Намѣспнику, Князю Михайлу Юрьевичу Долгорукимъ, нарушенныя спашьи, кошорыя были съ спороны вашей, Великаго Государя, и въ шѣхъ ошвѣшѣхъ Бояре имѣли великія шрудносшижѣ. Однако же, Великій Государь, шѣхъ Пословъ и самихъ учинили винныхъ паче вашей,

Вели-

Великаго Государя, стороны, въ пропискахъ; и съ Москвы они побѣхали съ великою печалію; и моя же работница, холопа швоего, была, и свидѣтельствуюсь ими, ближними Бояры. Да у ошцажъ швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, были Цесарскаго Величества чрезвычайные Посланники, Аннибалъ Францискъ де Ботоній съ товарищемъ; а прежь сего и въ шой Цесарской грамотѣ и въ отвѣсныхъ письмахъ писалъ къ вашимъ Царскаго Величества лицамъ Пресвѣтлѣйшество, также и всѣмъ Хрисціанскимъ Великимъ Государямъ, Королю Испанскому, Королю Французскому, Королю Датскому, Королю Польскому, Королю Аглинскому, и шѣмъ умаляетъ честь всѣхъ Государей и Курфиршовъ; шакожде пишешъ для чести и повышенія имени своему. А во время, Великій Государь, царшвованія блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича, всея Россіи Самодержца, и блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василія Іоанновича,

Д

всея

всея Россіи Самодержца, у Цесарскихъ По-
 сланниковъ чрезъ великую куплю учи-
 нили, что и Пресвѣтлѣйшество на-
 писали въ шпалѣ, и тому Великій Го-
 сударь выписка есть въ Посольскомъ
 Приказѣ. А я, холопъ твой, съ Це-
 сарскими Посланниками договоръ за
 руками учинилъ, чтобы впредь васъ,
 Великихъ Государей, въ грамошахъ и
 въ отвѣтныхъ письмахъ писать Вели-
 чествомъ, а не Пресвѣтлѣйшествомъ,
 и такъ, какъ Цесарю приписуютъ. Да
 жь, холопъ твой, остерегая вашей
 Государскія чести, и не допуская до
 васъ Великихъ Государей шудности,
 учинилъ съ Польскими и Свѣйскими
 великими и полномочными Послы до-
 говоръ, что имъ Посламъ, пришедъ
 передъ палату, въ которой палашъ
 вы, Великій Государь, изволише по-
 сольство и грамошу принять, и пе-
 редъ шою палашою шапки и шляпы
 снимаешь, и на скамьѣ передъ вами,
 Великимъ Государемъ, въ шапкахъ и
 въ шляпахъ не сидѣшь; и о томъ
 споры и описки къ Государямъ ихъ
 отъ нихъ были; однакожь учинили
 они такъ, какъ вашей Государской
 чести

чести достоитъ бытъ. А Цесарскіе Посланники когда ваши Государскія очи видѣли, и на посольствѣ въ селѣ Коломенскомъ были, и за дворомъ шляпы сняли. А прежде сего, Великій Государь, Польскіе и Свѣйскіе Послы при дѣдѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, въ палату входили и сидѣли на скамьяхъ въ шапкахъ; а изъ Думныхъ Дьяковъ только одинъ Иванъ Грамошинъ оговаривалъ ихъ въ шакомъ ихъ дерзновеніи. А при Бояринѣ, Аѳанасьѣ Лавреншѣвичѣ Ординѣ - Нащокинѣ, Биневскій также и въ палату входилъ и сидѣлъ на скамьѣ въ шляпѣ; а договора о томъ съ ними Послы до меня, холопа швоего, никто не учинилъ. Яжъ, холопъ швой, съ Польскимъ Посланникомъ, съ Александромъ Кладницкимъ, договоръ учинилъ; а каковъ его былъ прѣздъ и съ чемъ, и каковъ отвѣтъ учиненъ, и то извѣстно швоимъ, Великаго Государя, Боярамъ. А какъ, Великій Государь, вашъ Государскій и всѣхъ Государей Христіянскихъ непріяшель, Турскій Султанъ, у Польскаго Короля Каменецъ

нець Подольскій взялъ , и Дорошенко
 учинился у негожъ въ подданствѣ , и
 дошло Польскому Королю къ великой
 шѣсношѣ , и по Королевскому и всей
 Рѣчи Посполитой указу , Послы его съ
 Турскими Послы договоръ и миръ учи-
 нили , и ту всю Заднѣпрскую сторону
 поступили Турскому Султану до ша-
 раго рубежа ; и съ шѣми пославлен-
 ными спашьями присланъ къ отцу
 швоему Государеву , блаженныя памя-
 ти Великому Государю Польскій По-
 сланникъ Іеронимъ Комаръ ; а пре-
 силъ Королевское Величеству совѣща у
 отца швоего Царскаго Величества ,
 что шѣ спашьи держать ли , или не
 держать ; и ему Комару отвѣтъ учи-
 ненъ : какъ Государь ихъ изволишъ ,
 держать , или не держать . А въ до-
 говорахъ пославлено , что одинъ Го-
 сударь безъ другаго Государя ни
 въ какіе (дѣла) договоры всту-
 пасть съ Турскимъ Султаномъ не дол-
 женъ , и шѣмъ договоромъ Дорошен-
 ко съ шюю стороною ошѣ подданства
 увольненъ . И какъ , Великій Государь ,
 учало бысть къ шѣсношѣ сей сторонѣ
 вашимъ Государскимъ подданнымъ отъ

Дорошенка, а Гешманъ учалъ присы-
 лашь о многихъ замѣшаніяхъ, и я,
 холопъ пвой, докладывалъ ошца шво-
 его Государева, блаженныя памяти
 Великаго Государя, чшо дошло время
 призывашь Дорошенка съ швою споро-
 ною Дибра, для шого чшо Король
 Польскій послушилъ Дорошенка съ швою
 спороною Турскому Султану, и шѣмъ
 бы пріемомъ ошдѣлишь войну ошѣ
 Турскаго Султана ошѣ Кіева и ошѣ
 иныхъ Черкасскихъ городовъ. И ошецъ
 швой Государевъ, блаженныя памяти
 Великій Государь, съ Святѣйшимъ Пи-
 ширимомъ, Патріархомъ Московскимъ
 и всея Россіи, и со всемъ освященнымъ
 Соборомъ совѣшовавъ, указалъ къ До-
 рошенку послать свою Великаго Госу-
 даря грамоту, и призывашь его ошѣ
 Турскаго Султана велѣлъ. И я, хо-
 лопъ пвой, посылалъ ваши Государ-
 скія милосшивыя грамоты, чшобъ онъ
 былъ подѣ вашею Государскою рукою;
 и каковы ваши Государскія грамоты
 и его листы, и каково его было же-
 ланіе вѣ подданшво и на раду вѣхашь,
 и шо все ешть вѣ Приказѣ Малыя Рос-
 сіи. А какъ увидѣлъ вѣ подданшвѣ

шой спороны начальныхъ людей, и все войско подъ вашею Великаго Государя рукою, и шу спорону въ запусѣннѣи, и переходъ тамошнихъ жителей на сю спорону, и та спорона учинилась пуста, и Дорошенко тебѣ, Великому Государю, добилъ - челомъ, и Чигиринъ ошдалъ, и самъ прѣбхалъ на вѣчную службу. Да отецъ же твой Государевъ, блаженныя памяти Великій Государь, по челобитью Гепмана и всего войска Запорожскаго, и по опискѣ и по сташьямъ Боярина Князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи, изволилъ войну готовить на Крымъ, и о томъ походѣ указалъ послать свою, Великаго Государя, грамоту къ Польскому Королю. А какъ волею Божіею отецъ твой Государевъ, Великій Государь, ошѣде въ вѣчныя обители, а твоею на по твоему Великаго Государя указу ошпавлена, и така твоя Великаго Государя грамота послана, и ошписана на прежнюю грамоту ошца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя; и то тебѣ, Великому Государю, извѣстно, и при ошданіи твоей,

ей, Великаго Государя, грамоты Резиден-
 шу Павлу Свидерскому въ споловой
 швоей Государское милосливое слово
 ко мнѣ, холопу швоему, было. Да по
 указужь отца швоего Государева, бла-
 женныя памяти Великаго Государя,
 были многія посылки къ подданнымъ
 вашимъ, ко Князь Каспулашу Муцало-
 вичу Черкасскому и къ Таишамъ, чшобъ
 они шли на Крымъ, или Улусныхъ сво-
 ихъ людей послали. И хошя они Таиши
 Улусныхъ своихъ людей и посылавали,
 а до Юршовъ они не дохаживали,
 шолько въ стадахъ дальныхъ ошъ
 Перекопи бывали. А какъ ошець
 швой Государевъ, блаженныя памяти
 Великій Государь, указалъ бышь къ
 Москвѣ Князю Каспулашу Муцаловичу;
 и какъ онъ видѣлъ очи отца швоего
 Государева, и я, холопъ швой, съ
 нимъ договоръ учинилъ, и онъ обѣщал-
 ся по своему закону, хошя нужи вели-
 кія, или самую смерть применъ, а
 милость отца швоего Государева за-
 плашитъ; и по своему обѣщанію такъ
 и учинилъ: въ Крыму войною былъ,
 а съ нимъ Сшольникъ и Воевода Иванъ
 Леоншьевъ, съ рашными людьми и съ

козаки Донскими и Запорожскими, и Калмыки были; а прежде сего никогда ваши Государские рашные люди въ Крымъ не хаживали, и славы о томъ походѣ такой имени Вашему Государскому не бывало. Яжъ, холопъ швой, будучи въ Приказѣ, вамъ Великимъ Государямъ служба, учинилъ прибыли великія: а вновь учинилъ аптеку, кружечный дворъ, и изъ шѣхъ сборовъ сдѣлалъ дворы каменные, Посольскій, Греческій, лавки; а въ расходы иманы чшо годъ, въ Приказы Тайныхъ дѣлъ, въ Спрѣлецкій, въ Иноземскій, въ Хлѣбный, шысящъ по шпидесять и больше, кромѣ покупокъ въ мастерскія палаты и во Дворецъ. А въ Кіевъ, и въ Черниговъ, и въ Переяславль, и въ Нѣжинъ, и въ Остръ, рашнымъ людямъ жалованья и на хлѣбную покупку все посылавано изъ доходовъ изъ Новгородскаго Приказа и съ четвершей, а изъ иныхъ Приказовъ не посылавали. А до моего, холопа швоего, сидѣнія въ Малороссійскомъ Приказѣ, посылавали вашимъ, Великаго Государя, рашнымъ людямъ въ Кіевъ и въ иные города хлѣбные

запасы изъ Брянска въ судахъ; а тѣ суда дѣлывали шупъ же во Брянскѣ, и четверть цѣною спавливалась въ Кіевѣ по семи рублевъ и больше. А какъ я, холопъ швой, учалъ посылать на хлѣбъ деньги, и четверть дороже рубля въ куплѣ не бывала; а и за шѣми расходы послѣ представления ошца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, объявилъ тебѣ, Великому Государю, я, холопъ швой, сто осмьдесятъ двѣ тысячи золотыхъ и ефимковъ и денегъ мѣлихъ. Денежный дворъ 15 лѣтъ стоялъ пустъ, пуда серебра въ заводѣ на дѣло денежное не бывало; яжъ, холопъ швой, завелъ дѣланъ на шомъ дворъ деньги, и ошъ того дѣла непрестанная прибыль была въ швою Государскую казну: и за всѣ вышеписанные мои, холопа швоего, службишки пожалованъ я былъ вашею Государскою милостію, чешью Боярствомъ, опчинами, помѣшьями; и куплены опчины вашимъ же Государскимъ жалованьемъ, а нажишкомъ ошца моего, который онъ наживалъ на вашихъ Государскихъ службахъ,

въ посольствѣ въ Царѣградѣ и въ Кизылбашахъ, также и у вашихъ Государскихъ дѣлъ. А я, холопъ швой, наживалъ вашею Государскою милостию на службахъ полковыхъ, и въ посылкахъ, и въ Посольскихъ подаркахъ, и у вашихъ Государскихъ дѣлъ будучи, и собирали мы ихъ въ 67 лѣтъ, и то все безъ ошашка безъ вины ошншно. Есць, Великій Государь, которые въ чужихъ домахъ живали, и чужія плащя нашивали, и чужій хлѣбъ ѣдали, и шѣ при дѣдѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, и при оцѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти Великомъ Государѣ, шолькожь, или и больше моего, у такихъ же дѣлъ будучи, наживали. Одинъ я, холопъ швой, возненавидѣнъ и оглашенъ многими деньгами, и золопыми, и живошны; а нынѣ о всѣхъ моихъ деньгахъ и о всей моей, холопа швоего, рухлядишкѣ шобѣ, Великому Государю, извѣстно: не шакovy объявились, какъ объ нихъ донесено. Да у меняжь, холопа швоего, Дьякъ Иванъ Гороховъ спрашивалъ многое число пороха, свинца, пушекъ, караби-

биновъ, пистолетовъ, Пансырей, наручней, шапокъ; и я, холопъ швой, сказалъ: какъ поволокся съ Москвы, были для опасенія оиъ воровскихъ людей двѣ пушечки небольшія, да самыхъ малыхъ меньшихъ пистолетовъ небольшое число, и въ томъ прежде сего заповѣди не бывало, и многіе и на Москвѣ по ближнимъ деревнямъ держашъ; а которые Бояре и Воеводы хаживали въ Казань, и у нихъ на судахъ пушки для опасенія воровскихъ людей бывали, и у торговыхъ людей на судахъ пушки бывалижъ, а нынѣ еснъ же; и взялъ у меня, холопа швого, пороха только два пуда; а карабиновъ и мушкетеровъ и на Московскомъ дворишкѣ нѣтъ, а пистолей малое число, и что всего пансырей, наручней, шапокъ, и по извѣстно тебѣ, Великому Государю, по переписи домишка моего, кто переписывалъ на Московскомъ моемъ дворишкѣ, и по держалъ для вашей Государскія службы. Работалъ вамъ Государямъ чистымъ сердцемъ, а не лукавымъ, и лукаваго не помышлялъ, и впредь помышляшь не буду, дондеже дышу, и

за швое Государское повелѣніе должѣнъ и послѣднюю каплю крови своей испочитъ, и въ шомъ свидѣшельствуюсь Господемъ Богомъ. А во время случаевъ злыхъ, какъ были на Москвѣ въ Коломенскомъ, въ Путивлѣ, въ Переяславлѣ, и я, холопъ швой, служба вамъ, Великимъ Государямъ, всегда былъ ко уняшію починщикъ, и шо шебъ, Великому Государю, извѣсно, и швоимъ, Великаго Государя, Боярамъ вѣдомо. Да яжъ, холопъ швой, будучи многія лѣта въ Полковникахъ и Шольникахъ и въ Головахъ спрѣлцкихъ, работалъ вамъ Великимъ Государямъ на приспунахъ и на бояхъ, въ скорыхъ и часныхъ посылакахъ и на пожарахъ, изувѣченъ, и все шѣло и кости мои сокрушены, кровь моя какъ вода пролила за васъ Государей, и вопію ко Всесильному Богу на шѣхъ, которые меня, холопа швоего, безъ всякія моя вины отъ милости швоей Государской оплучили, и посланъ въ заточеніе въ Пустоозерскій острогъ, гдѣ гладомъ и шамошніе житшели шаюли и скончаваюшя, а миѣ, холопу швоему, гладажъ ради прежде времени

ни

ни душа изврещи. Дано, Великій Государь, мнѣ, холопу твоему, изъ нажилковъ отца и моего пожитченка тысяча рублевъ денегъ, копорые пожитченки наживалъ чрезъ смерти и кровь и работы свои непрестанныя, и по швое, Великаго Государя, жалованье не вѣмъ, на что издавать, на пишуль себѣ, или и червю своему бѣдному сиропинѣ въ наслѣдіе. Охъ увы! охъ горесшь! слезы и кровавыя слезы! не имѣючи и въ мысли своей вины, не шокмо въ словѣ, или въ дѣлѣ. Однако же, Великій Государь, надежда моя Господь Богъ, да ваше Царское премилостивое разсмотреніе и милость. Глаголетъ премудрый Царь Соломонъ: якоже устремленіе водное, шако и сердце Царево въ руцѣ Божіи: аможе хощетъ обратиши, шамо и уклонишь е. Умилосердися, благочестивый Великій Государь! буди подобенъ Царю и пророку Давиду милосердому, иже непрестанно вопіетъ: сотвори хъ судъ и правду. Не предаждь меня обидящимъ мя. Умилосердивися, благосердый Великій Государь, буди славенъ и подобенъ славному и премудрому Царю Со-

домону, иже рече: даждь рабу швоему
сердце смысленно на послушаніе, и
осужденіе людемъ швоимъ въ правду,
еже разумѣваши посреди добра и зла.
Умилися, многомилоспивый Великій Го-
сударь Царь и Великій Князь Феодоръ
Алексіевичь, всея Великія и Малыя и
Бѣлыя Россіи Самодержецъ! буди по-
добенъ и милоспивъ Царю сроднику
Пророка Даніила, когда осудиша на
умершвіе Сусанну, она же возопи гласомъ
веліимъ: Боже вѣчный и сокровенныхъ
Свидѣтелю, свѣдый все пре-
жде бышія ихъ! Ты вѣси, яко лжу
послушеспивовасша на мя: и се умираю
несотворша ничтоже, еже сія слукав-
спивовасша на мя. И послуша Господь
глагола ея, воздвиже ошрока юна, ему-
же имя Даніилъ, и возопи гласомъ
веліимъ: чистъ азъ отъ крове ея, и
двою древесы, шерніемъ и чресминою,
и двоюнадесяти лѣшъ, спарцамъ и
судіямъ судія бѣ, нача судъ и со-
верши. Возвращи раззореніе мое невин-
ное, и даждь благодареніе и славу
имени швоему Государскому! ушолі мое
со убогимъ моимъ червемъ рыданіе
слезное для блаженныя памяши благо-
че-

честиваго и милостиваго отца своего
Государева, Великаго Государя Царя и
Великаго Князя Алексія Михайлови-
ча, всея Великія и Малыя и Бѣлыя
Россіи Самодержца; вспомяни милость
его и свою Государскую ко мнѣ сиротѣ
и сынишку моему, и неимѣющимъ
помощи, копорую милость вашу на
всякое время вспомянувѣ, горькими и
крававыми слезами обливаемся, что
безо всякія вины ненависти ради
отогнаны, и отѣ приславовѣ и отѣ
карауловѣ такѣ сѣснены, какѣ зло-
дѣи, что и описати не возможно. Не
только, Великій Государь, въ ну-
ждахъ моихъ прошивѣ приказанія
Божія и закона Христіянскаго и ва-
шего Государскаго указа умилишься, или
какая ослаба учинишь, но и того не могѣ
сѣ горькими и крававыми слезы упро-
сишь, чтобѣ сѣ начала послыки моей,
какѣ меня, холопа швоего, изѣ Каза-
ни повезли въ Пустоозерскій острогѣ,
чтобѣ челобитную мою приняли и по-
слали къ тебѣ, Великому Государю,
чтобѣ обѣ моей невинности тебѣ, Вели-
кому Государю, было извѣстно. Не
заставъ насѣ сиротѣ бѣдныхъ и не-
имѣ-

имѣющихъ помощи спранствовать
межъ чужихъ жилищъ, и вели насъ
изъ того заточенія взять и изъ за
пристава свободишь, и жишь намъ
бѣднымъ и за себя, Великаго Госу-
ря, и за весь вашъ Государскій Домъ
Господа Бога молишь, гдѣ швоя Го-
сударская милоспивая воля будешъ.
Царь Государь! смилуйся.

*Вторая челобитная, какопа послана пѣ
прошломъ 187 годѣ изъ Пустоозерска-
го острога съ нарочнымъ посыльщи-
комъ, съ Андреемъ Мезенцомъ.*

Царю Государю и Великому Кня-
зю Феодору Алексіевичу, всея Вели-
кія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
держцу, всеконечно раззоренные и ни
ошъ кого милоспи и помощи и заступ-
пленія въ невинностяхъ своихъ неимѣ-
ющіе, развъ Всевысочайшаго и Всесиль-
нѣйшаго Бога, и себя Помазанника
Его, Государя премилоспиваго, бьюшъ
челомъ холопи швои, Аршешка Ма-
швѣ-

швѣвѣ, съ убогимъ своимъ червемъ съ
 сынишкомъ. Въ первой, Великій Го-
 сударь, мой, холопа швоего, челобит-
 ной, которая писана въ Казанѣ, во
 185 годѣ, Іюня въ 13 день, и не
 приняша, а приняша въ Пустоозер-
 скомъ острогѣ, и послана къ шебѣ,
 Великому Государю во 186 годѣ, Іюня
 въ 26 день, и въ той мой, холопа
 швоего, челобитной, старости ради
 и увѣчья ошѣ вашихъ Государскихъ
 служебъ и работъ, и скорыхъ и ча-
 стыхъ посылокъ погорбленъ, а наи-
 паче всего, гнѣва ради швоего Госу-
 дарскаго и опалы и ошлученія ошѣ
 вашей Государскія милости, и раззоре-
 нія моего спраннаго, обезпамятѣль,
 и многое что видѣль въ Божествен-
 номъ писаніи, и того безпамятствомъ
 не написалъ; а что воспоминавалъ для
 очищенія себя, чтобъ паче невинностьъ
 моя предъ шобою, Великимъ Госуда-
 ремъ, ошѣ лукавыхъ и злосердыхъ че-
 ловѣкъ очислилась, и то написалъ
 всѣмъ швоимъ Великаго Государя Боя-
 рамъ. Лѣкаръ Давыдко въ разпросѣ
 сказалъ: лечилъ де онѣ Давыдко у
 меня, холопа швоего, человекна моего

карла Захарка, и ему де карло Захарко сказывалъ, что онъ боленъ отъ моихъ побой; билъ де будто я его за то, какъ будто я у себя въ домишкѣ въ палашѣ съ Стефаномъ Докторомъ чли черную книгу, и въ то время будто пришло къ намъ въ палашу нечистыхъ духовъ множесшво, и говорили намъ, мнѣ, холопу швоему, и Стефану Доктору, шѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у васъ въ избѣ шрешій человекъ, и то, Великій Государь, по наученью лукавыхъ зашблалъ воръ Давыдко, хотя себѣ свободы отъ правежа; и человекъ мой карло, сиропина увѣчный, убояся страха и пышки, не спорилъ вору Давыдку. Не шокмо такой сиропина увѣчный, но многіе въ крѣпости и въ силѣ великой, не прешерпя мукъ, клеветушъ на людей невинныхъ, и сами на себя говорятъ, чего не дѣлали, и шѣхъ, Великій Государь, дѣлалъ въ Приказахъ много. А я, холопъ швой, отъ воровскаго ихъ сосшава и наученья очищаюсь Божественнымъ Писаніемъ: Книги Моисеовы, 5 глава, 5 ст. Всевысочайшій Господь глагола къ Мойсею:

Азѣ

Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнивъ, отдавая грѣху ошецъ на чада до шрешяго и до четвершаго рода ненавидящимъ мя. Паки: Не приѣмли имени Господа Бога твоего всуе; не очистишь бо Господь приѣмлющихъ имя Его шуне. И паки: Гласъ слышанъ Архангельскій, когда созва и собравъ Архиспрашигъ Михаилъ весь родъ Ангельскій и начальныхъ Воеводъ, и рекъ великимъ гласомъ: вонмемъ, премирнии друзи мои, и разумѣмъ, чесо ради создани быхомъ Богомъ Творцемъ нашимъ, шому единому со спрахомъ и шрепетомъ падше поклонимся, и дадимъ славу и честь непосшижимой благосши создавшаго насъ. И паки, Христа Сына Божія глаголюща: Аще и всю поднебесную кшо овладѣешь, и всего свѣша славу и богатштво соберешь, не можешь даши измѣну за душу свою. По Евангельскому слову: весь свѣшъ не шоченъ есть, одинаго кождо души. А я, холопъ твой, отъ благочестивыхъ своихъ родителей отъ юности моя въ наказаніи истинныя вѣры воспишанъ быхъ, въ ней же и до днесь

Божією помощію укрѣпляемъ пребываю,
уповая на щедроты Божественнаго
милосердія Его, яко и до изхода ду-
ши моя непоколебимо въ ней со-
хранишь мя. А что, премилосливый
и Великій Государь, нынѣшняго вре-
мени злохитрою кознію вселукаваго
врага и супостата народа Христіян-
скаго, который отъ начала міра и до
днесь не пресная воюешъ на невин-
ностьъ различными козньми, пріемля во
орудіе злонравныхъ и несмысленныхъ
человѣкъ, и злодѣйскими составы въ
пагубу сводишь невинныхъ, какъ ны-
нѣ злонравнаго вора Давыдка, научен-
наго и вооруженнаго пооспираль лукав-
ствы, и сиротину моего пьянаго и
увѣчнаго карла Захарка, и въ сѣти,
копторыя они льстиво и скрытно на
насъ, холопей твоихъ, неповинныхъ
угошовали, сами впадуть, по писан-
ному: Въ сѣти сей, юже скрыша,
увязе нога ихъ. Знаемъ есть Гос-
подь, судьбы шворяй въ длѣхъ рукъ
своихъ, и отъ шѣхъ сѣтей очищаемся
Божественнымъ Писаніемъ, какъ о
шомъ Пророцы и Апостоли и Учители
церковные пишутъ, что отъ живыхъ
су-

сущихъ не возможно видѣти души чистыя и нечистыя, и души человѣческія. И такъ, Помазанникъ благочестивый, и милосливый Великій Государь, явное свидѣтельство въ Маргаритѣ, слово 3 о Іовѣ: Бысть, рече, яко день сій, придоша Ангели Божіи предсташи Господеви, и діаволъ посреде ихъ. Убо со Ангельскою ли службою предстоитъ діаволъ, и посреди ли святыхъ духовъ нечистый духъ предстоитъ? Никако же, ниже со святіи Ангели предсташа Богови тѣлеснѣ, ниже самана тѣлеснѣ, но всяка служба предстояніе глаголется: сѣце и діаволъ ста не на небесемъ мѣстѣ, ниже въ премирныхъ силѣхъ, яко созданіе Божіе, повелѣваемъ бываетъ творити подобающая. Въ строителства, Великій Государь, въ чловѣцѣхъ святіи Ангели посылаеми суть. На беззаконныхъ же чловѣкѣ муки бѣсамъ повелѣваемы суть. Егда святыя Ангели, поминаетъ Апостолъ святыи Павелъ, глаголя: Не вси ли суть служебнии дуси, на служеніе посылаеми ради хопящихъ наслѣдовати спасеніе? Отнюду же вѣдомо,

яко святїи Ангели служатъ на спасенїя чловѣческая, гордыи же бѣсове на грѣшныхъ мученїя. И посла Богъ, Давидъ рече, на Египетъ ярость и гнѣвъ и скорбь посланїе аггелы люшыми. Лукавии убо и нечисти бѣсове аще и опадоша предложенїемъ, но подъ игомъ лежатъ работы. Сего ради отвѣщавающу на Ахава, Богъ глаголетъ: Кшо пойдешъ, и прельстившъ Ахава, и падешъ? Отвѣща духъ лукавый: се азъ; вѣдѣше бо, яко на се учиненъ есть діаволъ. Посылаишъ же ся и къ праведнымъ, не яко мучашъ, но да искусятъ; понеже Ангелъ свяшый послужити искушенїю не повелѣваемъ есть, и не бо Богъ повелѣваетъ недосшойное Ангелу. Сего ради бѣсове на сіе повелѣваеми сущъ на искушенїя; не гласъ бо исходитъ отъ Бога къ лукавому бѣсу, ниже сподобляешся сіе неприсшупное оно произволенїе. Естество бо благо, предложенїе же зло; діаволъ бо не естество есть имя, но произволенїя; не бо діаволъ бысть изначала, и не сотвори Богъ діавола, но Ангелъ убо созданъ бысть, діаволъ же имя ново, яко

яко оболгуй Богa, чистъ и не чистъ Богу. Иоаннъ свяшый Дамаскинъ глаголетъ, книга Небеса, глава 4: Отъ сихъ Ангельскихъ силъ первостоятель приземнаго чина и земли вручивыйся отъ Бога, не естествомъ лукавъ бысть, но благъ сый, и во блазъ бывъ, самовластнымъ произволеніемъ превращися отъ сущаго по естеству въ сущее чрезъ естество; того же бо естества Ангеломъ суща, зли быша, произволеніемъ вольно отъ благаго ко злу уклонишася. Глава 19: Духъ глаголется же, и сицы Духа Святаго, дуси, духъ, и Ангелъ благій духъ и демонъ; духъ и душа есть же, егда и умъ духъ глаголется, духъ и вѣтръ и воздухъ. Глава 14: Душа убо есть существо живущее, простое и безшѣлесное, шѣлесными очесы по свойственному естеству невидимое, безсмертное, словесное же, умное, безобразное. Глава шаяжде: Безшѣлесное же, невидимая и безобразная по двоимъ образомъ имѣемъ: ово убо по существу, ово же по благодати, и ово убо естествомъ суща, ово же къ вещи дебелести; въ Бозѣ убо естествомъ, во Ангелахъ же и демо-

нахъ и душахъ благодатию. Свяшый же Аѳанасій Александрійскій, безсмершный умъ глаголетъ, духи служебныя огненный пламень наричешъ, за безшблесное ихъ и легкое и выпреносное и скорбйшее, идѣже аще повелѣннѣ бывши содѣшелемъ устремляюшся. Ѳеодоритъ глаголетъ: Творый Ангелы своя духи, и слуги своя огонь палящъ; указуешъ его не видимыхъ Творца суца шочию, но и невидимыхъ Содѣшеля; шѣ же духи и огонь нарече, сильное и скорое обоимъ показуя, быспро бо естество духа, крѣпкожъ огненное дѣйштво; слуги же имѣяй аггелъ: всѣмъ Богъ добро шворитъ досшойнымъ, и мучитъ прошивныя. Свяшый Григорій Богословъ Назіанзинъ въ словѣ б глаголетъ: Къ началомъ, ко владычештвамъ, подвижаемъ, къ неявленнымъ гонителемъ и мучителемъ, къ миродержавцемъ шмывѣка сего, къ духамъ лукавства поднебеснымъ. Благочештивый и милосшивый Великій Государь! что глаголетъ Богословъ неявленнымъ? А когда неявленны, видѣши ихъ челобкомъ не возможно. Книгажъ, Великій Го-

сударь, Ключь разумѣнія, глаголетъ: Два естества наичестнѣйшии Богъ сотвори, Ангельское, человѣческое, на образъ свой и подобіе. Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Библии: Сотворимъ челоѣка по образу своему и по подобію. Обаче не по тѣлу, но по душѣ челоѣкъ есть образъ Божіимъ. Богъ всевысочайшій, невидимый, и душа челоѣческая невидима. Въ Маргаритѣжъ бесѣда 5: Что есть душа; убо воздухъ ли, или духъ, или вѣспрь? Ни чтоже отъ сихъ рекутъ; сія бо вся тѣлеса суть. Коринѣяномъ нравоученіе 29: Аще бы мощно было изврещи душу изъ тѣла неправеднаго, видѣлъ бы еси ю: но не возможно. Нравоученіе 23: Аще бы мощно душа видѣши, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо мертвы естъ видѣли, иныя же ураненныя плоти, а души видѣши не возможно. Во нравоученіижъ, Великій Государь, къ Колоссаемъ 11: Аще бы тѣло разсѣкше коегождо душу мощно было видѣши, показалъ бы имъ; но не возможно. Въ Маргаритѣжъ въ словѣ, о еже предста Царица, той же

же Златострунный глаголетъ о добродѣтели шѣлесной: Что есть доброта шѣлесная, явѣ есть, яко отъ естества, а не отъ произволенія. Онъ же глаголетъ: Пойдемъ къ души, зри оную; не бо можеша видѣти ю, невидима бо есть. Иоаннъ же свяшый Дамаскинъ глаголетъ, книга 1: Въ насъ есть духъ отъ нашего естества, ниже воздухъ есть вдохновеніе, и отъ дохновенія вдыхаемо и отдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что рцемъ, и гласъ слова учиняется и на воздухъ разсыпается. Древній же философъ Сократъ, его же Златоглаголивый во нравоученіи 125 похваляетъ, всѣхъ сущихъ любомудріемъ одолѣвая глаголетъ: Солнца убо плоть вси челоуѣцы видяшъ, плоти же духа ни единъ можетъ видѣти. Въ житіи же, Великій Государь, чудотворца Аврамія Ростовскаго напечатано, Октября 29 день: Нѣкогда свяшому хопящу руцѣ умыши, влѣвъ духъ лукавый во умывальницу свяшаго. Свяшый же разумѣвъ, а не видѣлъ коварства вражія, вземъ крестъ положи на умывальницу, и огради около сосу-

суда крестнымъ знаменіемъ, и не можаше изыти отполѣ духъ лукавый. Княземъ же Ростовскимъ, пришедшимъ ко святому въ келію, и дерзнувшимъ крестъ сняти со умывальницы, и въ томъ часѣ изыде духъ смраденъ изъ сосуда, аки дымъ чернъ, и успрашишу всѣхъ сущихъ. На сіе паки свидѣтельство въ житіижѣ, Великій Государь, святаго мученика другаго Кона, Марша 5 день, иже во Ассиріи: Пріятъ власть свяшый мученикъ надъ духи нечистыми, и въ корчазѣ заключи, и запечатавъ погребѣ подѣ основаніемъ дома своего, и по смерти его дому его на церковь успроену, копающимъ же основаніе церкви, обрѣтша сосудъ скудельный, и мнивше злато, сокрушивше единъ сосудъ, и изыдоша духи въ видѣніи огня, и вси успрашишася, яко не мощи прейти изъ дома до захожденія солнца. И по сему, Великій Государь, вышеписанному естеству ихъ измѣны нѣспъ; но шокмо славы Божія не видяшъ, и опѣмѣста своего пали и не возстанутъ; а видѣти ихъ высокіе угодники Божіи не могли, но шокмо коварства ихъ

ихъ разумѣли, и благодатию Божіею и молишвами своими имѣли власть затвориши ихъ; а и благородные Княви еще и дерзосно учинили, крестъ съ сосуда сняли, а духа нечиста не видѣли. А моему сиротинѣ, глупцу пьяному и спящему за печью, какъ онъ врагъ, котораго запечья нѣтъ и въ палатишкахъ моихъ во всѣхъ, духи нечистые, безтѣлесные, безобразные, шѣлесными пьяными глазами видѣшь? Суди Господи и воздаждь, который, или и не единъ, ненавидя и завидя милоспи ради вашей Государскія, и злобою на меня, холопа швоего, дыша, безвинно осудили, не вспоминая Божія слова, еже рече: Вню же мѣру мѣрише, возмѣришся и вамъ. Сей судъ, которымъ я, холопъ швой, осужденъ, прошивенъ будешъ законамъ; аще воля швая, Великаго и милоспиваго Государя, о малыхъ дѣлахъ, кто оспоришъ челобишьемъ своимъ къ тебѣ, Великому Государю, и вашъ Государскій указъ и Боярскіе приговоры, изъ Уложенья выписывающъ подъ дѣла. А по сему воровскому составному доводу довелось выпи-

писатъ изъ книгъ Божественнаго Писанія. Возможнолю тому бышь, чшобъ души нечистыя видѣши, или не возможно, какъ о томъ въ первой моей, холопа твоего, челобитной писано, и въ сей во второй къ тебѣ, Великому Государю. А кто, Великій Государь, показуя себя ненависти ради и недружбы, и показуя себя во многомъ глаголаніи, и хощя въ разумѣ услышанъ быти, возможно было ему и нашихъ кровавыхъ слезъ правдою въ разумѣ услышану быти, и показати себя мудростию безъ мученія насъ убогихъ холопей твоихъ. Отъ прилѣжныхъ, Великій и милостивый Государь, въ Божественное Писаніе чтящяся, внимающяся, уразумѣвающяся и въ памяти полагающяся. Сего ради въ премудрый Хриосъ Спаситель нашъ рекъ: Опходящъ отъ обручницы своей церкви, и никогда же опспупая и пребывая неопспупно, ключи разумѣнія оставилъ, еже согласующимъ съ нимъ тайны Божія чрезъ разумъ опкрывающій оптвержаетъ, отъ невнимающихъ же разумѣнія заключаетъ. А я, холопъ твой, не отъ своего ра-

разумишка сіе смыслилѣ, но Пророкомѣ
 и Апостоломѣ и Учителиемѣ сіе въ Пи-
 саніи ихѣ изнесѣ; но аще писанія до-
 стоинства святаго чшоша, или чшу-
 ще оныхѣ, разумѣ уразумѣши могоша:
 аще паки чести возгнушаша, или чшу-
 ще разумѣши нерадиша, не по моему чело-
 бишью, холопа швоего, да приносятъ не-
 разумѣнія, но своему неравсмотренію,
 немилосердія ради и ненависти и зло-
 бы, да пріимутъ непохваленіе, по пи-
 санному: разумнаго естъ благое изби-
 раши, злое же отвергаши; и онѣ, или
 единомысленніи, и злое мнѣ, холопу
 швоему, избрали, а благое отвергли.
 Богобоязливый, почиая и спрашася
 закона Божія, и высокою любве шес-
 швуя, не шочію въ Бозѣ друзей, но
 и враговѣ Бога ради любитѣ, и укрі-
 ризну пріемши, не шочію просящему
 прощенія и обиду оставляетѣ, но и
 самѣ смиритися ускоряетѣ, по рече-
 нному опѣ Всевысочайшаго: Любите вра-
 ги ваша. А что Давыдко сказалѣ, что
 нечистые духи говорили будшо мнѣ, хо-
 лопу швоему, и Доктору Стефану въ
 слухѣ, что естъ у васѣ въ избѣ шре-
 шій челоувѣкѣ; а карло въ разпросѣ и
 сѣ

съ пышки говорилъ, будто я со Спе-
 фаномъ Докшоромъ и съ Николаемъ
 переводчикомъ книгу чли, а онъ За-
 харко спалъ въ то время, и того
 чешыре человѣка, а не при. Да Давыд-
 кожъ и карло сказали, что книгу чли
 въ палатѣ, а духи нечистые говори-
 ли, что вы сидите въ избѣ? Чему,
 Великій Государь, вѣримъ, кто счешу
 не знаетъ? Воры ли доводчики и
 глупцы, или нечистые духи, счешу
 людямъ и палаты съ избою не знаютъ?
 Сіе ли, Великій Государь, не воров-
 ство и не лукавый явный составъ?
 А въ вашемъ, Великаго Государя, ука-
 зѣ и въ соборномъ Уложенѣ напеча-
 тано, глава 2, статья 12: Будешъ
 кто на кого учнетъ извѣщати вели-
 кое ваше Государское дѣло, а свидѣ-
 телей на шотъ свой извѣстъ никого
 не поставитъ, и ничѣмъ не улучитъ,
 и сыскашь про шакое великое дѣло
 будешъ ничѣмъ, и про шакое великое
 дѣло указъ учинитъ по разсмотренію;
 а рабъ и доводчикъ Божиими и ва-
 шими Государскими законы свидѣте-
 ли не бывающъ, и мнѣ отъ того ихъ
 составнаго наученія и воровства очи-
 щз-

щались, кромѣ Божественнаго Писанія и вашихъ Государскихъ указовъ и Уложенья, нечѣмъ, какъ писано выше сего. А что они по наученью врали, и тому быти не возможно. Человѣкъ же мой карла сказалъ, будто я, холопъ твой, вскоча и смотря его Захарка за печью, и сорвавъ съ него шубу, и поднявъ ударилъ его о землю, и топталъ и выкинулъ за мертво: и у меня, Великій Государь, въ той палатишкѣ запечья нѣтъ, и спашь за печью не лъзя; двѣ спѣны у печи свободны, а шрешья спѣна печи придѣлана къ самой палатишкѣ, и промежка нѣтъ, а четвертая спѣна, у той печное устье, и въ томъ мѣстѣ кладушь дрова, и то передъ печью. Миѣжъ, холопу своему, сказанъ твой, Великаго Государя, указъ: Давыдко на очной ставкѣ съ Стефаномъ Докторомъ на карла Захарка въ томъ вышеписанномъ слался, что Стефанъ Докторъ на очной ставкѣ говорилъ ли онъ на себя и на меня, или себя и меня очищалъ, того всего миѣ не сказано. А противъ вашего Государскаго указа и Уложенья, по той же выше-

пи-

писанной 12 спашьѢ, доводчики свидѣшели не бывающьѢ. Давыдкожь сказалъ, будучи онъ у меня, холопа твоего, во дворѢ, будно видѣлъ, какъ я, холопъ твой, со Спашаріемъ и со Стефаномъ Докпоромъ черную книгу запершись чли; потому что онъ будно вшолъ къ намъ въ палату изневѣстно; а ша де книга въ полдешь, а шолщиною пальца въ три. А училъ де будно меня и сынишка моего Андрюшку Николай Спашарій: и меня, холопа твоего, Спашарій и сынишка моего злomu, что Богу не угодно, ничему не училъ; и желаніе мое было съ почашка лѣшъ моихъ все на благое, и въ вашихъ Государскихъ дѣлахъ былъ въ великихъ, въ ратныхъ, въ Посольскихъ посылкахъ, въ Приказахъ великихъ, и по вашей Государской милосши былъ въ Боярахъ, и въ близости крайней, и повѣрено было, и былъ многое время безо всякаго прешыканія; а сынишка моего училъ малое время малымъ лишеркамъ по Греческу. А допрашиванъ ли онъ воръ лѣнаръ Давыдко о книгѢ, по чему разумѣлъ назвашъ черною книгою,

Ж

по

по кожѣль, или по разуму, что въ ней слышалъ, какое дѣло и чему меня и сынишка моего Николай Спатарій училъ, и что слышалъ во ученіи, какія слова, и по чему знаетъ по ученіе, и кто его шому училъ, и даналъ ему съ нимъ Николаемъ очная ставка, и что на очной ставкѣ Николай говорилъ, очищалъ ли себя и меня и сынишка моего, или на себя и на насъ говорилъ: и того всего мнѣ, холопу твоему, въ сказкѣ не сказано. А воровство Давыдково и всѣ рѣчи, Великій Государь, явное и воровское умышленіе. Сказалъ онъ въ вышеписанномъ разпросѣ, какъ будшо мы книгу запершисъ чли, а онъ будшо видѣлъ и вшолъ къ намъ въ палату изневѣстнымъ дѣломъ. И въ запершую, Великій Государь, палату кто видѣти можешъ сквозъ стѣну, кто что дѣлаешъ? Въ запершуюжъ палату кто изневѣстно входитъ, покамъспѣ кого позовушъ, или пустятъ? Запворенному внутрь уду вратъ не возможно избѣжати, шакожъ не возможно пройти внутрь, бывъ внѣ. Сіе ли, Великій Государь, не явное воровство на

наученное, и не составъ явно ложный
опъ безумныхъ? Слово ихъ и совѣтъ
ихъ судяшъ, и осуждаюшъ ихъ са-
михъ; словомъ человѣкъ своимъ оправ-
дится, словомъ и осудится. А допра-
шиванъ ли онъ воръ Давыдко, или нѣтъ,
какъ видѣлъ сквозь снѣгу палату, и
въ запершую палату внезапно какъ вхо-
дилъ, того мнѣ, холопу швоему, въ
Казанѣ въ сказкѣ не сказано; а въ
вашемъ, Великаго Государя, указѣ и въ
Соборномъ Уложеньѣ, и въ малыхъ дѣ-
лахъ, естли кто рѣчи свои не про-
шивъ дѣла спанетъ говоришъ, и по-
му не вѣришъ. А человѣкъ же мой
карло Захарко предъ швоими, Вели-
каго Государя, всѣми Бояры въ раз-
спросѣ и съ пытки говорилъ, будто я,
холопъ швой, съ Стефаномъ Докшо-
ромъ и Спашаріемъ книгу чли, а онъ
Захарко за печью въ шо время былъи
уснулъ и захрапѣлъ: и будто я услы-
шалъ, что онъ храпишъ, взявъ его изъ
запечья за волосы и толкнулъ его
черезъ порогъ вонъ въ заднюю палату,
а ша де была книга не велика, а Да-
выдку де онъ о шомъ сказывалъ; а
какъ де его будто изъ палаты вы-

попкнудь, и книга де въ то время
передь нами была на сполѣ. И въ
томъ, Великій Государь, я, холопъ
швой, свидѣтельствуюсь Писаніемъ же,
что не возможно спящему и не-
спящему духи нечистые видѣть и
слышать свое храпленіе. Къ Римля-
номъ нравоченіе 24 глаголетъ: Азъ
убо сіе реку, иже во глубочѣй ноши
спящимъ же и храпящимъ уподобимся
вси; и аще бы мощно существо без-
плошное было видѣти, показалъ быхъ
вамъ, како убо множайшіи храпятъ,
а діаволъ прокапываетъ стѣны, и за-
каляетъ лежащихъ, и отѣмлетъ су-
щая внутрь сонъ; спя убо ниже зло
вѣщаетъ что, ниже благо. Да не по-
жмо, Великій Государь, духи, или ду-
ши спящему и храпящему человѣку
видѣть, или слышать кое глаголаніе,
нѣсть мощно человѣку видѣти искрен-
няго; кто бо видѣ отъ человѣкъ, ре-
че, яже въ человѣцѣ, развѣ духъ че-
ловѣка, иже въ немъ? Премилостивый
и благочеспивый Великій Государь!
се не возможно видѣти духи чистые
и нечистые; а о измѣнѣ существа
ихъ духовъ нечистыхъ и низу вер-
женъ;

женныхъ и проклятыхъ никто не написалъ, чтобъ въ естествѣ ихъ была измѣна. Сего ради и видѣти ихъ по естеству не возможно, какъ Злашоустый глаголетъ: Естество благо, предложеніе же зло. И какъ писали въ посланіяхъ свящій Апостоли, Петрѣ, зачало 66, во 2 посланіи: Аще бо Богъ Ангеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ, но плѣницами мрака связавъ, предаде на судъ мучимыхъ блюсти. Иуда, зачало 77: Ангелъ же несоблюдашихъ свое начальство, но оставльшихъ свое жилище, на судъ великаго дне узами вѣчными подѣ мракомъ соблюде. Никто же, Великій и милостивый Государь, выше можетъ сихъ учителей себя разумѣніемъ явити, какъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Злашоустаго, достоправныхъ Архіереовъ, и Кирилла и Аѳанасія Александрійскихъ, и иныхъ многжайшихъ, иже древле въ церквѣ восточнѣй процвѣтало, и не токмо чтоша книги Божественнаго Писанія, но и написаша. И никто написа о сихъ, а паче о Злашоустѣ: все бо Иудейское писаніе и Христіанское зѣло токмо

написа и исполкова, яко инѣ никшоже. Всѣмъ же писаніямъ его считаши число не челоуку естъ; сіи вси о видѣніи духовъ благихъ и злыхъ, и душахъ челоуческихъ написали, невидими сущь: и то все ученіе ихъ опспавлено, а воровскому составному доводу повѣрено. А шого челоуку мой не говаривалъ, какъ будшо мы съ Стефаномъ Докшоромъ и со Спашаріемъ чли книгу, и въ то время пришло къ намъ въ палашу нечисныхъ духовъ множештво, и говорили будшо намъ шѣ нечисные духи въ слухъ, что естъ у насъ въ избѣ третій челоуку. А въ Казанѣ, какъ мнѣ, холопу швоему, по швоей, Великаго Государя, грамошѣ вины и неправды сказываны, кошорыми я, холопъ швой, невиненъ, и шѣ выщеписанные Давыдовы извѣшты, а не карла Захарка, и шо воръ Давыдко въ извѣшѣ своемъ прибавилъ и зашѣялъ по наученію. Да онижъ въ шѣхъ же разспросахъ рѣчи свои рознили. Давыдко въ разспросѣ сказалъ, что чолъ книгу я, холопъ швой, да Спешанъ Докшоръ, а карло былъ въ то время за печью; а челоуку

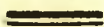

вѣкъ мой карло сказалъ, что будто
 я, холопъ швой, изъ палаты его вы-
 шолкнулъ, а книга вѣ по время была
 будто передъ нами; а чли будто я,
 холопъ швой, да Шефанъ Докторъ,
 да переводчикъ Николай Спатарій; а
 Давыдко про Спатарія не сказалъ, а
 духи нечисшые прибавилъ; и будто
 пришелъ вѣ палату Давыдко, а карло
 того не говорилъ. Доводчикъ воръ не
 самовидѣцъ, избывая свою бѣду и на-
 ученъ, и вѣришь ему прошивъ зако-
 новъ Божіихъ и вашихъ Государскихъ
 не довелось многихъ ради причинъ:
 1) что многое время не извѣщалъ;
 2) что свидѣтелей никого не поста-
 вилъ; 3) что я, холопъ швой, съ
 нимъ на очной спавкѣ не ставленъ;
 4) что ссылки моей на него не быва-
 ло. А что онъ воръ Давыдко свидѣ-
 шеля раба моего, сиропину увѣчнаго
 карла учинилъ, и рабъ свидѣшелемъ
 на господина не бываетъ; а вѣ ва-
 шемъ Великаго Государя указѣ и вѣ
 Соборномъ Уложеньѣ, вѣ главѣ 2, вѣ
 13 сташѣ напечатано: будешъ уч-
 нушъ извѣщашъ ваше Государское дѣ-
 ло чьи люди на шѣхъ, у кого они

служатъ, и въ томъ дѣлѣ ни въ чемъ
 ихъ не уличашъ, и тому ихъ извѣсту
 не вѣришь, и учиня имъ жестокое на-
 казаніе, бивъ кнупомъ нещадно, сп-
 дашь шѣмъ, чьи они люди; и они,
 Великій Государь, не шокмо уличили,
 и сами межъ себя изобличились. Въ
 вашемъ же, Великаго Государя, ука-
 зѣ и въ Соборномъ Уложенъ не шок-
 мо въ такомъ великомъ дѣлѣ (за что
 не имѣя въ себѣ такіа вины раззоренъ),
 но и о малыхъ судныхъ дѣлахъ на-
 печатано, глава 10, 160 сташья: бу-
 де кто пошлется изъ виноватыхъ, а
 шѣ люди по допросу скажутъ не про-
 шивъ его ссылки, да не всѣ въ одну
 рѣчь, хошя одинъ не по немъ ска-
 жешъ, и его обвинишь, пошому что
 онъ на шѣхъ людей слася изъ вино-
 ватыхъ, а они сказали не прошивъ
 его ссылки; а онъ Давыдко доводиѣ
 на насъ, холопей швоихъ, и слася
 на людей моихъ, и для шого взяшы
 изъ Лаишева людишки мои, Ивашко
 Еврей да карло Захарко къ Москвѣ.
 Онъ же Давыдко на Москвѣ въ томъ
 же дѣлѣ, на очной ставкѣ съ Стефа-
 номъ Докшоромъ, на человѣка моего

карла сласяжѣ, и пѣми вашими Великаго Государя указы и Соборнымъ Уложеніемъ, что писано выше сего, я же очищенъ, а обвиненъ и спрранно разоренъ безъ вины чрезъ швой Великаго Государя указъ и Уложение. А что костоправъ Ивашко Максимовъ, кошорый того карла лечилъ, сказалъ, что переломлены были у того карла два ребра; а сказывалъ де ему костоправу шотъ карло, что шопшалъ его карла будшо я, холопъ швой: и мнѣ костоправъ Иванъ Максимовъ не свидѣшель прошивъ швоего, Великаго Государя, указа и Уложения. Когда бы онъ костоправъ видѣлъ, а не слышалъ, и ябъ на него слася, а онъ бы сказалъ, что я шому карлу переломилъ два ребра: шогда бы былъ свидѣшелемъ мнѣ. А въ швоемъ, Великаго Государя, указъ и въ Соборномъ Уложении напечатано въ 10 главѣ, во 172 сташѣ: будетъ кошорая ссылка по допросу скажетъ, что онъ про шакое дѣло слышалъ отъ людей, а самъ шого дѣла не вѣдаеть, и ша ссылка не въ ссылку. Игралъ шотъ карло Захарко съ Иваномъ Со-

ловцовымъ съ робяшы, и пихнулъ его карла шуломъ Иванъ Соловцовъ, и переломилъ ему два ребра; а я, холопъ твой, того по приѣздѣ Думнаго Дворянина Федора Прокофьевича Соковнина, и Думнаго Дьяка Василья Семенова въ Лаишевѣ, не вѣдалъ, что переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ; а допрашиванъ ли онъ Иванъ, или нѣтъ, и очистишь ли онъ меня, или заперся, и даналъ ему Ивану съ шѣмъ карломъ очная сшавка, того всего я, холопъ твой, не вѣдаю. Онъ же карло рѣчи свои рознилъ: въ первой сказкѣ передъ швоими, Великаго Государя, Бояры сказалъ, будшо я, холопъ твой, вытолкнулъ его изъ палашы черезъ порогъ въ другую палашу; а въ другой сказкѣ, что сказалъ вору Давыдкѣ, что онъ былъ боленъ опшъ моихъ, холопа твоего, побой; а въ третшней сказкѣ разсказалъ костоюправу, и прибавилъ, будшо я, холопъ твой, переломилъ два ребра; и противъ вашего, Великаго Государя, вышешписаннаго указу и Уложенья виненъ въ воровствѣ онъ съ воровомъ Давыдкомъ, и вѣришь
имъ

имѣ прошивѣ Уложенья не доведется. Мнѣжѣ, холопу швоему, швой Великаго Государя указѣ сказанѣ, что по шому розыску объявилась будшо моя ложь и неправда, и моей, холопа швоего, лжи и неправды во всемѣ вышеписанномѣ челобишѣ не объявилось, свидѣтельствуюсь Господомѣ Богомѣ и Его угодники, Писаніемѣ и вашими Государскими указы и Уложеньемѣ, а не изѣ своего разумишка выбираю себѣ на избавленіе. Мнѣжѣ, холопу швоему, вина сказана, какову я далѣ сказку вѣ Даишевѣ Полуголовѣ Алексѣю Лужину за своею рукою, что книги лечебныя на Славянскомѣ языкѣ, вѣ кошорой многія спашьи приписываны цыфирью, кошорую книгу будшо укралѣ у меня человѣкѣ мой Ивашко Еврей, у меня нѣшѣ, и не крадывалѣ, и вѣ домишкѣ лечебныя книги нѣшѣ. А человѣкѣ мой Ивашко Еврей у пышки вѣ разпросѣ сказалѣ, что будшо я у себя вѣ домишкѣ сѣ Думнымѣ Дьякомѣ, сѣ Ларіономѣ Ивановымѣ, смощрѣли книги лечебныя, а говорили будшо: принесли де ко мнѣ книгу, годишся ли де она вѣ аптеку, и смощрѣ

пря опдалъ Алхимисту Ивану Ефимьеву, и велѣлъ опнести въ аптеку и опдашь Дьяку Ивану Папрекѣву, и показавъ Докшорамъ, и будетъ годишся та книга, и себѣ держали въ аптекѣ; а будетъ не годишся, и себѣ, показавъ Докшорамъ, сжечь; и какъ будто Алхимистъ свое книгу отъ меня изъ палаты вынесъ, и онъ Ивашко свое книгу у того Алхимиста взялъ, и та де книга у жены его Ивашковой въ Лаишевѣ положена, и въ ларчикѣ схоронена въ сѣняхъ подъ мостомъ, въ присылку Алексія Лучина. И по шѣмъ распроснымъ рѣчамъ человека моего Ивашка Еврея будто моя, холопа твоего, вина и о книгѣ сказка объявилась ложна, и какъ я, холопъ твой, въ сказкѣ своей написалъ, что человекъ мой Ивашко Еврей у меня книги лечебныя не крадовалъ, такъ противъ моего сказки и въ дѣлѣ явилось, по копворому дѣлу я, холопъ твой, обвиненъ невинно. Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ допросѣ сказалъ: далъ ему Ивану человекъ мой Игнашка, вынявъ изъ пославца, книжку съ часовникъ, и го-

во:

ворилъ ему Ивану, чшобъ онъ шое книжку ошдалъ въ аптеку Дьяку Ивану Папшекъеву, и въ передней палатѣ шу книжку взявъ у него Ивана человѣкъ мой Ивашко Еврей, и положилъ въ зѣпъ къ себѣ, и онъ де Иванъ у него Ивашка просилъ недѣль съ шесшь безпрешани; и Ивашко де Еврей ему Ивану сказалъ, чшо онъ шой книжки ему не ошдаспѣ. А шого Алхимиспѣ не сказывалъ, чшо я, холопъ швой, послалъ съ нимъ книжку къ Дьяку Ивану Папшекъеву, и велѣлъ сжечь; да и человѣкъ мой Игнашка не приказывалъ же съ Алхимиспомъ, чшобъ шое книжку сжечь же. А какая ша была межъ ихъ книжка, и я шого не вѣдаю, И сказка, Великій Государь, моя, холопа швого, обѣявилась права, а не лжива, какъ въ сказкѣ моей написано, чшо у меня человѣкъ мой Ивашко Еврей не крадывалъ, шакъ и въ дѣлѣ явилось; взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ. А чшо прошивъ шого людишки мои, Ивашко Еврей и Игнашка, разспрашиванья, или нѣшпѣ, какая ша была межъ ихъ книжка, и чшо въ кра-

жѣ

жѢ Ивашко послѢ допроса говорилѢ; шого не вѢдаю; а вина мнѢ, холопу швоему, сказана, а моей вины нѢшѢ. ВзялѢ человѢкѢ мой Ивашко у Алхимиста, а не укралѢ; да и по шому разспросу человѢка моего Ивашка можно знашѢ, что онѢ говорилѢ на себя внѢ себя, какѢ будишо книжку казалѢ я Думному Дьяку Ларіону Иванову, и говорилѢ, принесли де мнѢ книжку, годишсяль де она вѢ апшеку; и мнѢ, холопу швоему, Думному Дьяку для чего было книжка казашѢ, вѢдаючи подлинно, что Думный ДьякѢ ЛаріонѢ ИвановѢ ДокшорскихѢ и МедицинскихѢ и АлхимистскихѢ наукѢ неискусенѢ; да и ДокшорамѢ, Великій Государь, показываши не для чего: шакожде всѢ Докшоры Славянскаго письма и разума неискусны. А Божій законѢ, и вашѢ Великаго Государя указѢ, и Соборное Уложение, рабамѢ безѢ свидѢтелей благихѢ вѢришѢ не повелѢно и вѢ малыхѢ дѢлахѢ, не шокмо вѢ шакихѢ великихѢ зашѢйныхѢ. МнѢ же, холопу швоему, вина и неправда сказана, какѢ вѢ присылку Алексія

хсія Лужина обыскивалъ на двориш-
 кѣ человѣка своего Ивашка Еврея книгѣ
 и писемъ осмашривалъ и обыскивалъ,
 и въ ларчикѣ, которой былъ во вре-
 мя того осмотра, стоялъ подъ голо-
 вами у постели Иващковой жены его,
 было въ томъ ларчикѣ, и ту книгу
 ша Иващкова жена по приказу мужа
 своего въ Лаишевѣ сожгла; и естѣлибѣ
 ша книга была не дурная, для чего бы-
 ло шое книгу подъ мостомъ хоронишь
 и жечь? И какъ по швоему Великаго
 Государя указу въ Лаишевѣ присланъ
 былъ Полуголова Алексій Лужинъ
 для людишекъ моихъ и для лечебныя
 книги, и я, холопъ швой, ему ска-
 залъ, какъ писано о книгѣ въ сказкѣ
 моей; ему же Алексію многое время
 говорилъ подъ швоимъ, Великаго Госу-
 даря, страхомъ, чшобъ онъ пошелъ
 шотчасъ въ рухлядишки мои и пере-
 смотрѣлъ, и обыскалъ вездѣ на дво-
 ришкѣ моемъ, и къ человѣченку мо-
 ему Ивашку на дворишко пошолъ
 обыскашь: и онъ Алексій не послу-
 шалъ, и осмашривашъ и обыскивашъ
 не пошелъ. А кшо, Великій Государь,
 имѣешъ совѣсть нечисту въ какомъ
 дѣлѣ,

дѣлѣ, долженъ по дѣлю сохранить; а не на сморѣ даетъ свободно всякому сморѣшь, какъ бы грѣхъ и вину свою ухоронишь. А что человекъ мой Ивашко Еврей и жена его сказали, Ивашко сказалъ: въ сѣняхъ подъ кошомъ, а жена его сказала у постели подъ головами, и они рѣчи свои рознили, и говорили спраха ради пышки. Въ тѣхъ мѣстахъ обыскивалъ я, холопъ швой. А какъ по швоему Великаго Государя указу прѣѣжали Думный Дворянинъ Феодоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, и Думный Дьякъ Василій Семеновъ, и человека моего Ивашка Еврея въ дворникъ его, гдѣ онъ былъ посавленъ, осматривали и обыскивали, и ларчика вышеписаннаго, въ кошоромъ они книжку будшо схоронили, не нашли, а схоронила шотъ ларчикъ и не сказала Думнымъ человекъ моего Ивашка жена его; а при самомъ ихъ опѣвѣдѣ изъ Лаишева нашли они Думные шотъ ларчикъ въ самомъ нужномъ мѣстѣ. По моей же, холопа швоего, къ нимъ присылкѣ, а по извѣшу человекъ моего Никонка Павлова, а шого всего вышеписаннаго

я, холопѣ швой, какая у нихъ была книжка и какъ сожгли, не вѣдалъ, и человекѣ мой Ивашко Еврей и жена его на меня у разспроса и пышки не говорили, что я о той книгѣ вѣдалъ, что у нихъ естъ, и жечь ее не приказывалъ; да и шого не вѣдалъ, что жена его сожгла по приказу мужа своего, и шо слово человекѣ мой Ивашко Еврей кровію и смертію своею закрѣпилъ. И вѣ томъ, Великій Государь, винны мужъ и жена: мужъ велѣлъ, а жена сожгла; а моей, холопа швоего, предъ шобою, Великимъ Государемъ, вины и неправды нѣтъ. Мнѣ же, холопу швоему, швой, Великаго Государя, указъ, вины и неправды сказаны, что я съ Думнымъ Дьякомъ, съ Ларіономъ Ивановымъ, книги, про шоторую сказалъ человекѣ мой Ивашко Еврей, не читалъ, и вѣ аптеку съ Алхимисшомъ съ Иваномъ Ефимьевымъ не посылавалъ. А Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ сказалъ: показывалъ де ему Ларіону книжку величиною вѣ часовникъ, и при немъ вѣ аптеку послалъ, а съ кѣмъ, шого не упомнишь. И какъ прежде сего вѣ сказкѣ моей,

холопа швоего, писано, что я съ Ду-
 мнымъ Дьякомъ Ларіономъ Ивано-
 вымъ шое книги, что писаны многія
 шпашьи цыфирью, не читалъ, и у
 меня цыфирной книги лечебника и на
 Славянскомъ языкѣ не бывало; попо-
 му что цыфирныхъ книгъ не учился,
 а и Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ
 со мною по цыфири ни по какой
 книгѣ не читывалъ; а читали книгу
 масламъ, порошкамъ и обще всѣмъ
 лѣкаршвамъ, что соспроены въ но-
 вую аптеку для цѣны, чтобъ лиш-
 няго сверхъ ушвава не имали. А и
 Думный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ ска-
 залъ: смошрѣлъ книгу, а съ кѣмъ я,
 холопъ швой, послалъ, шого не упо-
 мнишь, и что видѣлъ: благое ли, или
 злое, и приказалъ ли я сжечь, или
 нѣшь, шого всего въ сказкѣ его нѣшь.
 А я, холопъ швой, очищаюсь не хи-
 шросшію, какъ есть правда, не шок-
 мо предъ лицемъ Государскимъ хиш-
 ростно что изнести, аще изгнанъ не-
 нависти и зависти и злобы ради на
 послѣднюю чершу государства швоего,
 гдѣ обитающъ языки, незнающіи Бога;
 однако же не могу въ челобитшѣ сво-
 емъ

емъ написати лжу. Естли будетъ воля швоя Государская, повели спросить въ аптекъ, прежде моего, холопа швоего, сидѣнья книга о цѣнѣ на дву языкахъ, на Славянскомъ и на Лашинскомъ, была ли, или не была? Тое книгу мы, я, холопъ швой, и Думный Дьякъ Ларионъ Ивановъ, смотрѣли, а не лечбника, и та книга и нынѣ въ аптекъ. А вышеписаннымъ винамъ и неправдамъ и съ его сказки мнѣ, холопу швоему, вина и неправда наведена, которымъ винамъ и неправдамъ не шокмо словомъ, или дѣломъ, но и помышленіемъ не виненъ, а раззоренъ шуне. Мнѣжѣ, холопу швоему, сказано, что шой книги безъ указа швоего, Великаго Государя, и безъ розыска жечь не довелось, по тому, естлибѣ въ шой книгѣ по моему, холопа швоего, или Докшорскому осмотру объявилось худо, и мнѣ де было на шого чловѣка извѣстишь шебѣ, Великому Государю, а безъ розыска жечь было ее не довелось, помня страхъ Божій, и швой, Великаго Государя. И я, холопъ швой, книгу въ аптеку не посылавалъ и

жечь ее не веливалъ, и гдѣ мое, холопа твоего, то слово, что я приказалъ сжечь? И Думный Дьякъ Ларионъ Ивановъ, и Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ, на меня того не сказали, что я велѣлъ сжечь; а человекъ мой Ивашко Еврей первыя рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что онъ женѣ своей приказалъ сжечь; а жена его сказала, что она по приказу мужа своего сожгла; а безъ вины моею вина наведена, кромѣ сиротъ моихъ въ ихъ винахъ, на меня, холопа твоего. А въ твоемъ, Великаго Государя, указѣ, и въ Соборномъ Уложении, въ 22 главѣ, въ 100 сташѣ напечатано: на которыхъ людей учнутъ говорить въ разпросѣ до пытки, а съ первыя, и съ другія, и съ прешія пытки съ нихъ учнутъ сговаривати, и шому сговору вѣришь, и первыя рѣчи отставливать, а вины сказывать, буде вина есть, по послѣднимъ рѣчамъ. А человекъ мой, холопа твоего, Ивашко Еврей съ пытки умеръ, а говорилъ, что онъ женѣ своей велѣлъ сжечь; и послѣднія его рѣчи отставлены, чѣмъ было быши мнѣ, холопу твоему, противъ

шивѢ швоего , Великаго Государя ,
указа и Уложенья праву. А вина ска-
зана по первымъ человѢка моего Ива-
шка Еврея рѢчамѢ , что , помня спрахѢ
Божій и вашѢ Государскій , книги жечь
не велѢлѢ ; а я шое книгу и не зналѢ
и не знаю , не шокмо жечь велѢлѢ ; и
я , холопѢ швой , прошивѢ швоего ,
Великаго Государя , указа и Соборнаго
Уложенья , и по послѢднимѢ рѢчамѢ
человѢка своего свободенѢ отѢ вины.
Рабу безѢ свидѢшелей вѢрить не по-
велѢно. А извѢщать было мнѢ , хо-
лопу швоему , нечего и не на кого и
не умѢю , и ДокшорамѢ казать было
не для чего , потому что они Сла-
вянскому реченію неискусны , и рѢчи ,
Великій Государь , всѢ вышеписанныя
прошивны БожіимѢ и вашимѢ Госу-
дарскимѢ законамѢ. А спрахѢ Божій
и вашѢ , Великаго Государя , имѢлѢ и
имѢю , и имѢши буду до послѢдняго
моего издыханія ; а раззоренѢ спранно ,
и учиненѢ нищимѢ кромѢ вины. Кто
бы , благочеспивый и милоспивый Ве-
ликій Государь , многое богатство , зла-
то и ризы многоцѢнныя далѢ мнѢ , и
за сія хотѢлѢ бы взять очи мои ,

далъ ли бы я? И еще бы далъ, тогда бы былъ безумнѣйшій паче вся твари. Аще же тако щажу око пѣлесное, и вся прошиву его ничшоже вмѣняю, по кольми паче достоинѣохраниши око душевное ума, да не будешь затмѣнно. Не хотѣлъ бы я, холопъ швой, за сію малую книгу лечебникъ наслѣдіе опца моего и прижитки, шакожде и мои службами и работами, и кровавыми моими пошамми, и шрудами нажишныя погубили, и раззореніе и муку терпѣши, какъ нынѣ пріемлю; и видя вашу Государскую милость, и будучи у такихъ великихъ дѣлъ, держалъ бы по, что Богу не угодно, или лечебникъ. По вашей Государской милости было кому лечишь, кромѣ домовыхъ лечебниковъ, и могъ бы я, холопъ швой, ештли бы была шакая книжка, и видѣлъ бы, что въ ней злое, и не показавъ бы Думному Дьяку Ларіону Иванову, и Дьяку Ивану Папирекѣеву, и Докшорамъ на свидѣшельство, и не посылая въ аптеку съ Алхимистомъ, въ домишкѣ своемъ безъ свидѣшелей ежечь. А что со всѣми выщеписанными

ми прошивъ законовъ Божіихъ и ва-
шихъ Государскихъ я не спавленъ, и
суда и очныя спавки мнѣ не дано, и
въ шомъ воля швоя, Великаго Госуда-
ря. Сироты мои и раба моя взяшы къ
очнымъ спавкамъ, а я, холопъ швой,
за что не взяшъ? Прошивъ моею же
холопа швсего, ссылки, опцевъ мо-
ихъ духовныхъ, Преосвященнаго Архі-
епископа Симеона Тверскаго, и Ус-
пенія Пресвятыя Богородицы Собора
Протопопа Кондрата не допрошено
и не повѣрено; Думнаго Дворянина,
Едора Проксфьевича Соковника, да
Думнаго Дьяка Василья Семенова, что
они осмашривали книги, копорой не
бывало, не повѣреножъ обыску о той
же книгѣ. А въ обыску было швоего,
Великаго Государя, двора Спрянчихъ
два челоѡка, Дворянинъ Московскій,
девять челоѡкѡ людишекѡ моихъ,
копорые непрестанно жили у меня,
холопа швоего, въ шомъ же дѣлѣ Дум-
ный Дьякъ Ларіонъ Ивановъ, Докторъ
Штефанъ, Николай переводчикъ,
Иванъ Соловцовъ, и всего было 21 че-
лоѡкѡ; яжъ, холопъ вашъ, по вашей
Государской милосши еще въ то время
былъ

былъ въ Боярахъ. И всѣмъ вышеписан-
нымъ 21 челобѣку не повѣрено еще,
и вашъ, Великаго Государя, указъ и
Уложенъе описавлено, по которыхъ
спашьямъ довелися Давыдко и карло
винамъ и жестокому наказанію; да не
шюкмо, Великій Государь, прошивъ
швоего, Великаго Государя, указа
жестокому наказанію, но и смерти,
и шо описавлено; а чего ради, шо-
го я, холопъ швой, не вѣдаю; а сиро-
шинъ домишка моего единому и лѣ-
каришку непошребному, новокуплен-
ному, вору наученному, шѣиъ повѣре-
но, и чрезъ законы Божіи и ваши
Государскіе, и чрезъ всякую мою прав-
ду и безвинность, и чрезъ всякія мои
и ошца моего великія службы, какъ
писаны въ челобитшѣ моемъ къ шебѣ,
Великому Государю, въ первой моей,
холопа швоего, челобитной, а раззоренъ
спранно и всеконечно, не имѣя вины.
Божественному ли Великій Государь,
Писанію, и вашимъ Государскимъ ука-
замъ вѣришь, или ворамъ и плушамъ
и соснавшикамъ, лѣкаришку одному,
и сирощѣ карлу увѣчному, порожденію
схиднину? Чего и помыслишь не воз-
мож.

можно, шо на меня, холопа твоего, видя милоспи и помощи и заступленія оплученна, зашѣяли! А сверхъ сего вышеписаннаго свидѣтельспвуюсь Господемъ Богомъ, что неусыпнаго Его не утаишя очесе, и прежде, неже грѣхъ содѣяши, видя душу, не пребуешъ свидѣтелей, иже вся вѣдый, какъ на страшномъ Его Божіи судѣ стати, и помышленіемъ своимъ опъ сихъ дѣлѣ чисту, и ничтоже бываемыхъ свѣдущу, что нанесено тебѣ, Великому Государю. А вѣ дѣша благочестивыя державы опца твоего Государева, Великаго Государя, ближнему Боярину Князю Никишѣ Ивановичу Одоевскому вѣ маломъ дѣлѣ данъ судъ вѣ двухъ пустошахъ, самъ опецъ твой Государевъ, блаженныя памяти приснопоминаемый Великій Государь, слушалъ съ Бояры челобитья его, и Келаря Троицкаго допрашивалъ; а мнѣ, холопу твоему, и сърабы моими и съ доводчикомъ воромъ лѣкаришкомъ, плушомъ наученымъ, суда и очныя ставки не дано, не шокмо передъ Бояры, но и особно никто мнѣ, холопу твоему, судію по твоему Вели-

каго Государя указу не учиненъ. Не въ пустошахъ ваша Государская милость, честь моя Боярство и сынишка моего чинъ, дома, живопы, опчины, помѣстья, люди, всѣ безъ остатка опнышы безъ суда, и очныя славки безо всякїя моей, холопа швоего, вины и по се время не могу упросить милости у тебя, Великаго Государя, и бѣду терплю четвертый годъ напрасно, и къ тому же раззоренію и мѣсто указано, гдѣ прежде времени со всякихъ нуждъ умрети напрасно. Ближній Бояринъ, Князь Никиша Ивановичъ Одоевской, малой обиды о дву пустошахъ не могъ презрѣти, билъ челомъ: я ли, холопъ швой, прешану? Ни до дне смерти моя: плѣнное мое, холопа швоего, имѣніе и погибающее богатство идетъ, еже вся оставяши здѣ, что и есть, якоже родихся нагъ, шахъ нагъ и опходиши имамъ; ничтоже отъ сихъ съ собою возьму, но вѣчный живопъ и безсмертную славу и душу, еяже ничтоже дражайше можетъ быти; да не оставлю сего, что на меня, холопа швоего, воръ съ ворами зашѣль.

Же

Желаю и милости прошу, и шобою, Великимъ Государемъ, отъ поношенія сего себя и червя своего очистишь, въ законъ оскорбленъ, чему шатися не возможно, шому повѣрено. Глаголетъ Божественный Апостолъ Павелъ: добро ми паче умерети, нежели похвалу мою да ушраднишь кто: не рече законъ, но похвалу. Или я, холопъ швой, оставлю шо, что на меня зашѣно и нанесено тебѣ, Великому Государю? Миѣ, холопу швоему, законъ паче, нежели чешть и нажишки. Помнилъ, и помню, и помниши не прешану до разлученія души моя реченное слово всевысочайшаго и всеильнѣйшаго Христа Царя и Бога: Аще кто исповѣсь мя предъ человекъ, исповѣмъ его и азъ предъ Отцемъ моимъ, иже ешь на небесехъ. И паки: Аще не снѣсье плоти Сына человекскаго, и не пѣте крови Его, не имаше видѣши живота въ себѣ во вѣки. Какъ въ первой моей, холопа швоего, сказкѣ, что далъ я въ Лаишевѣ Думному Дворянину Федору Прокофьевичу Соковнину, да Думисму Дьяку Василью Семенову, хоша они меня и раз-
спра-

спрашивали со всякимъ усстрашеніемъ; сиропины моего извѣшомъ. А какъ вины и неправды сказываны въ Казанѣ, которыми я, холопъ швой, не виненъ, и въ то время извѣшъ вора наученаго Давыдка чли, а не сиропины моего карла, и въ то время сказаль, что я, холопъ явой, всегда съ Богомъ, и въ томъ свидѣтельствовался я ошцами своими духовными, и частымъ исповѣданіемъ, и пречистыми шайны, и тому Великій Государь не повѣрено, или не осмошрѣно, или въ реченіи громогласія зашѣснено. А которые въ шакихъ явныхъ дѣлахъ обличены, и выняшо ихъ воровшво, и шѣмъ милость ошца швоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, показана, и не ошняшо у нихъ ни чесши ихъ, ни дома, ни пожитки; а я, холопъ швой, не виненъ, а раззоренъ шуне безъ вины. Кому, Великій и милосивый Государь, повѣрено? Пьяному вору и нехранишелю чесши своему Великому Государю, и недоброхошу, Дашскому Нѣмчину, который будучи на Москвѣ при васъ Великихъ Государяхъ, Государю своему

ему какія прислуги учинилъ на вѣч-
 ную славу, только что онъ пьяница
 былъ, вездѣ ругались, опѣ всѣхъ дру-
 зей его возили, чрезъ лошадь и чрезъ
 сѣдло перекиня пьянаго, въ корешѣ,
 положи верхъ ногами пьянагожѣ. Пе-
 тру Марселсу пьянъ разрѣзалъ рюмкою
 горло, чайшь опѣ того и скончался.
 Томасу Келдерману шандаломъ пьянъ
 голову пробилъ; меня, холопа швоего,
 пріѣхавъ ко мнѣ въ домишко, по на-
 ученію моихъ благодѣшелей, своихъ
 друзей, обезчестилъ, и чрезъ ближ-
 няго Боярина Князя Юрья Алексіеви-
 ча Долгорукова перепросилъ, чтобъ
 я, холопъ швой, шебѣ Великому Го-
 сударю на него не билъ челомъ, и
 иныя многія неспроенія зазорныя чи-
 нилъ; а больше сего своему Государю
 чести и прибыли не учинилъ. А въ
 обычаяхъ, Великій Государь, всѣхъ
 васъ Великихъ Государей, вашихъ ве-
 ликихъ и полномочныхъ Пословъ и
 Посланниковъ, и Резиденшовъ, и по-
 сланныхъ, и гонцовъ, повелѣнія и
 указъ и свои обученые искусства въ се-
 бѣ имѣють во украшеніи нравовъ,
 отступанія, и отъ поклоновъ, и отъ
 взо-

взора и ошѣ гласа въ реченіи шихомѣ и ошѣ слова любовнаго и удивительнаго, и просшо рещи, яко всему образу вездѣ являшися достоишѣ, и удивити имѣ мощи зрящихъ и слышащихъ. И сего ради, Великій и милоспивый Государь, не шокмо вы, Великіе Государи, но и ваши Государственныя народы, и сами Посольскія особы ошѣ шого пріемлюшѣ великія славы и похвалы; а онѣ пьяница, будучи въ государствѣ вашемѣ, Великихъ Государей, только славы учинилѣ, какѣ его возили пьянаго ошѣ пьяныхъ, а робяша вопили въ слѣдѣ: *пьяница! пьяница! шищѣ на кокуй!* И сему пьяному повѣрено. Чего ради я, холопѣ швой, сѣ нимѣ не ставленѣ и не допрошенѣ? Будешѣ бы я, холопѣ швой, забылѣ страхѣ Божій, и вашу Государскую премногую и неизреченную милоспѣ, дерзнулѣ безумспивомѣ своимѣ такѣ учинишѣ, какѣ онѣ зашѣялѣ, достоинѣ бы былѣ смерти поносной на многое время; а будешѣ онѣ пьяный чѣимѣ наученіемѣ, или обнадеживаніемѣ злолукавыхъ чловѣкѣ зашѣялѣ, какѣ уже шо его коварствомѣ

сѣ

съ прочими вашему Государскому ли-
 цу и слуху предспало, что онъ сво-
 ровалъ, съ наученія запѣялъ: за что
 онъ воръ не возвращенъ съ пути? За
 что на него Государю его не написа-
 но о его воровствѣ? Въспѣ Господь
 Богъ помышленія человѣческая; ей ей
 истинно пишу и милости прошу. Со-
 крушаетъ кости моя милость ваша
 Государская; жалѣю паче своего разво-
 ренія, что не къ славѣ разсмотренію
 одной мысли и совѣшу и наученія
 Дапской Нѣмчинъ воръ съ воромъ Да-
 выдкою многія лѣта пошъ пьяница
 Нѣмчинъ жилъ на Москвѣ, ничего
 на меня, холопа твоего, не извѣщалъ.
 А какъ по швоему Великаго Государя
 указу оппущенъ съ Москвы и опѣ-
 ѣхалъ далеко въ пушь, спалъ ядѣ
 испущаши по наученью за злобу свою,
 что я ему въ дѣлѣхъ его неподобныхъ
 не молчалъ. Такожде и Давыдко воръ
 того же совѣшу и разума и наученія
 оставленъ былъ на иное время дово-
 дитъ, а не съ нимъ пьянымъ, чтобъ
 тебѣ, Великому Государю, не явенъ
 былъ ихъ совѣшъ и лукавство, за что
 я, холопъ швой, не сшавленъ съ ни-
 ми

ми воры и очныя спавки и суда съ ними воры не дано. Всѣмъ по швоему Великаго Государя указу судъ, а я, холопъ швой, отъ суда и очныя спавки сосланъ безвинно. Воръ Спенька Разинъ какое раззореніе государству вашему Великихъ Государей учинилъ, какіе города побралъ, какія крови Христіянскія невинныя розлилъ и церковныя входы и помосты кровью ихъ обагрилъ, сколько вдовъ чисныхъ и дѣвъ нескверныхъ посквернилъ, сколько младенцевъ отъ сосецъ матернихъ погубилъ многообразно, и на какой конецъ шому дѣлу шщился, ешлы бы не всемилосердый Господь Богъ шому проклятому препону въ совѣшъ его зломъ положилъ заслону вашими Государскими рашьми, съ копорыми поспѣшилъ вашъ Великихъ Государей ближній Бояринъ и Воевода Князь Юрій Алексіевичъ Долгоруково съ товарищи, и явнымъ милосердіемъ въ руки слабыя Донскимъ козакамъ предалъ, а въ шомъ дѣлѣ работишка моя, холопа швоего, была. Прежде взяшья Аспрахани писалъ я, холопъ швой, къ ошцу швоему Великому Государю

сударю въ Троицкой походѣ, чтобъ его вора Спеньку изъ Аспрахани не опущашь для многихъ его воровскихъ причинъ, какъ онъ первое ходилъ на море, и есть, Великій Государь, тому и свидѣтели, только нынѣшняго ради твоего Государскаго гнѣва и ослы, и всеконечнаго моего невиннаго раззоренія, умолчашь, и тебѣ, Великому Государю, не извѣспяшъ. А чаю я, холопъ твой, что въ Приказѣ тайныхъ дѣлъ рука моя, холопа твоего, о томъ дѣлѣ есть. И тому вору и раззорителю и мыслящему всякое зло данъ по вашему Государскому указу судъ, Бояре все на земскомъ дворѣ разспрашивали, и брата его и иныхъ, и очныя спавки давали; вора самозванца, которой именемъ брата вашего, блаженныя памяти Великаго Государя Царевича и Великаго Князя Симеона Алексѣевича, вся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, назвался въ запорогахъ, и къ какимъ кровямъ и раззоренію учало доходить? Яжъ, холопъ твой, служа вамъ Великимъ Государемъ, сколько всепремудрый Господь Богъ вразумилъ вашими Государ-

И

ски-

скими жестокими и милостивыми чашими указы привлекъ къ нами на шомъ же земской дворъ, и Бояре въ шомъ же земскомъ дворъ разсирасивали, и шѣмъ вышенписаннымъ ворами по вашему Государскому указу и по уложению данъ судъ; а я, холопъ швой, по вашей Государской милости былъ въ Боярехъ, и повѣрено было паче всего въ вашемъ Государскомъ здорывѣ, кромѣ вашихъ Государскихъ великихъ дѣлъ, и былъ многое время въ работахъ своихъ непрестанныхъ, какъ въ первой моей, холопа швоего, челобитной о шомъ написано. Когда ненависть и злоба не имѣла силы, ни судимъ предъ вашими Государскими Бояры, еще будучи въ Боярехъ и шото же лику, ни отшѣша о себѣ сотворилъ, осужденъ и посланъ шакъ холопъ швой съ Москвы, что и весла кормоваго не дано и до Коломенскаго брелъ безъ весла, кормою и носомъ переворачивало, показали образъ, что впредъ мнѣ, холопу швоему, будешъ. Свидѣтель ми ешь Господь Богъ, что не лгу: видя богобоязливые и Христолюбивые люди мою невинную бѣду, и

по-

номня спрахъ и законъ Божій, не
 шокмо удивились, но и прослезились,
 видя такъ немилосердо отъ своего Го-
 сударскія милости кромѣ всякихъ на-
 шихъ винъ оппорженныхъ и послан-
 ныхъ на заточеніе. А я, холопъ
 швой, кромѣ работъ своихъ всегдаш-
 нихъ во вся лѣша своя, къ чеспи,
 къ славѣ и къ повышенію имени ва-
 шего Государскаго, къ просиранству
 государства вашего, ко урядству вся-
 кихъ рашныхъ строевъ и къ собранію
 прибылей и окладу у многихъ денегъ
 и золошыхъ и ефимковъ; ничего злаго
 не учинилъ; а и въ дачахъ въ рас-
 ходъ съ самымъ береженьемъ не шок-
 мо въ вашихъ Государскихъ домовыхъ
 расходѣхъ, но и въ Посольскихъ по-
 ѣздахъ въ расходъ съ великимъ бере-
 женіемъ берегъ, и шому свидѣтель-
 ствуетъ расходная книга, что до мо-
 его холопа швоего сидѣнья великимъ
 Посломъ и посланникамъ и гонцамъ и
 посланцамъ Гетманскимъ давано, и
 что при моемъ сидѣньи шому же сви-
 дѣтельство береженію вашія Государ-
 скія казны; что денегъ и золошыхъ
 и ефимковъ собрано, и объявилъ те-

бѣ, Великому Государю, по преславле-
 ніи въ вѣчную жизнь блаженныя па-
 мяши оцца швоего Государева, Вели-
 каго Государя, и искалъ вамъ Вели-
 кимъ Государемъ всякаго благополучія,
 а злаго ничего не мыслилъ и не
 совѣщаль, свидѣшель ми естъ всеви-
 дящее Око. Аще ли же не тако, но
 нѣчто лукаво о мнѣ, холопѣ швоемъ,
 изыщущѣ въ вашихъ Государствен-
 ныхъ великихъ дѣлѣхъ судомъ пра-
 вымъ, законами Божиими и вашими
 Государскими, и свидѣшельми благими,
 не вели милости сотворить; аще ли
 кто не шокмо слово, или дѣло мое лу-
 кавое, аще и мысли моей кто будетъ
 вѣдатель и испязатель, долженъ спа-
 сти суду и дати отвѣтъ; аще ли не
 буду оправданъ вышеписанными зако-
 нами и свидѣтели, да буду смертію
 жестокосердою скончанъ, да мешущѣ
 составы моя на всякой день псамъ на
 расперзаніе, да и прочіе образъ видя
 шпрахъ примущѣ; аще ли благочести-
 вый Великій Государь кто ошъ нена-
 видящихъ и ошъ злоствующихъ не
 станетъ со дерзновеніемъ и свидѣше-
 ли благими мнѣ на обличеніе. Умили-
 ся,

ся, благочестивый Великій Государь! за что разоренъ и учиненъ нищимъ и спражду и умираю туне чепвертое лѣшо, не имѣя вины? Кому, Великій Государь, повѣрено? Воръ Давыдко, избывая бѣды своей и хопя шѣмъ доводѣмъ ошѣ правезу бышѣ свободенѣ, по наученію спалѣ доводишѣ. Глаголетѣ Мудрость: ошѣ изхода словесе знаетѣя мужѣ. Онѣ ворѣ кознствуетѣ на истинну, коварство его явлено всѣмъ, какѣ напрасно наученѣ и какѣ явѣ познался, якоже шѣма нѣсмѣ свѣшѣ, шако ниже лжа истинна. Никшо, Великій и милостивый Государь, порицаемѣ о прелюбодѣйствѣ, ошѣвѣшѣ даемѣ о шашѣбѣ. Давыдка вора бьютѣ на правезѣвѣ долгу, а онѣ швое Великаго Государя дѣло на насѣ сказываетѣ, и время сказалѣ шому назадѣ два года, и сему повѣрено, кто не вѣсшѣ? Кто не зршѣ ясно сего, яко сіе скоростію сдѣлано, кромѣ законовѣ и правды опняшіе превеликое милости опца швоего Великаго Государя и швое Государское милостивоежѣ честь мою боярство, и сынишка моего чинѣ безѣ

вины за мои; холопа швоего, службы и работы и крови, дворы и живомы, прижишые еще прежде меня родичи моими, и мои нажишые за службы и за крови помѣстья и опчины, всѣ въ скоромѣ времени въ Казани взяшы, а челобитья моего, холопа швоего, словеснаго и челобитной не принято до Пустоозерскаго оспрогу годѣ, или слишкомѣ. А принявъ челобитную къ тебѣ, Великому Государю, швоего Государскаго милосшиваго указу за безвинность свою и за службы и крови и непрестанныя свои работы, и за великия свои прибыли не дождусь, какъ обычай во шмѣ сѣдящимѣ свѣшѣ видѣть; не вѣдаю, донесеналь до тебя, Великаго Государя, или нѣшѣ, годѣ и два мѣсяца, и нѣшѣ милосшиваго швоего указу Государскаго. Общая, Великій Государь, невинность моя, холопа швоего, и Докшора Стефана и переводчика Николая. А какъ, Великій Государь, по вашему Государскому указу миѣ, холопу швоему, невинныя вины въ Казани сказываны, и Докшора Стефана и переводчика Николая въ шой швоей, Великаго Государя, грамотѣ

тѣ и вѣ винѣ невинной не именовано, и пошому чаяніе мое, холопа швоего, что имѣ не шакѣ учинено одного дѣла, и извѣшу воровскаго, какѣ надо мною, холопомѣ швоимѣ, учинено, и вѣ томѣ воля швоя Государская; однакожѣ мы холопи швои обидимые должны милосши просишѣ какѣ винные и невинные. Указы ваши Государскіе писашѣ, кошорымѣ вѣ равномѣ дѣлѣ невиннымѣ и вѣ равномѣ дѣлѣ виннымѣ не равная милосшь показана. Глаголетѣ нѣкшо, Великій Государь, учишель мудрый: испинна и судѣ Господь естѣ; швориши же истинну и судѣ Господень естѣ, а Господь глаголетѣся Богѣ. И самѣ Господь Богѣ рекѣ; милосшивый человѣкѣ угодобися милосшивому Богу. Великій учишель Григорій Богословѣ глаголетѣ: ни чимѣ бо шакѣ всѣхѣ, яко милосшию, Богѣ угождаешя, яко ниже свойственнѣйшее иного сего Богу, Ему же милосшь и испинна предшешествуюшѣ, и Ему же просишельно прежде суда. Вѣ законѣхѣ, Великій Государь, Божіихѣ, вѣ пятыихѣ Моисеевыхѣ книгахѣ вшорый законѣ писанѣ: аще станешѣ послухѣ

неправдивъ на челоѡка, има же естѡ
 прѡ предѡ судїи, иже будутѡ въ
 шья дни, и да испытаютѡ ихѡ судїи
 прилѡжно, и да не пребудетѡ по-
 слухѡ единѡ въ послушество на чело-
 вѡка по всякой винѡ и обидѡ и по
 всякому грѡху, иже аще согрѡшишь,
 но при устѡхѡ двою свидѡтелей, или
 трїехѡ, да станешѡ всяко слово. Въ
 вашемѡ же, Великій Государь, указѡ
 и въ Соборномѡ Уложеньѡ напечатано,
 глава 2, 12 снашья: буде кто на ко-
 го учнетѡ изѡвѡщать ваше Великаго
 Государя великое дѡло, а свидѡтелей
 на шоль свой изѡвѡтъ не посшавитѡ
 никого, и ни въ чемѡ не уличитѡ, и
 сыскашь будетѡ про такое дѡло нѡ-
 чемѡ, и про такое дѡло указѡ учи-
 нишь по разсмотренїю. А отецѡ твой
 Государевѡ, приснопоминаемый блажен-
 ная памяти Великій Государь Царь и
 Великій Князь Алексѡй Михайловичь,
 Великія и Малыя и Бѡлыя Россїи Само-
 держецѡ, въ двадесять пятое лѡто
 возраста своего, въ третїе лѡто Бо-
 гомѡ хранимая своя державы, со Свя-
 тѡйшимѡ Іосифомѡ, Патриархомѡ Мо-
 сковскимѡ и всея Россїи, и со всемѡ
 освяч

освященнымъ Соборомъ и съ Бояры и съ Окольничими и со всею Палашою и съ чины ошъ большаго и нижайшаго совѣшававъ о уложеніи книги, кошорую за благословеніемъ Божіимъ и его Государскимъ указомъ учинили и руками утвердили; а первое въ предисловіи постановили, что быти суду и справѣ во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равно. Повели своей Государской Палашѣ разсмотрѣши и разсудити милосердо; вспомяни Божіе слово, чрезъ Пророки глаголанное, Исаія глава 5: Егда обрящете мужа шворяща судъ и ищуща правды, милосердѣ буди ему. И Іезекіиль, глава 18, глаголетъ: Аще снабдяшъ вся заповѣди моя и сотворятъ судъ и правду, и вся согрѣшенія, елико будешъ сотворилъ, не помянуся ему. Кая милость, благочестивый и милоспивый Великій Государь отъ Бога, и присвоеніе къ Нему, и чаяніе воздаянія отъ Него, видя меня невиннаго раззорити и совлещи съ меня единаго неимѣющаго помощи, и обещи другихъ, кошорые и безъ кровавыхъ моихъ пожитковъ были изобильны? Ни кій же прибытокъ

только непрестанныя слезы ко Все-
 высочайшему на обидимыхъ. Кая слава,
 кая похвала, что меня, холопа шво-
 его, съ червемъ моимъ и съ сироты умо-
 ришь голодомъ за работы мои, но за
 едину ненависть и злобу, приносимую
 къ тебѣ Великому Государю неправед-
 но? На которыхъ вамъ Великимъ Госу-
 даремъ, опцу швоему Государеву, бла-
 женная памяти Великому Государю, и
 тебѣ Великому Государю бивали че-
 ломъ городами, уѣздами и иными
 многими особными челобитьями, и
 тѣмъ ваша Государская милость пока-
 зана, не совлекли съ нихъ и иныхъ
 не облекли: а я, холопъ швой, не-
 имѣющій помощи, раззоренъ завистию,
 приношеніемъ приснонеправеднымъ при-
 сѣдящій, и укрѣпился гнѣвъ швой Го-
 сударской не по винѣ. Сіе како не
 люшо! и опъ печалей люшыхъ обливаю-
 ся слезами. Кто не восплачетъ бого-
 бонщійся, видѣвше сія? А больши се-
 го биши челомъ и пишеть въ чело-
 битьи своемъ къ тебѣ великому Го-
 сударю не смѣю, и иное слезами мои-
 ми кровавыми предъ Сопворшимъ всячес-
 кая зашру. Умилостивися, милосшивый
 Ве-

Великій Государь! вспомяни Божіе
 слово къ премудрому Царю и право-
 судному Соломону, еже рече: Занеже
 не просилъ еси богатства, ниже про-
 си души врагъ твоихъ: но просилъ
 еси себѣ мудрости и разума, да по-
 слушаеши суда, и се сошворю по гла-
 голу твоему: се дамъ ти сердце
 смысленно и мудрость, якоже не былъ
 мужъ предъ тобою, и по тебѣ не воз-
 станетъ ни единъ мужъ подобенъ ти
 во Царѣхъ во вся дни твоя. Умилос-
 сердися, благочестивый Великій Госу-
 дарь Царь и Великій Князь Феодоръ
 Алексіевичъ, всея Великія и Малыя и
 Бѣлыя Россіи Самодержецъ! вспомога-
 ни милость отца твоего Государева,
 благочестиваго и приснопоминаемаго
 блаженныя памяти Великаго Государя
 Царя и Великаго Князя Алексѣя Михай-
 ловича, всея Великія и Малыя и Бѣ-
 лыя Россіи Самодержца, Государя пре-
 милосердиваго, и свою Государскую пре-
 многую и неизреченную ко мнѣ и къ сы-
 нишку моему убогому червю милость;
 и работы и крови мои, какъ въ пер-
 вой моей, холопа твоего, челобитной
 писано, и невинность мою и всеконеч-
 ную

шую мою бѣду и раззореніе и кровавыя
 мои слезы видя, возгласи спрашнымъ
 своимъ Государскимъ и праведнымъ
 судомъ, да исчадія ехидина, поядоу-
 щія насъ, холопей твоихъ, отъ вашего
 Государскаго гласа устрашася отбѣ-
 гнушъ. Буди яко орелъ высокопарный,
 покрый гнѣздо свое, Богомъ дарован-
 ное. Премудрый во Царѣхъ Соломонъ
 въ Пришчахъ, глава 20, глаголетъ: Егда
 Царь сядетъ на престолъ своемъ, не
 спанетъ прошиву очію его ничтоже
 лукаво. И паки шой же глаголетъ:
 милость и истинна обыдетъ престолъ
 его въ правду, въ родъ и родъ до вѣ-
 ка, буди буди. Повели, благочестивый
 Великій Государь развѣяти повелѣні-
 емъ своимъ Государскимъ плевелы ихъ
 и зло, ихъ ядъ и сосавы, ложные
 подавляющіе насъ безвинныхъ холопей
 твоихъ, помощи и заступленія обна-
 женныхъ и оппорженныхъ, умиленно
 предъ высокимъ престоломъ вашимъ
 Государскимъ подражашельно со спра-
 хомъ отъ усердія нашихъ душъ при-
 лѣжное рабское поклоненіе до лица
 земнаго, съ горькими и кровавыми
 слезами множественно полагаемъ, да про-

престануть наши кровавыя, непрестан-
 ныя невинныя слезы на обидимыхъ, дон-
 деже къ намъ, холопомъ швоимъ, въ
 мѣсто плачевное, въ Пусто Озеро,
 гласъ паки плачевный и толико скорб-
 ный, и яко истиннымъ боголюбцемъ
 не возможно не плакати по писанно-
 му: и бысть плачь великъ, воздыха-
 ша начальницы и старцы и юноши и
 дѣвы, и всякъ сѣдящій въ печали, о
 преспавленіи и о пресѣченіи смертномъ
 благочестивыя Великія Государыни Ца-
 ревы и Великія Княжны Ирины Ми-
 хайловны и опшествіи ея въ небес-
 ныя обители. И сего ради преспа-
 венія и упокоенія души ея въ царствіи
 Божіи и ослабѣ души ея отъ грѣхъ,
 какъ глаголетъ великій учитель свя-
 тый Григорій Богословъ: Нѣсть бо
 праведника, иже что неимуща грѣха,
 аще и единъ день житія его. Паки
 просимъ милости о своемъ невинномъ
 раззореніи. Въмѣсто милосыни, гла-
 голетъ святой и великій безсмертный
 умъ, Аѳанасій Александрійскій: Аще и
 на воздухъ во благочестіи скончавый-
 ся положенъ бысть, не оприцайся
 масла и свѣчь, Христа Бога призывая

запалиши; пріятно бо естъ сіе Богу; и многія сія приносяща воздаянія; аще и праведникъ, да мздамъ приложеніе будетъ. Повели возвратиши раззореніе наше невинное, даждь славу и благодареніе своему Государскому имени, и вели насъ изъ сего зоключенія взяшь и живишь намъ бѣднымъ, гдѣ швоя Государская премилоспивая воля будетъ, чтобъ намъ бѣднымъ и зоключеннымъ прежде времени со всякихъ нуждъ душъ не извлещи. Умилися, пресвѣтлый и милоспивый Великій Государь, и виждь, яко смиренны деспю и шруждаемся въ бѣдахъ, во гладѣ, въ дыму, въ спудени и во всякой нуждѣ. Не должно холопи швой у шебя Великаго Государя чрезъ кровавыя свои слезы милоспи просимъ: съ голоду страждемъ и не можемъ части мяса купить; да не токмо, Великій Государь, мяса, или калачъ, или иныхъ пошребныхъ нуждъ, ей ей и хлѣба на двѣ деньги купить не добудемъ, нѣтъ и не знаютъ шого съ почашку, какъ почали по вашему Государскому указу живишь въ Шустоозерскомъ ошрогѣ; единъ борщъ ядятъ,
да

да прибавливакшѣ по горсти муки ржаной; и шо, Великій Государь, прожиточные люди ядншѣ, а убогіе единѣ борщѣ, да и шомѣ не родилсѣ въ Пустоозерскомѣ, привозяшѣ съ Ижмы; да не шокмо, Великій Государь, купишѣ, милостины имени ради Божія выпросишѣ не у кого: сами межѣ себя просяшѣ, и дашѣ не кому и не чего, и бредушѣ врознь глада ради, и достпальныи Государь въ шомѣ же путь смошряшѣ. А у меня, холопа швоего, что ни взято было, и лѣѣ запасенка перемѣнами, переводоками, горами, водами, порогами, пошоплено, помочено, погнило, разсыпано, разбросано, разкрадено, съ голоду разшернано, мало что до Пустоозерскаго довзено, и въ шомѣ нашемѣ безвинномѣ раззореніи, и въ такой нуждѣ и голоду, ничшоже намѣ, холопомѣ швоимѣ, чаенсѣ, шочію смершѣ, послѣдспвующая ошѣ скудосши всякой. И сего ради милосши просимѣ. Аще совершенной милосши недоспойни и свободишѣ насѣ до своего Великаго Государя указу безвинно страждущихѣ чешвершой годѣ и раззоренія нашего

не-

невиннаго возвратити не велишь, вели насъ, холопей своихъ, перевести въ деревнишки наши въ хлѣбныя мѣста, и вели насъ съ сиротами нашими за невинность нашу и раззореніе наше странное, невинное, нищетное, кормишь, давать хлѣбъ и денежной кормъ на харчъ изъ нашихъ невинныхъ взятыхъ пожизненковъ, какъ тебѣ Великому Государю Господь Богъ милосердый повелишь. А по вашему Государскому указу и винныхъ и къ смерти приговоренныхъ по винѣ, и тѣхъ кормяшь; а мы, холопи швой, спраждемъ и умираемъ съ голоду безвинно, и непрестанно горькими и кровавыми слезами обливаемся, и отпущенія у Господа Бога просимъ на тѣхъ, которые насъ безо всякія нашей вины оплучили отъ вашей Государскія милости и раззорили неправедно, злобы, ненависти и зависти ради. За совѣсть свою неправую мнози, Великій и милостивый Государь, невинны оболгуемы отъ злобы и зависти страдали, не шокмо я, холопъ швой, червь, съ червемъ моимъ бѣднымъ, но и благородные величествомъ имени и

Архіе

Архіереи Богу угодившіе, и иные мнози славные укоризну, поношеніе, заточеніе, ошѣ мѣснѣ своихъ воспріяли; да не сіи почію, но и самъ Сласситель нашъ досажденія и укоризны пріянѣ ошѣ рода лукава: глаголаху окаяннїи и шупоумнїи: бѣсамашѣ, и ажепророкъ и ядца и винопїйца, мышарямѣ и гѣшникамѣ другѣ, и о Велззулѣ, князѣ бѣсовшемѣ, изгонитѣ бѣсы, не воспоминая реченнаго слова, еже рече имѣ: испышайте писанїя. А мы, холопи твои, уповаемѣ на всемилоспїивѣйшїя щедробы Его, и на тебя, великаго и милоспїиваго Помазанника Его, благочеспїиваго Царя; и сія вся со благодаренїемѣ шерпимѣ, возлагающе вся на Него, судящаго праведно по писанному: моя месѣ, азѣ воздамѣ, глаголетѣ Господѣ, вѣ неправдѣ. Правду, благочеспїивый и милоспїивый Государѣ, виждѣ, и вѣ шолїкомѣ злѣ плавающимѣ и упопающимѣ человѣколюбїе подаждѣ и милосердїе; милоспїи, умиленїя, оспрады просимѣ. Премилоспїивый Царѣ Государѣ! смилуйся.

=====

*Третія челоуитная егожъ Боярина Арте-
мона Сергѣевича, посланная изъ Пусто-
озерскаго острога по 189 году съ ссыль-
нымъ съ Самарскимъ Офицеромъ, съ
Васильемъ Пастухопымъ.*

Царю Государю и Великому Князю Фе-
одору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя
и Бѣлыя Россіи Самодержцу, Государю на
всей селеннѣй единому Христіянскому,
православному, озлобленные спранно,
и раззоренные до конца и опшоржен-
ные отъ вашей Государскія превысокія
милоспи безъ вины, и започенія въ
ссылкѣ, на послѣдней чертѣ къ Пу-
шному морю, и за карауломъ жесто-
кимъ въ шѣсношѣ сѣдящїи и ни отъ
кого помощи и заступленія не имѣю-
щїи, развѣ всесильнаго и всевысочай-
шаго Царя Царемъ и Бога, и себя
Великаго и милосердаго Государя,
бьютъ челомъ холопѣ швой, Аршемош-
ка Машвѣвѣ съ убогимъ червемъ съ
сынишкомъ моимъ Андрюшкою предъ
высокимъ престоломъ вашего Царскаго
Величества верженіемъ главъ нашихъ,
лица до лица земли преклоняемъ, и пла-

пла-

плачливую пѣснь на землѣ чуждей и
 вѣло злоубогой и всякой пищи ли-
 шенной и горькослезной, непрестанно
 воздыхающе и спеняще со всякихъ
 нуждъ отъ жителей, живущихъ на
 ней, такожь и мы, холопи твои,
 шужь плачевную пѣснь поюще, паки и
 паки бьемъ челомъ. Великую нѣкую
 по сердцу Божию избранный мужъ и
 Царь и царственнѣйшій Пророкъ Да-
 видъ помощь себѣ чувствуя, разгнѣ-
 ванную, или косную ко услышанію Бо-
 жію упробу плачемъ своея тѣсношты
 преклоняешъ, глаголя: Приклони Госпо-
 ди ухо твое, и услыши мя, яко нищъ
 есмь азъ и убогъ, во скорби сердца
 моего. Имашь бо сіе свойство Божіе,
 еже присно въ тѣсношѣ просящихъ
 послушати, отъ него же образъ прі-
 емшии мы, холопи твои, по Бозѣ убо
 у высокаго престола вашего Христа
 Господня падаемъ, обиду и странное
 разореніе наше оплакиваючи слезно.
 Аще бо Богъ обѣдныхъ слезами удобъ
 примиряешся, то кольми тебѣ Христу
 Его по долгу подобаешъ подражати
 Помазашеля на царство. Въ нія сте-
 пени велехвальнѣй и славнѣй Царь

Александръ Македонскій, языческій Государь, оружіемъ бывъ предъ многими вои и иныхъ множайшихъ, цѣломудрый же яко воисинну мужъ и Владычнихъ хранишель заповѣдей. И вамъ, Христіанскимъ Великимъ Государемъ обычаями своими подобенъ нѣкогда себѣ вопрошающимъ, вскую бы жалобы, челобитье послушая, едино ухо зашворялъ, другое ошверсто хранилъ? Славенъ, страшенъ, удивителенъ, умилителенъ, милосивъ опѣлъ Царь премудрый и рашоборный подаде, рече: Обидимымъ сохраняю, и всю мою мудрость привожу къ познанію благонравія моего. Велию мудрость, еже благое отъ злаго распознати знаешъ, себѣ вѣчныя славы желая, или воздаянія небеснаго чаяше. Мы, холопи твои, Христіанскаго ушесе обидими у вашего высокаго Царскаго престола просимъ, еже и одержаши надежды не погубляемъ, вѣдуще васъ Великаго Государя Христіанскаго Царя памятовашъ, еже великій Архіерархъ Мелетій Папа, и Патріархъ великаго града Александріи, и блюститель и судія се-

ленъ

леннѣй престола Константинопольской славы и учитель глагоleshъ: Имѣннѣй слухъ обидимымъ опворенѣ, неправдующимъ же прельщеннымъ, и увѣреннословіемъ зашворенни же, усумнѣваяся васъ, земнаго Царя, и небеснаго убо царства желаша, еже есмь безъдѣль возбранно. Сугубаго плача съ пролипіемъ слезъ прошеніе наше, холопей швоихъ, вамъ Великому Государю внесохомъ; двоякій убо насъ страхъ содержащій: гладъ бо насъ страшишъ смершю, а смершь спрашишъ голомъ. Вопіемъ къ шебъ, Великому Государю Царю милосердому, по пресправленіи въ небесныя обихели блаженныя папши благочестивѣйшаго и во православіи пресвѣшло сіяющаго во Царехъ всея селенныя Христіянъ, Великаго Государя Царя, опца швоего и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Реликія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Государя премилоспиваго, въ вѣчную жизнь, шестое лѣто наста, и не услыша насъ, холопей швоихъ, вопіющихъ, вскую, Великій и милоспивый Государь, показаны намъ бо лѣани, непрешанныя смущенія еер-

децѣ, горестъ неуѣшимая, спрахомѣ
вашея Государскія опалы, умираемѣ на
всякое время, прошиву намѣ, холопомѣ
твоимѣ, судѣ бысть въ гладѣ, въ
жаждѣ, злоспраніи, во хладѣ, въ
нагошѣ, внѣ уду навѣшующая, внутрѣ
уду противодѣющая гоненія, узили-
ща, спражду, яко львы рыкающе,
Богу снабдѣвающе, или на горшая
держашу бѣдныхъ, хотя мы, холо-
пи твои, и не ради живушу, яко
нѣкто написа: не родишия лучше
есть, или рожденну вскорѣ умрети,
неже злая спраніи невиннѣ. Треть-
ею сею челобитною, хотя указу по
первой и второй не имѣю, докучати
тебѣ, Великому и благоутробному Го-
сударю, понуждаюся напросливо. Нуж-
да времени не знаешѣ, Надѣмся мы,
холопи твои, аще правды ради нашея
не будемѣ ошѣ тебя Великаго и мило-
сердаго Государя помиловани, то до-
куки нуждѣ нашихъ ради будемѣ по-
жалованы, что сотворили, чѣмѣ про-
гнѣвали тебя, Помазанника Божія Хри-
стіанскаго, православнаго Царя? Ка-
кую измѣну учинили, или учинишѣ
хотѣли? Кое недоброхотство показа-
ли,

ли; или показашь хотѣли? О вѣч-
 ный всемилоспивый Боже! Боже, вся
 видимыя и невидимыя швари еди-
 не Содѣшелю! Ты вѣси сердца со-
 дѣшельствованныхъ; Ты вѣси вся пре-
 жде бытія помышленія человѣческая,
 и исповѣсть шья Тебѣ: аще есть не-
 правда въ сердцѣ нашемъ, воздаждь
 намъ. И паки, кое благо вамъ Вели-
 кимъ Государемъ не обрѣшохъ, и коли-
 кимъ безчестіемъ безъ вины завидящу
 поносимъ есмь! Кія болѣзни мимоидо-
 ша меня, холопа швоего, въ пожарѣхъ,
 въ огни, въ рашѣхъ, въ бунтахъ, въ
 посылкахъ и въ смерти! А нынѣ
 превзыдоша ми спо крашъ: язвы не-
 изцѣльными ураняюся. Въ рашѣхъ ошъ
 вашихъ Государскихъ непріятелей и
 ошъ мечей непріятельскихъ проши-
 вился, и ваши Государскія рати за
 помощію Божіею блюдохъ, не точію
 свой полкъ, и общіе; а нынѣ мы, холопи
 швои, хлѣбомъ не можемъ накормиши
 шбло свое; кровь свою испочилъ, ко-
 сти высушилъ, а нынѣ не имѣю чѣмъ
 ублажиши. Юность моя, Великій Го-
 сударь, силу погубила, а старосшъ по-
 коя не обрѣше. Люди въ юности дѣ-

дають, чтобъ старость бѣзъ труда
была; а намъ прошивно: въ юности
сбяхомъ пшеицу, а сбдица наша по-
жинаешъ волчець. По вашей Государ-
ской милости выслужилъ себѣ въ ра-
шѣхъ и во всякихъ службахъ честь и
славу, а нынѣ не съ рашію кровавою
и не въ трудахъ, но со голодомъ бо-
ремся, срамоту воспріемлемъ и слезы
выливаемъ надъ нуждою непрестанно.
Аще бы я, холопъ швой, вѣдалъ то-
гда будущее мое зло, избралъ быхъ
со прочими умерети, нежели жити. Но
не шакія, Великій и милостивый Го-
сударь, я, холопъ швой, чаялъ на
старость свою милости. Рабошалъ оп-
цу швоему Государеву, Великому Госу-
дарю, зналъ совѣты всякіе, когда и
не причтенъ былъ къ высокому лику
вашей Государскія Палаты; не сидѣлъ
съ бояры, а шайну вашихъ Государ-
скихъ дѣлъ полковыхъ, рашныхъ, по-
сольскихъ и иныхъ всякихъ пошор-
жнинъ вѣдалъ, радѣлъ, промышлялъ,
прилѣжалъ, какъ писано въ челобитьи
моемъ, холопа швоего, первомъ, и за
то имѣлъ милость, славу и честь отъ
ошца швоего Государева Великаго Го-

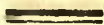
сударя. Туюжъ милость и отъ тебя, Великаго и милосердаго Государя, видѣлъ, покамѣшъ предъ лицемъ Вашего Царскаго Величества стоялъ. Равно шебѣ Великому Государю работалъ Евангелія вѣры, дондеже не обыде мя ненависть и злоба и зависнь; усматривалъ по времени дѣла, какъ, Государь, Богъ вразумлялъ, и доносилъ вамъ Великимъ Государемъ, не по выпискамъ и не льготилъ себѣ, какъ прежь сего бывало; а нынѣ не вѣмъ, всякую тяжесть носилъ на себѣ, и Господь Богъ, видя правую мою работу къ вамъ Великому Государю, а злобшвующими на мя шуне и всуе отъ того высокаго дѣла вашимъ Государскимъ указомъ учинилъ, отъ шѣхъ дѣлъ мя безъ пороку свободна, а послѣднюю свою работу я, холопъ швой, шебѣ Великому и милостивому Государю и должность рабскую извѣсно учинилъ въ швоей Великаго Государя комнашѣ, при швоихъ Великаго Государя ближнихъ Боярехъ, что уже доходитъ время съ самымъ приближеніемъ договоровъ Андрусовскихъ, и Московскому поставленію, и размѣрѣ тому жребодаянію

ужь рвется, и кто шверже того раз-
рыву конецъ удержитъ, тотъ будетъ
въ радости. И та моя работа и из-
вѣтъ холопа швоего отъ злобшвую-
щихъ учинилась неугодна, и Послани-
ка Польскаго Чихровскаго мнѣ, холо-
пу швоему, оппустишь не дали, во-
ровскаго ради письма Резидента Нѣ-
мецкаго повѣрили пьяницѣ, вору.
Тѣмъ же аще мы, холопи швои, умол-
чавше не спанемъ биши челомъ, боим-
ся, да не бы или винны, или не желаю-
чи милости ващей Государскія явихом-
ся; и шако понуждаемся биши челомъ
вамъ, Великому Государю, и всякою
кропостію умиленною душею, яко то-
му, о немъ же речеся: Бога бойтешя,
Царя чшитешя. И паки индѣ глаголетъ:
Повинуйтешя, рече, раби Господіемъ ва-
шимъ не шочію кропкимъ, но и шпроп-
шивымъ, во всемъ угождающе, яко
Богу. Не шочію, великій и милосердый
Государь, шогда Богъ благъ есть, ег-
да просимая намъ даешъ; но и паче
шогда Богъ благъ есть, егда просимая
возбраняешъ, да лучшая во свое время
даруешъ. Подобнѣ и вы, Великіе Госу-
дари, царшвующіе землею всегда блази,
аще

аще кому видится злый, когда нѣсть бо
 власть, аще не отъ Бога. Отъ Бога аще
 и видится наказаніе, но благодать естъ
 и благое, въ коемъ наказанніи мы, хо-
 лопи твои, терпимъ. Но буди вамъ
 Великому Государю тако тяжко мило-
 ваши, яко чшущъ въ испоріяхъ Рим-
 скихъ о Тимѣ Цесарѣ, емуже тако
 тяжко бысть не миловаши, яко по-
 знавши день единъ, егоже не сущу
 просяще, кому не сотвори милости,
 солнцу уже познавшу западъ свой,
 восплака и рече: Всю мою мзду, на
 нюже вся лѣша моя шрудился, еди-
 нымъ днемъ возглубилъ; не сотво-
 рихъ бо милости никомуже, воспо-
 минаю себѣ съ высоты; нѣсть бо мило-
 сти не сотворшему милости. Се, мило-
 сердый и милостивый Цесарь, зане ни-
 ктоже проси, и яко не сотвори мило-
 сти тужаще, и всю жизнь свою ни во
 что же почитая. А мы, холопи твои,
 шестое лѣпо непрестанно просимъ, а
 милости не пріемлемъ. За что прогнѣва-
 ся ваше Христіянскаго Царя сердце на
 насъ, холопей твоихъ, и отъ очесъ
 вашихъ отвержены? яко праведно му-
 дрыхъ реченіе на мнѣ, холопѣ тво-
 емъ,

емь, сбьется: старый холопъ, яко старый песъ, прочь съ двора, или подъ лавку. Единъ бысть Цесарь Римскій и Греческій, иже тако возлюбилъ судъ и правду, яко много дней ищущимъ по граду обидимаго не обрѣшаху жалобы, якоже и колоколъ повѣсисти у своихъ Августалій, или у покою опочиванія его, да како отгоняеміи не приходилъ съ жалобою биши челомъ. Единою же нѣкоему господину изгнаша коня стараго, якобы непошребна. Сей приде и зацѣпи за колоколъ, и удари. Ощути Цесарь желаемое, услыша, несошворимое милостивое и правосудное ухо посла спросиши, увидѣ звонъ колокола, и уразумѣ, даде судъ съ господиномъ. Господину глаголющу къ Цесарю: старъ есть и непошребенъ мнѣ. Цесарю отвѣчающе, и ты старъ еси убо, непошребенъ еси мнѣ, чуждъ еси имѣній; дондеже могъ еси работати мнѣ, держалъ ты, а нынѣ вонъ, вонъ! О славныя памяти и вѣчныя славы человекъ! Еда ли вамъ Великимъ Государемъ я, холопъ вашъ, не работалъ, яко весьма наслѣдиши мнѣ и

проф

проклятіе праощее : вѣ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ ? И еще я, холопъ швой дерзновенно реку : сугубо паче вздохъ праоща всѣхъ ; тому речеся : вѣ потѣ, капляхъ, а я, холопъ швой, съ червемъ моимъ вѣ кровавыхъ капляхъ нашихъ ядимъ хлѣбъ, подобенъ волцу ; и того недоволи, и съ горькими слезами, вѣры, яко вѣ книгахъ всевысочайшаго Царя Царемъ и Бога, помнишя имя шворящихъ благое. Вина мнѣ, холопу швоему, наведена о прежде бывшей васѣ Великаго Государя скорби, Вашего Царскаго Величества Дядьки, ближніе Бояре, Князь Федоръ Федоровичъ Куракинъ, да Иванъ Богдановичъ Хитрово, сказали, что будно я, холопъ швой, вѣ пріемахъ Докторскихъ остатковъ, что послѣ васѣ Великаго Государя вѣ пріемѣ оставалось вѣ рюмкѣ, не выпивалъ, и они, твои Великаго Государя Дядьки и Бояре, сказали удивительно, какъ вѣ шакомъ превысокомъ дѣлѣ, не упомянули сказаць, какъ было, и чаяць отъ того, что вѣ памящихъ нѣкое смущеніе учинилось, что шакъ сказаць упомянули. А я, холопъ

лопѣ твоей, какъ въ первомъ своемъ челобитиѣ написалъ, такъ и нынѣ пишу и бью челомъ, и въ томъ свидѣтельствуюсь Господемъ Богомъ, и вами, Великимъ Государемъ: прежде, Государь, Докторы накушивали, потомъ Дядьки и Бояре, потомъ я, холопѣ твоей, накушалъ, поднашивалъ къ тебѣ Великому Государю; а что оставалось, я, холопѣ твоей, послѣ твоего Государскаго приему вылью изъ рюмки на ладонь, и выпивалъ предъ тобою Великимъ Государемъ. А хотя бы и не выпивалъ, и за то вины наложитъ на меня, холопа твоего, не за что. Вина бы моя, холопа твоего, была, чтобы я, холопѣ твоей, не накушалъ, а твои Великаго Государя Дядьки и Бояре и того не сказали, что они накушивали, или нѣтъ. Спрашивали меня, холопа твоего, о Докторахъ, а наложили на меня, холопа твоего, вину безъ вины, и разоренъ туне. Радѣлъ я, холопѣ твоей, желалъ истинно со всякимъ усердіемъ и съ чистою совѣстію всякаго вашего Государскаго здравія, и ваши Государскія ноги омывалъ, начаснѣ много-
грѣш-

грѣшными своими слезами ко Господу Богу о вашемъ Государскомъ здравіи , и въ томъ свидѣтель ми есть Господь Богъ и Ваше Царское Величество, и не устращуся всеисстиннѣ спаша въ пришествіе всѣмъ страшнаго суда Божія, когда явлена и изъявлена будетъ истинна, и покажетъ, кто кого естъ достоинъ. По семъ нѣцымъ, подущеніемъ отъ любящихъ лихохотнѣ оболгати ближнихъ своихъ, вмѣняющъ намъ, холопомъ швоимъ, его же никогда же отъ насъ чаеся, свидѣтель намъ естъ Сѣдѣй на Херувимѣхъ и Видѣй бездны, отъ Него же и шма не помрачися. Глаголютъ воры и глумцы, ошца злобы и пагубы отъ царства подаемыхъ, рекше: духи въ палашишкѣ моей быши, члю ниже кто въ правду ума чуждѣ, и явственѣ неисповѣ глаголати можешъ. Но ничтоже, милосердый и Великій Государь, чудно, аще прелюбодѣйствуешся за ненависть отъ враговъ моихъ на насъ, и оною плєю раслѣваешся, сегожъ и раззореніе пріятъ, и въ прежнихъ бывшихъ родѣхъ та же злоба и ненависть и зависть дѣйство

ство свое чрезъ лукавыхъ и небоящихся Бога шворила, какъ блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ, всея Россіи Самодержцѣ, надъ Болриномъ надъ Крюкомъ Колычевымъ учинено ошъ вора Тушинскаго. Написали на Москвѣ грамоту, и подали ему грамоткою, и въ то время повзвали его къ Государю. Онъ, услыша ошъ званыхъ, поиде съ поспѣшеніемъ; а шѣ писавшіи и коваршвующіи съшою грамоткою привели его къ Государю, и извѣстили: вотъ швой измѣнникъ! Онъ же, о сихъ ничшо же вѣдая, и поспрада неразсмотреніемъ безъ вины до смерти. На шѣхъ же, Великій Государь, исполняешся коварныхъ Божіе слово: Иже рѣсте во шмѣ, на кровѣ проповѣсся. Чаяли, что шо будетъ ушаенно и не знаемо, не шокмо, Великій и милосшивый Государь, шѣ зависшницы и убійцы явно въ шо время показались, но и нынѣ правнучаша шѣхъ и иныхъ родовъ зряшъ, кто шакое злохипршво учинилъ, и память ихъ впредь поминашся **будешъ слово ошъ слова, и**

во иныхъ раждаетъ память и шворить до скончанія вѣка благую и злую. А при дѣдѣ швоемъ Государевѣ, блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, всея Россіи Самодержцѣ, Государѣ милосливомѣ, такожде ненависти ради подкинули письмо воровское, въ то время еще будучи въ Стольникахъ, на Боярина Илью Даниловича Милославскаго, будто онъ имѣетъ у себя перстень волшебной Думнаго Дьяка Ивана Грамошина, и по тому воровскому письму немного не пришелъ въ конечное раззореніе: былъ за приславомъ многое время, живошны пересмашриваны и запечашаны были, и ничего не найдено, и шѣмъ отъ шѣхъ подметныхъ писемъ и милостію и заступленіемъ богобоязливыхъ людей, и за свою невинность свобожденъ, и не такъ надъ нимъ учинено, какъ надо мною, холопомъ швоимъ; и у меня живошны пересмашриваны, и такожде ничего злаго не найдено, а честь наша и дворы, и живошны, и помѣшья, и опчины взяшны безъ вины. А при опцѣ шво-

емъ Государевъ, блаженныя и присно-
поминаемая памяти Великому Государю
Царю и Великому Князю Алексію
Михайловичю, всея Великія и Малыя
и Бѣлыя Россіи Самодержцу, Государю
милостивому, такожде зависію и
ненависію на оплученія извѣтъ былъ
составной же и наученой о волшеб-
ствѣ на Боярина Семена Лукьяновича
Стрѣшнева, и за шотъ извѣтъ стра-
далъ невиннѣ, честь была опята,
и сосланъ былъ на Вологду, а живо-
ты, и помѣстья, и опчины, и дво-
ры не опята. Да и на многихъ,
Великій Государь, такихъ воровскихъ
писемъ было; а на иныхъ и въ смерт-
номъ спраху были, только они не
вспоминали того, и своею невинно-
стію намъ невиннымъ помощи не учи-
нили, какъ имъ помощь чинена. А я,
холодъ твой, опъ ненавидящихъ
и завидящихъ при отцѣ же своемъ
Государевъ Великому Государю не мно-
го не пострадалъ: такожде воры, со-
ставя письмо воровское подмешное,
кинули въ грановитыхъ сѣняхъ и въ
проходныхъ, и хотѣли учинить Бо-
жіей волѣ и отца твоего Государева
Ве-

Великаго Государя намѢренію, и къ
 супружеству второму браку препону,
 а написали въ письмѢ коренья. А
 всесильный Богъ елико восхошѢль вы-
 ше еспешва и разумѢнія неразумной
 и смертной пвари сошворилѢ, и вся-
 кую злую мысль человѢческую далече
 отъ судебъ своихъ отпринулѢ. Еще,
 Великій Государь, въ то время зави-
 дящій мнѢ, холопу швоему, всячески
 умышляли, чѢмѢ бы оплучить отъ
 вашей Государскія милости. Съ того
 же образца и совѢсту лукавыхъ и НѢм-
 чинѢ Датской письмо съ дороги отъ-
 ѢхавѢ прислалѢ воровское съ надеждою;
 а довелось было, премилостивый Ве-
 ликій Государь, вора пьяницу съ до-
 роги возвратить и дать намѢ очная
 ставка. Мы же, холопи твои, во всѢхъ
 своихъ работахъ и въ вѢрной своей
 службѢ, и во всякомѢ доброхотствѢ,
 уповаемѢ на щедроты всевысочайшаго
 Бога, по семѢ на ваше Государское
 разсмотрѣніе; очищались, и очищаем-
 ся, и очищати себя въ невинности сво-
 ей и впредь будемѢ. Услыши, пре-
 милостивый Государь, что глаголетѢ
 Господь ко Іереміи Пророку: Прежде,

неже создахъ ся, во чревѣ познахъ
 ся, и прежде, неже изыши ти отъ
 мамери, освясихъ ся, Пророка во язы-
 ки дахъ ся. Сей блаженный Пророкъ
 глаголетъ: Въ дебелое сіе плоче обле-
 ченнымъ, занеже якоже не мощно
 превзыши свою сѣнь, и зѣло спѣша-
 щуся или зримымъ приближашися вра-
 ку безъ сущаго въ средѣ свѣта и воз-
 духа, или водѣ въ плавательному есте-
 ству проползашися: тако не мощно
 сущимъ въ шѣлѣ безшѣлесныхъ видѣ-
 ти. Ездра же премудрый и по Про-
 роческомъ безчисленномъ спраданіи лю-
 томъ, и по нашествіи брани, и избіе-
 ніи всѣхъ, и по сженіи книгъ, въ се-
 го паки мужа чуднаго вдохну, яко
 еже изложишися, и останковъ сложи-
 ти сошвори. Сей пишеть въ кни-
 гѣ своей 3, глава 6, и глаголетъ:
 И бысть тогда духъ, и тьма
 окрестъ ношашеся, молчаніе, шумъ
 гласа чловѣча, не бѣ сошворенъ отъ
 тебе: тогда глаголабъ еси отъ со-
 кровищъ твоихъ воздаши свѣтѣ свѣт-
 лый, иже освѣти дѣла своя. И па-
 ки свяшый Аѳанасій Александрійскій
 въ словѣ 40 на святое крещеніе гла-

голетъ : Впорый свѣтъ Ангелъ перваго свѣта ошнокъ нѣкій, или причастіе къ помужде маніемъ, и служеніемъ просвѣщеніе имуще, и проповѣдаючи образъ невидимаго Бога; претій свѣтъ человѣкъ, иже внѣшнимъ явленъ естъ. Виждь, благочестивый Великій Государь, духи чистыи и нечистыи, невидимыи; а о человѣкѣ глаголетъ, иже и всѣмъ явленъ. Обрѣшаю же и Маноя древняго онаго судію глаголюща: Погибохомъ, о жено! Бога видѣхомъ, понеже лучше зрѣніе ощути, нежели по его естеству и силѣ. А сіе, Великій Государь, образъ сходятельный, а не по естеству духъ чистъ; онъ же и Ангелъ именовася, и отъ сходятельнаго образа страха ради глаголетъ: Бога видѣхомъ, и пакы да видятъ ненавидящій мя и слышатъ. Езекій Царь во святилище пришедъ и ризу растерза, слезъ же проливъ источникъ и руки на небо воспростеръ, и рече: Видѣлъ ли еси, Господи! да не премолчиши, и не согласи убо прошеніе; но и ощути дѣломъ свое неистовство богоборецъ, и ошуде бездѣленъ съ прещеніи отъ

нѣкія невидимыя силы, нападшія вне-
 вапужѣ; а уби пристра восемьдесятъ
 пять тысячъ Ассиріянѣ. Виждь, благо-
 чеспивый Великій Государь, что не-
 видиміи духи служеніе и посланіе аг-
 гелы люшыми, на казнь аще и опа-
 доша предложеніемъ, но подѣ игомъ
 лежатъ работѣ. Понеже Ангелъ свящѣ
 послужили искушенію не повелѣваемъ
 естъ, сего ради бѣсове на сіе повелѣ-
 ваеми суть. Учитель великій свя-
 тый Василій, царствоваше и надѣ
 страхами шѣла, имѣя столпъ огнен-
 ный до небеси, въ бесѣдѣ 8, въ ше-
 стодневной книгѣ своей глаголетъ:
 Бѣ нѣкое старшее міра бытіе, поста-
 вленіе премирнымъ силамъ лѣпствую-
 щее непремѣнное, вѣчное, присносущ-
 ное; дѣлажѣ въ томъ всяческихъ зна-
 шель и содѣшель соверши свѣтѣ ум-
 ный, лѣпотствующій блаженству лю-
 бящихъ Господа словесная, и невиди-
 мая естества и всеумнымъ украшеніе,
 елика нашѣ разумѣ превосходящѣ, ни-
 же именованія изобрѣсти можно. Виждь,
 благочеспивый Христіанскій православ-
 ный Великій и милоспивый Государь,
 высокій учитель глаголетъ: Невиди-
мый

мыи естество ниже именованія изобрѣспи можно, и превосходитъ такому высокому учителю разумъ. Такимъ ли смердюхомъ, вору одноокому доводчику неистинному Давыдкѣ, и сиротѣ моему глупому карлѣ, пьяному и увѣчному, видѣши духи нечистые, аще и пали, а по естеству своему благи? Глаголетъ святыи Аѳанасій Александрійскій въ книгѣ Скрижали, въ вопросѣхъ ко Антіоху начальнику: вопросъ Антіоховъ: чимъ премѣнися существо демонское отъ существа Ангельскаго? Отвѣтъ Аѳанасіевъ: существо не премѣнися, но произволеніе, якоже мысль праведнаго и грѣшнаго. Въ той же, Великій Государь, книгѣ написано о существѣ Ангельскомъ: существо Ангельское ниже зрится человѣчeskима очима, ниже руками объемлется. Злашоустый же глаголетъ: естество бо благо, предложеніе зло; сего ради человѣкомъ видѣши не возможно. Учитель святыи великій Григорій Богословъ, бодрое и неспящее око, но выну въ свѣтѣ небесный премудрости зряще, глаголетъ въ словѣ 18, похваляя мученика Ки-

пріяна, а прочихъ и нынѣ поучаетъ, чтобъ мужественно спояли прошиву кознемъ дїавольскимъ, реку нѣчто и нашихъ Іереевъ, шайноводишельство люди ни благо покоренія, иже въ плачи утѣшеніе, въ благоденствїи страхъ, богатни подательство, убозіи благодареніе. Все на лукаваго и горькаго гонителя оподченія да не являясь мещетъ, да не стрѣляетъ крыяся, да не яко тьмы ратуетъ, да не яко Ангелъ свѣта играетъ и крадетъ въ пагубы и пропасти. Виждь, милосердый Великій Государь, что человекѣмъ духовъ нечистыхъ видѣши не возможно, какъ Пророкъ, такоде и Богословы глаголютъ: да не являясь мещетъ. Какъ сиротинѣ и вору одноокому видѣшь духа нечиста, какъ не являясь мещетъ. Богословъ глаголетъ: да не стрѣляетъ крыяся; какъ одноокому вору, а остронаученному зрѣшь, и сиротинѣ пьяному видѣши духа нечиста, какъ стрѣляетъ крыяся? Богословъ глаголетъ: да не яко тьма ратуетъ. Какъ вору и сиротинѣ тьма ратуетъ, духа нечиста видѣши? тьма нищо ино, только лишеніе свѣта.

Во

Во святомъ, Великій благоутробный Государь, Евангеліи полковомъ отъ Машея слово 69, въ недѣлю по крещеніи, толкованіе небеснаго ума злато-глаголиваго Іоанна глаголетъ Господь: Аще кто не родится отъ воды и духа, не можетъ внити въ царство Божіе. Вопросъ: почто же отъ воды и духа, а не токмо единъ духъ доволенъ бысть на совершеніе крещеній? Отвѣтъ: сложенъ есть человекъ отъ души и тѣла составленіемъ, а не простъ; сего ради сугубая, супружная, и сродная, и присная врачеванія на исцѣленіе пріятъ тѣлу; убо видимая вода естествовенная, душѣ же невидимой духъ невидимый. Что, Великій благоутробный Государь, сего ясиѣ: вода плоти видимой, душѣ невидимой духъ невидимый? Не возможно, Великій благосердый Государь, Духа Бога видѣти; не возможно, Великій и милосердый Государь, духа чиста видѣти; не возможно, Великій милосливый Государь, души видѣти; не возможоужь, Великій премилосливый Государь, духа нечиста видѣти. Богъ невидимый, якоже глаголетъ свяшый

Павелъ Апостолъ къ Тимоеею зачало
 280, Царю же вѣкомъ неплѣнному, не-
 видимому, единому премудру Богу; и Ан-
 гелъ невидимый. О немъ же рече святой
 Іоаннъ Дамаскинъ вѣ книгѣ второй, гла-
 ва 3: ею же существа видѣ, и предѣлъ
 единъ Зиждитель вѣсть. И аггелъ пад-
 шій, онъ же и духъ нечиспый, и дїаволъ
 невидимый. О немъ же Дамаскинъ той
 же глаголетъ: не естествомъ лукавъ
 бывъ, но благъ сый, и во блазѣ бывъ,
 и никакожъ вѣ себѣ самомъ опъ со-
 дѣшеля злобы, и не лѣшь самовласпї-
 емъ, волею шьма быспъ, и душа че-
 ловѣческая невидима. Той же Дама-
 скинъ святой глаголетъ, и указуетъ
 глава 14, о человекѣ на Григорїа Бого-
 слова, еже онъ глаголетъ: изъ не-
 видимагожъ и видимаго естества со-
 дѣйствуетъ невидимая душа, плоть
 же видимая. Что сего, благочести-
 вый Великій Государь, истиннѣе и яс-
 нѣе? Гдѣ вина моя, холопа швоего?
 Нѣшъ ее. Гдѣ правда вора и сироти-
 ны моего? Во святомъ писанїи нѣшъ
 правды, шолько воровской составъ, лу-
 кавство, ненавистъ. Паки Златоустъ
 глаголетъ къ Колассеомъ, бесѣда 3, о
 ро-

рожденіи Сына Божія прежде вѣкъ, еще непремѣнное невидимаго не являетъ образъ, что возбраняетъ и Ангеломъ образъ быти? ибо и шіи суть невидими. Но не себѣ и душа естъ невидимая, понеже невидимая просто. Сего ради образъ, еще и не шокмо якоже шой и перворожденъ всяя швари, къ Римляномъ нравоученіе іо: Еще бо змія видѣли бы есьмы вгнѣждающагося при одрѣ нашемъ, много бо сотворили есьмы шщанія убити шого: діаволужь вгнѣждаему въ душахъ нашихъ, ничшоужь мнимъ спрадаши люте, но лѣнимся. Виновноеужь, понеже очима шѣлесныма шого не видимъ, и убо сего ради подобаше паче бдѣши и презвитися; чувственнаго бо супосшата ухранитъся нѣкто удобно, невидимаго же, еще не будемъ выну вооружени, не возможно. И паки въ Маргаритѣ въ словѣ 3 о святомъ крещеніи Господни, когда при Іорданѣ Крестителъ и Предшеча Іоаннъ, земный Ангелъ, небесный человѣкъ, ему же пища пружи, глаголетъ ко Христу Богу: Азъ шребую ошъ тебе креститися, шы ли грядеши ко мнѣ? Христосъ

спосѣ же рече къ нему: Остави нынѣ, не видиши ты, еже азъ вижу: не вѣси ли, кто здѣсь стоить, врагъ діаволъ? Молчи, молчи, да не ошупишь сей, побориши того придохъ: сего ради не придохъ Божествомъ нагимъ, обложился вашею плотію, да, не видѣвъ мя нага, опбѣжитъ. Виждь, благочестивый Государь, что не возможно видѣти. Креститель Господень, вемный Ангелъ, не видѣ ни единого духа нечиста; а сиропинѣ моему видѣти многихъ! Не сиропины моего и вора кривога Давыдка разумъ и смышленіе, но самага того вышеписаннаго діавола чрезъ челоуѣки злые, опъ негожъ діавола наученныхъ, всегда діаволъ къ пущи своему пагубному челоуѣкъ приобрѣшаетъ служащихъ и ему подобныхъ. И паки на первую и вторую и сію мою прешію челоубишняя совершениѣе свидѣтельство мнѣ, холопу твоему, на оправданіе и на очищеніе, а врагомъ моимъ и ихъ сославному глупству на обличеніе. Въ Символѣ, еже есть во исповѣданіи вѣры благочестивыя наша Христіянскія, юже благочестивыя Христіянскія Цари

и святѣйшіе Папы и Патріархи, и шѣ освященные соборы седмь, въ нихъ же бѣ высокіе Философы и Чудотворцы, согласенъ гласъ испустившіе, исповѣдаша свое благочестіе, и сіяешѣ исповѣданіе, ни единъ, ни два, ни три, но вси седмь соборовъ отъ востока и запада, полунощія и полудня, ушвердили, яко не токмо разума, или реченія, но и литера возбранена премѣнншѣ, и въ шомъ Символѣ написали: Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, видимымъ человѣкомъ, невидимымъ духовомъ благимъ и злымъ. И сіе, Великій Государь, спвержаетъ Іоаннъ Дамаскинъ, книга 1, глава 1: Богъ сый благъ и всякаго блага податель есть, еже полезно намъ познаши и видѣши, отккры; а еже не можемъ сносиши и видѣши, закры премолча. Вси, Великій Государь, блаженніи Богословцы, яко трубы златокованныя гласъ давша языка своего, яко трубою шумяще, возвѣщаютъ намъ брань и ополченіе прошиву силъ невидимыхъ. Которые жизнь свою имѣли всю надѣ чтеніемъ Божественныхъ

ныхъ книгъ, и тѣ написали, что духа числа и духа нечисла видѣши не возможно. А буде кто вашего Царскаго Величества въ палатѣ изъ недруговъ моихъ въ приговорѣ, являя себя въ разумѣ осярошою и высоко зная отъ чишанія, и полагая на себя мудрость, и мудрость, Великій и благосердый Государь, всѣмъ настоятельствуешъ, и вся себѣ благая, истинная и правая, и благоразсудная сообщемши имашъ, первое учишъ умудрится, и шако умудряши и совѣшоваши наславляешъ съ разумомъ; а сія его мудрость и приговоръ злобы ради, а не истинны, и для угожденія инымъ злобспвующимъ на мя шуне, и скорости ради не осмошрѣвса, изъ не искусства Божественнаго писанія, яко же зрящи не зрѣши, и слышаще не слышати. Достоитъ, Великій Государь, слухъ глаголемыхъ пріугошовавшу душу, и очиститъ право къ слышанію, и очистившуся спрасстей, не помраченною радостію, суешными и страхи житейскими, но испышашельную и отвсюду обаирашельную, и пріятъ достоинъ разумъ правды Божія,

и

и прежде приговору испязати въ доводѣ, въ дѣлѣ, а паче въ Божественномъ писаніи опасно испязати за разума, немочное, да не когда останется искра мала, и постыдитъ; но достоитъ разсмотрѣши истинные глаголы, да возмѣришь ему Хришоу въ день воздаянія; приговаривалъ за ненависть мою безъ вины вину, и свидѣтельствовалъ истиненъ доводъ вора и сиротины, что они духи нечистые видѣли. И по сему приговору еще покажетъ въ Божественномъ писаніи, кто ошъ святыхъ гдѣ видѣлъ духа чиста и духа нечиста, кромѣ сходительнаго образа и мечтанія, и слогу, и будетъ и покажетъ онъ образъ закрытымъ вещемъ, и сочтенію иже не пріидетъ, и соберетъ раскрапленная капля, и покажетъ гласу образъ, можетъ вѣренъ быти извѣшь, что духи нечистые видѣши, и приговоръ можетъ спати. Обаче сему всему вышеписанному, Великій благочестивый Христіанскій Государь, по Божественному писанію спашись не возможно, и сему извѣшу и приговору всевысочайшій Богъ судъ воздастъ

и Ваше Царское Величество. Пишетъ
нѣкто учитель церковный: еже бо не
вѣроваши лежащему въ книгахъ Божи-
ихъ, и по вносиши отъ своего смыс-
лу, мню многъ гнѣвъ Божій нанесетъ
смѣющимъ по шворити. Аще ли, Ве-
ликій Государь, и сіе все вышеписан-
ное не вѣрно мнился дашелю ранамъ
смертныхъ, кто приговаривалъ, что
я достоинъ смерти, и доводъ сироти-
ны моего и вора Давыдка, безъ
всякаго свидѣтельства Божественнаго
писанія вѣренъ; подобно есть шѣмъ,
кто въ полудни, въ самое очищеніе
аера, искалъ солнца видѣти, а о свѣ-
тѣ не вѣровалъ, якобы свѣтъ есть:
И паки, двѣма человекомъ просящимся,
единъ обѣщался мѣрити воздухъ отъ
земли на небо пришызающихъ, ужа
простеръ; другій же посмѣялся, и ни-
же слышати о томъ рекъ бы. Ко-
ему, благочестивый Великій Государь,
достоинъ повѣрити, иже ли искалъ
свѣта извѣдати измѣрити глаголю-
щему, или невѣдущему явѣ, яко гла-
голющему не вѣдать обѣщавшаго вѣ-
дати мудрѣйшій есть? И паки, аще
кто обѣщавъ бы глаголати, коликая по-

почерпала имать море, ниже не вѣдаши, не паки ли невѣдѣнія вѣдомоспѣсть есть мудрѣйшее, и зѣло тако и о невидимыхъ вещехъ и отъ Бога закрытыхъ кому достоитъ вѣ видѣніи и не вѣ видѣніи вѣриши, писанію ли Божественному, или кто приговаривалъ и извѣщчиковъ доводъ ставилъ вѣ правду и испинну, кромѣ Божественнаго писанія и вашихъ Великихъ Государей законовъ, и учинилъ насъ правыхъ и невинныхъ, кромѣ нашихъ винъ и неправдъ, виновными и неправыми, не воспоминаая премудраго Пророка Исаію глаголюща: Лютѣ глаголющимъ сладкое горько и горькое сладко, и полагающимъ свѣтъ во тьму и тьму во свѣтъ, преткнулся приговоромъ всяко отъ святаго писанія, несмотреніемъ, или неискушеніемъ, показати не возможешъ; да воздастъ ему Вышній во дни воздаянія. И еще бы Вашему Царскому Величеству ко оправданію невинности нашея ясно отъ Божественнаго писанія извѣстилъ, что того никогда не бывало, чшобъ кто духи чисты и духи нечисты видѣти могъ, и о семъ чрезъ сію шрешію

челобитную умолчалъ, да не прогнѣваю отъ слушанія Вашего Царскаго Величества слухъ, за что, Великій Государь, безъ суда и безъ очной спавки безъ свидѣтельства раззорены, и въ послѣднюю нищету повержены, и умираемъ со всякихъ нуждъ шуне. А безъ свидѣтелей, Великій Государь, и не въ такомъ невинномъ дѣлѣ приговоры бывающъ отъ законовъ, какъ Богъ узаконилъ. И еще Вашему Царскому Величеству извѣщу: нѣкоему въ Божіи винѣ бывшу и страшно и неотпущенно согрѣшившу, въ исхожденіи изъ Египта, когда сынъ жены Израильянины имя Господне не благослови, имя же матери его Соломія дщи Давріина, отъ племени Данова; и рече Господь къ Моисею глаголя: Изведи клявшаго внѣ полчища, и да возложатъ вси слышавшіи руцѣ свои на главу его, и да побіютъ каменіемъ весь сонмъ. Виждь, благосердый Государь, Божій судъ въ его имени съ свидѣтели той вышеписанный проклятый умираетъ съ возложеніемъ рукъ, а не безъ свидѣтелей. А когда и не сущу закону письменному, и въ

по

то время имѣли естественной законѣ, а безъ свидѣтелей дѣла въ совершение не приводили, какъ о семъ свидѣтельствуетъ блаженный Аврамій. Седьмъ юнецъ поставилъ на послушество, и рече, яко мой естъ кладязь, и Иаковъ же и Лаванъ холмъ послушествова, нарече законѣ же Моисею перстомъ Божиимъ писанъ. И повелѣ Богъ обрати люди и засвидѣтельствуютъ законѣ небомъ и землею, яко и пѣснь начашъ: вонми небо и возглаголю, и да слышитъ земле глаголы устъ моихъ; завѣщъ же на послушество, не яко душевный суще, но яко больша иныхъ тварей, на страхъ слышащимъ. Божіежъ, Великій Государь, слово въ законѣ и въ благодаши писано: всякъ глаголѣ спашетъ при двою, или пріехъ свидѣтелей. Златоустый же глаголетъ о Божіи судѣ: понеже множицею судъ пвора, и своимъ рабомъ дастъ имъ равноглаголанія власть. А я, холопъ пвой, за что безъ суда, очныя ставки, безъ свидѣтелей раззоренъ, ненавистію безъ вины спранно, и умираемъ пуне и всеу, и за что равноглаголанія мнѣ, холопу твоему, не дано? Не

шочію равноглаголанія, ни мѣста спаша кѣ суду, и не позванъ Вашего Царскаго Величешва указомъ ; рабы и раба мои ваяпы кѣ суду, а я ошверженъ силою ненавидящихъ и шуне поношающихъ мя. И нынѣ у тебя, Великаго Государя, просимъ съ горько-слезнымъ кровавымъ челобитьемъ, что бы, Великій Государь, изволилъ великому Господину Свяшѣйшему Іоакиму, Патриарху Московскому и всея Россіи, и всему освященному Собору, вины ради церковныя, а Вашего Царскаго Величешва Бояромъ и Окольничимъ и всѣмъ чинамъ вашей Государскія палаты, законовъ ради вашихъ Царскихъ, милосшивымъ и опасно прилѣжнымъ разсмотреніемъ поволишь, въ словеса святая всѣхъ Владыки Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего, приникнути, и такую явную Божественнаго проповѣданія и совершенную свѣтлость Свѣта правды, самовидецъ Его Пророковъ и Апостоловъ, и потомъ учителей церковныхъ, небеснымъ Его упившихся ученіемъ, купно и равно согласующихъ, приэрѣши и выписати, и своимъ Царскаго Вели-

чества Боярамъ и Окольникимъ, и всѣмъ чинамъ ваша Государскія палаты, такожде отъ святаго писанія и вашихъ Царскихъ законовъ и уложенія, и изъ доводу составнаго, изъ челобитиенъ моихъ, холопа твоего, выписашъ и донеси до васъ, Великаго Государя. А доводъ воровской, и лютое ихъ и воровское безуміе, и прошивное писанію, и правящаго ихъ ложь въ правду, а истинну въ неправду, Божіимъ писаніемъ и вашими Царскими законы, и вашимъ Великаго и милосливаго Государя повелѣніемъ опринуши, и вѣры нашея истинныя во Христа Бога цѣлостъ отъ всякія тѣмы вышеписанными законы и свидѣтельствы очистишь, и разореніе наше и безчестіе невинное и спранное возвратишь вашею Великаго Государя премилосердою милостию. А что отъ писаній законныхъ чуждо и спранно, и мы, холопи твои, воровскаго ихъ безумія и впредь святаго писанія достоинствомъ, а не лукавствомъ, Вашему Царскому Величеству ложь и составъ воровской обличати нуждѣ ради нашихъ великихъ,

кихъ, непрестанныхъ и нестерпимыхъ кровопроливающихъ слезъ, понуждены будемъ Узрять, благочеспивый Великій Государь, вси челоѡцы. Но общее воскресеніе духовъ чистыхъ и нечистыхъ, по ихъ естеству, какъ они отъ Бога сотворены, и на сіе небесное свидѣтельство сшедый съ небесъ Богъ и бысть челоѡкъ, той рече: Егда прійдетъ Сынъ челоѡческій во славу Отца своего со Ангелы своими святыми. Апостоль глаголетъ, къ Филип. зачало 240: Всяко колѣно поклонится небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ, сирѣчь весь міръ, Ангели и челоѡцы, праведніи и грѣшніи, и бѣси, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца; сирѣчь, да сіе вси рекутъ: се же есть слава Отца. Въ словъ же, Великій и милоспивый Государь, святаго Антіоха учишь шцашиися повелѣваетъ, и достигнуши вышній градъ, верховный Іерусалимъ, въ немъ же свѣтъ немерцаемый сіяетъ, неусыпающее око вѣчныхъ благъ Дашель: тогда узрять все естество духовъ чистыхъ, Ангельское и Архангель-

гельское, елико рачители вышняго Иерусалима будущъ. Абіе ссаши имущъ отъ сосцу утѣшеній его. Виждь, святой, благочестивый и милосливый Христіанскій Государь, что не возможно отъ живыхъ сущу видѣши духа чиста и нечиста, а по общемъ воскресеніи вси человѣцы узрятъ. А я, холопъ твой, на оправданіе правое и истинное православное утѣвержденіе къ тебѣ, Великому Государю, приношу; а сія вся раззоренія случися намъ, холопомъ твоимъ, что мы не предспавлены суду и приговоромъ, ему же Господь Богъ воздасъ; возненавидѣнные бо безъ правды воздвигнешъ Господь, возлюбленные же всеу уничижишъ. А мы, убогіе, нищіе и до конца раззоренные спрашно, невинно, холопи твои, всякое время оплакиваемъ съ пролипіемъ слезъ, и ждемъ въ невинности и въ правдѣ и въ работахъ своихъ кровавыхъ помощи отъ вышняго Царя, и отъ тебя, Помазанника Его, Великаго Государя, якоже глаголетъ премудрость: Цареву сердце въ руцѣ Божіи, и якоже превѣса мѣрила, тако правда у Бога,

дѣла его пріятны Царемъ устны праведныхъ, и похвала Царю, егда на престолѣ сядетъ невинныхъ послушани, и яко винныхъ миловани желаетъ. А Ваше Царское Величество, благочестивый, православный, Христіанскій на вселеннѣи единъ Царь, и твердо разумѣю праведна были, и Богу шя подобна Великаго Государя были милостию по глаголу учителя свяшаго Григорія Богослова, еже учить: Горняя убо единаго Бога, дольняяжъ ваша; Бози будете сущимъ подъ вами. И паки онъ же глаголетъ: да реку что дерзосниѣ, сердце Царево въ руцѣ Божіи, и речеся, и вѣруется здѣ держава вамъ паче же сего по глаголу Божію, еже рече во святомъ Евангеліи: милосливый бо человекъ милосливому уподобися Богу. Сія ли, Великій Государь, вина моя, что въ разспросныхъ рѣчахъ сироты моего и рабы моей писана, а миѣ наложена безъ вины моей? Сказали онъ въ разспросѣ своемъ, въ присылку Полуголовы Алексѣя Лужина: онъ обыскивалъ на дворішкѣ сироты моего Ивашка Еврея; я, холодѣ швой, книгѣ и писемъ осмаш-

ри-

ривалъ и обыскивалъ въ ларчикъ, которой былъ подъ головами, въ то время того осмотра споялъ подъ головами у постели Ивашковы жены его; была въ томъ ларчикъ книга, и шу книгу та Ивашкова жена по приказу мужа своего въ Даишевъ сожгла. Естьли бы та книга была недобрая, для чего было шу книгу подъ мостомъ хоронишь и жечь? А я, холопъ швой, шу книгу подъ головы у постели рабъ своей Ивашковой женѣ хоронитъ не веливалъ, и жечь шужъ книгу Ивашковой же женѣ не приказывалъ. Рабъ мой и раба моя того на меня не сказывали, что я имъ велѣлъ сжечь; а шуль книгу она сожгла, или иную, они то вѣдали, и запечатавъ то слово мукою, и кровію, и смертію своею. А вина мнѣ, холопу швоему, сказана за что? Гдѣ вина моя, холопа швоего, явилась? Повели, Великій и милоспивый Государь, разсмотрѣти милоспиво. Пророкъ Іезекіиль глаголетъ: Да не будешъ къ тому припча сія глаголатися, яко отцы ядоша квасное, чадомъ же зубы ошерпоша; нѣсть бо сіе праведно предъ Богомъ инымъ со-

грѣшати, а инымъ мучитися; но аще кто согрѣшитъ, той мучитися и умираетъ, и чада за отеческіе грѣхи не страждутъ, не почию господіе за рабы; всякъ долженъ о себѣ оповѣсть дажи, во благое, или злое. Явидося нѣкогда, благочестивый Ведикий Государь, въ лѣто благочестиваго царствованія отца своего Государева, Великаго Государя, быши нѣкому доводу на нѣкоего, что онъ у святыхъ иконъ оклады для пространства дому своего обдиралъ. Не пострадали родители его, и не спрашиваны, для чего сродникъ вашъ такъ учинилъ; а мнѣ, холопу своему, за что вина наложена? Рабъ мой велѣлъ, а раба моя своровала; мужъ велѣлъ, жена сожгла; а я, холопъ твой, за что виненъ? Мнѣ же, холопу своему, наложена вина, что той книги безъ указу своего, Великаго Государя, и безъ розыску жечь не довелось. Помня страхъ Божій, и твой, Великаго Государя, извѣститъ было о той книгѣ тебѣ Великому Государю; а я, холопъ твой, слыша въ твоей Великаго Государя грамотѣ, не могу познати, какъ та вина наложена

на

на меня, холопа твоего невиннаго. Въ твоей, Великаго Государя, грамотѣ писано: Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ разпросѣ сказалъ во 184 году въ Ноябрь, а указалъ назадъ два года тому, и по Великій Государь будетъ за 184 и 183 и 182 и по Ноябрь два года: далъ ему книжку, величиною съ часовникъ, человекъ мой Игнашка Лукьяновъ, а не я, холопъ твой; и человекъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ и не отдавъ, и человекъ мой Игнашка Лукьяновъ Алхимисту жъ книжку отдавать не приказывалъ. А что въ твоемъ, Великаго Государя, указѣ написано, извѣстить было тебѣ Великому Государю о той книгѣ, и мнѣ, холопу твоему, извѣщати тебѣ, Великому Государю, во 182 году въ Ноябрь было невозможно. Въ то время еще здравствовалъ и царствовалъ отецъ твой Государевъ, Великій Государь; а и отцу твоему Государеву, Великому Госурарю, извѣщати было мнѣ, холопу твоему, нечего; извѣщу мнѣ, холопу твоему, отъ Алхимиста Ивана Ефимьева и человека моего Игнашка Лукьянова не бывало: тебѣ

моя,

моя, холопа твоего, была вина, чтобъ Алхимиспѣ и челобѣкъ мой Игнашка мнѣ сказали, что челобѣкъ мой Ивашка Еврей взялъ и не опдалъ, а ябѣ, холопѣ твоему, томѣ ихъ извѣстѣ покинулъ просто и не розыскалъ, и не извѣстилъ отцу твоему Государеву, Великому Государю. Рабѣ мой велѣлъ, а раба моя своровала; сожгла жена его, ея же мнѣ, холопу твоему, и вина наведена, и шую виною раззоренъ; и въ сказкѣ сказано, что мнѣ шоя книги безъ твоего Великаго Государя указу жечь не довелось. Раба винна сожгла, она же и пожалована, и изъ ссылки взята; а мы, холопи твои, безъ вины раззорены и не пожалованы и не взяты, и живошѣ свой мучимъ со всякихъ нуждъ твое, не имѣя вины, и въ помышленіи своемъ осужденъ неправдою, и раззоренъ твое; а страхъ Божій имѣя, и имѣю, и имѣши буду до послѣдняго моего издыханія; такожде и отъ Великаго Государя долженъ шой же страхъ имѣши, яко глаголетъ премудрый Соломонъ: Бойся Бога и Царя, и ни единомужѣ ихъ прошивися. Слава Божія
жры-

крыши слово, славажѣ Царева чпипи повелѣнїя его и очищати себе закономъ правды. Тѣбѣ, Великій и милостивый Государь, имѣли спрахѣ Божїй и вашѣ, Великаго Государя, которые враждуюшѣ, а вражду творяшѣ и ноносяшѣ, и на которыхѣ сѣ пролишїемѣ слезѣ вопїюшѣ къ Богу; и то мояжѣ, холопа швоего, вина, что я далѣ сказку Полуголовѣ Алексѣю Лужину, что у меня, холопа швоего, человекѣ мой Ивашка Еврей книги не крадывалѣ, а что онѣ, убояся спраху мукѣ, сказалѣ первое: что укралѣ у меня, и то слово его не право, и опшїнилось его же словомѣ; онѣ же сказалѣ, у Алхимиста взялѣ, а не у меня, холопа швоего, укралѣ, и Алхимистѣ Иванѣ Ефимьевѣ свидѣтельствовалѣ, что человекѣ мой Ивашка Еврей взялѣ у него, а не у меня укралѣ. Второе, на шѣ же рѣчи человекѣ мой Игнашка Лукьяновѣ сказалѣ, что человекѣ мой Ивашка у Алхимиста взялѣ, а не у меня, холопа швоего, укралѣ. Третье, всѣ рѣчи Алхимистовы и человекѣ моего Ивашка онѣ запечаташѣ кровїю своею, и умерѣ на томѣ же

сло-

словѣ, что взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ. Гдѣ, благочестивый Великій и милосливый Государь, вина моя? Нѣсть вины моей, холопа твоего. Какъ я въ сказкѣ сказалъ, что не крадывалъ и лечебной книги у меня не бывало: тако въ дѣлѣ и въ словѣ сія правда, Великій Государь, а не вина, что воръ Давыдко въ извѣстѣ сказалъ, что видѣлъ сквозь стѣну каменную, и въ запертую палату вшолъ, чему спастися не возможно никогда. Злапоглаголивый учишель пишеть о духѣ нечистомѣ: аще и въ храмины былъ еси, како зриши, яже внутрь бываемая? Се правѣ приговорѣ, Великій и милосливый Государь, что сиротина мой и поселянинѣ воръ одноокой наученый, что щепѣ не познали, четьрехъ прѣми извѣщали, и кто изъ нихъ въ щепѣ глупѣ, они ли доводчики проклятые мои, или проклятые и низверженные нечистые духи, и палату избою называли, и сіе не осмошрѣно, и раззоренѣ туне безъ вины, а неправды моей, холопа твоего, нѣсть. А въ вашихъ, Великихъ Государей, въ градскихъ законѣхъ уш-

утверждено: въ извѣстныхъ дѣлахъ,
 въ судахъ и въ очныхъ ставкахъ,
 кромѣ крѣпостныхъ дѣлъ, размолвками,
 росписками, ссылками, явками,
 допросами, судьи уличаютъ и ви-
 нятъ; а мы, холопы твои, по ва-
 шимъ Государскимъ законамъ ко оправ-
 данію не допущены. Аще и не допу-
 щены мы, холопы твои, и мы чело-
 битьемъ своимъ и ошѣтвомъ невин-
 ны, и всѣхъ тѣхъ, которые люди въ
 томъ дѣлѣ были, размолвками ихъ
 правы, и не по чію нынѣшними, Ве-
 ликій Государь, тѣми размолвками ви-
 ны наводятъ. Пророкъ славный Дани-
 илъ, затворитель уста яростныхъ
 львовыхъ зубовъ, не даде ли образъ
 старцамъ и судіямъ разгласіемъ дровъ?
 Единъ рече подъ смерчіемъ, другій
 подъ терніемъ. А раны намъ, холо-
 пемъ твоимъ, дашель, который далъ
 намъ рану смершную приговоромъ сво-
 имъ, что я достоинъ смерти, и то
 онъ говорилъ и приговаривалъ, не
 осмотра въ Божественномъ писаніи.
 Ащебъ воля Вашего Царскаго Величе-
 ства была, и вопрошенъ бы онъ былъ
 указомъ Вашего Царскаго Величества,
 что

что образъ духовъ чистыхъ и нечи-
 стыхъ по естеству въмъ я, холопъ
 швой, чшобъ онъ шотъ вашъ Царска-
 го Величества вопросъ молчаніемъ по-
 чтилъ, не имѣя отвѣща. Глаголешъ
 нѣкии отъ стихотворцевъ: неправая
 убо дѣла и слова связуютъ языкъ, за-
 шыкаютъ уста, обуздываютъ разумъ,
 молчати шворятъ. Правъ приговоръ,
 Великій и милостивый Христіанскій
 Государь, что сиропина мой Карла
 говорилъ: онъ спалъ и захрапѣлъ; а
 сновидѣніе, Великій Государь, отъ
 учителейъ церковныхъ заповѣдано, не
 шокмо отъ того сиропины сновидѣніе
 пріимати и вѣриши, но ни отъ кого
 не пріимати и не слушати, яко гла-
 голешъ свяшый Григорій Двоесловъ:
 сны суть едины съ толстошты плоти
 и обѣяденія, и піянства, и жажды,
 приходятъ изъ бѣсовскаго навѣща, и
 мечтанія случаются; ибо аще не бы
 сонія мечтательная отъ діавола при-
 ходили, не бы речено, яко Сирахъ
 глаголешъ: мнози сномъ прельстиша-
 ся. Не достоитъ, Великій и благо-
 ушробный Государь, шому вѣришь,
 что сиропина мой пьяной во снѣ и
 воръ

воръ сквозь стѣну палатную видѣлъ. Се правъ приговоръ, Великій и милосердый Государь, а наша, холопей твоихъ, вина и неправда. Учитель будто нашъ, о которомъ извѣтъ воровской составной отъ воровъ показанъ былъ, что будто меня и сынишка моего училъ переводчикъ Николай Спартарій, и того никогда не бывало и не учились, а учимся и учились и впредь учимся будемъ до кончины живота нашего, чему законъ Божій повелѣваетъ и слово его пресвятое, еже рече во святомъ Евангеліи: Испытайте писаніе, въ немъ же обрящете животъ вѣчный. И учитель нашъ такова раззоренія за ученіе не воспріялъ, и насъ, холопей твоихъ, будто за ученіе раззорили; а мы ученики не бывали и раззорены шуне. Се, благоупробный и милостивый Государь, правъ приговоръ, что одного дѣла будто книги чтенія, будто и видѣнія духовъ нечистыхъ, какъ вралъ сиропина мой и воръ одноокой, чего не бывало и впредь тому бытъ не лзя. Докторъ Степанъ не раззоренъ шакъ, какъ мы, холопи твои; развѣ

М

ему

ему отпущено за святое крещеніе? А и мы, холопи твои, безвинные и беззаступные Христіане, истинно во Святую Троицу вѣруемъ и покланяемся; а раззорены безъ вины странно, и имѣніе наше неправдою разсѣяно по всѣмъ жилищамъ. Во всѣхъ, Великій Государь, законѣхъ не бываетъ шого никогда, чтобъ, не давъ суда и очной спавки, и не очистя всякую спашью, что естъ въ дѣлѣ къ совершенію, дѣло вершишь. Премилосливый Великій Государь! святой Апостолъ учить праведное и должное рабомъ воздавать; а мнѣ, холопу своему; самой службы, за крови, пошы, за посольскія и всякія мои неспокойныя службы, какъ въ первомъ моемъ, холопа твоего, челобитъѣ писано, не токмо воздано, что отецъ мой на службахъ въ иныхъ государствахъ, въ Царѣградѣ, въ Кизылбашахъ, въ посольствахъ, и что я, холопъ твой; во всякихъ же службахъ и въ работахъ нажилъ въ шестьдесятъ девять лѣтъ, и то безъ вины завистію, ненавистію и все безъ остатку, безъ вины, странно отнято. Еще, Великій

Госу-

Государь, и на то приложено новое: до прїѣзду Стольника Гаврилы Тухачевскаго пристава моего и до сказки мнѣ вины невинной за три недѣли животнои мои взяшы. Благосердый Великій Государь! свидѣтель ми есть благочестивая восточная церковь, въ ней же крещенъ и воспитанъ, и питаюся и питаюся желаю до исхода души. Свидѣтели ми есть опцы мои духовные: Богу работалъ и вамъ Великимъ Государемъ; кромѣ всякихъ своихъ иныхъ работъ, церкви Божія создалъ, въ церквахъ Божіихъ иконостасъ строилъ, и по своему обѣщанію, елику силу имѣлъ, строилъ и совершилъ, а иные недовершены моимъ холопа раззореніемъ. Сихъ волхвъ упражняшися не можешь, единъ человекъ Богу работати, и проклятымъ и низуверженнымъ духомъ нечистымъ. Свидѣтельствуюся опрочищемъ вышеписаннымъ, како хирографствоватися опнюдь не хотяше зрѣти храма Божія, а мы, холопи твои, волшебія никакого не вѣмы, что есть то, и ничто же зло совѣщаемъ. Свидѣтель ми есть всевидящее Око. Чаяли

милости, и вмѣсто милости и чести, ихъ же надѣяхомся, смерть и страхъ одержитъ насъ. Будетъ ми, холопу твоему, кто обличитъ, и будетъ побѣдитъ мя словомъ, или дѣломъ, что я, холопъ твой, крестъ святыи оставлялъ, церковь Божию, закономъ Божиимъ, Апостольскимъ, отеческимъ прошивенъ. Егда о исправленіи прошивлюся и называю новое, да буду всякаго рода мукъ наказанъ. Сіе мое, холопа твоего, раззореніе впредь грядущее на многое время вѣка. Образъ, что такимъ сиротамъ повѣрено въ извѣстѣ, которому извѣстѣ не возможно бысть. Бояромъ, съ кѣмъ я, холопъ твой, былъ и на нихъ слася, которые нынѣ здравствуюшъ, какъ въ первой моей челобитной писано, не вопрошены. Архіепископа, Протопопа, отцевъ моихъ духовныхъ, о исповѣданіи и о приниманіи пречистыхъ таинъ не допрашиваны; о моштру Думнымъ не повѣрено, Думному Дьяку, Доктору, Переводчику, Алхимиспу, двумъ человекамъ спряпчимъ не повѣреножъ, людишкамъ девяти человекамъ не повѣрено же; мнѣ, холопу

допу твоему, будучи по вашей Государской милости въ Боярехъ, не повѣреножъ; паче же всего, Великій и милоспивый Государь, законы Божіи, Апостольскіе, отеческіе, ваши Великихъ Государей оставлены, а сиротамъ вору одноокому, лѣкаришку и сиротинѣ пьяному, спящему подъ шубою за печью, котораго запечья нѣтъ, и что видѣлъ во снѣ, тому повѣрено! И видя такое мое, холопа твоего, невинное раззореніе, а иныхъ въ животахъ моихъ и помѣспьяхъ, въ вопчинахъ, въ людехъ радующихся и веселящихся, многіе рабы переймутъ, и на многихъ пожиточныхъ людей доводитъ стануть ложно, и поспраждутъ такъ, какъ и въ прежнихъ родахъ было спраданіе невинное, а образъ мое невинное раззореніе гошово къ выпискѣ, чему повѣрено и что оставлено. А въ лѣто благочестиваго царствованія славныя и блаженныя памяти отца твоего Государева, Великаго Государя, Спальникъ извѣщаль на нѣкакихъ ближнихъ и вѣрныхъ чиновъ высокихъ ваше царственное великое дѣло, и отецъ твой Государевъ,

Великій Государь , премудрымъ своимъ
 Государскимъ разсмотрительнымъ раз-
 сужденіемъ повѣрити не изволилъ , а
 положилъ надежду въ Божѣ ; а ближ-
 ній былъ человекъ , а не такія сироч-
 тины , увѣчной и мужикъ поселянинъ .
 А на копорыхъ доводъ былъ , не вос-
 помянули своей бѣды , и намъ невин-
 нымъ беззаступнымъ при васъ будучи ,
 Великому Государю , и на прикладъ сво-
 его дѣла вамъ Великому Государю не
 донесли , что отецъ твой Великой
 Государь ближнему человеку въ извѣ-
 стѣ повѣрити не изволилъ ; какъ та-
 кимъ повѣришь , и безъ суда очныя спа-
 вки учинишь , и разворишь , и осмош-
 ру Думныхъ , и обыску , и сыску , и
 есылкѣ на опцевъ духовныхъ не по-
 вѣришь ; а сія вся за злобу , за нена-
 висть и за преумноженіе милости ва-
 шей Государскія , къ намъ въ заслуп-
 леніи злобою удержались , и вамъ Ве-
 ликому Государю на примѣръ не извѣ-
 ешили . А кто доводилъ и на кого ,
 и я , холопъ твой , имена ихъ молча-
 ніемъ почшу , да на иныхъ на мно-
 гихъ , Великій Государь , доводы бы-
 ли отъ рабовъ ; милостию же опца
 твое-

твоего Великаго Государя покрышы, и сего всего въ то время не вспомянули, и намъ, холопомъ твоимъ, въ отраду и въ пользу заступленія не учинили, что не достоитъ прошивъ законовъ Божіихъ и вашихъ Царскихъ сиротамъ на господина вѣришь. И сіе тебѣ, Великому Государю, не донесли; радостию порадовались нашему невинному осужденію и раззоренію, и желая пожизновъ, вотчинъ, помѣстій, людей на пополненіе домовъ, не вспоминая запрещительнаго Божія слова, еже рече во святомъ Евангеліи: въ нюже мѣру мѣрише, возмѣриша вамъ. Милосердый Великій Государь! что прошивно я, холопъ твой, учинилъ, дѣломъ, или словомъ? Какъ работалъ блаженныя памяти отцу твоему Государеву, Великому Государю, и былъ во всякомъ его Государскомъ повелѣніи безъ отговору, въ ратныхъ, въ посольскихъ, въ разспросныхъ во всякихъ дѣлахъ, въ ратныхъ строяхъ, къ чести и къ славѣ, къ повышенію вашему Государскому имени и ко всякому благополучію и къ непрестанной радости, и къ урядству чину васъ

Великихъ Государей походы ваши [Государскіе строилъ, лошади наряжалъ, кареты впрягалъ, и какъ послѣдній походъ отца швоего Государева, Великаго Государя, былъ къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевѣ монастырь, а возники необученные были впряжены въ карету, и не пошли отъ приступа, отъ рундука, и я, холопъ вашъ, въ Боярехъ будучи, угождая вашему Государскому повелѣнію, и чшобъ не зазорно вашему Государскому стоянію чрезъ чинъ предъ вами Великими Государи, и передъ всѣми чинами, и иноземцы, карету впрягалъ и не отговаривался, что сижу въ Посольскомъ приказѣ и конюшня не мнѣ приказана, и не умѣю шакой нарядъ положишь на возники, какъ въ то время возницы сказали: мы не умѣемъ приняшья, не видали, какъ наряжаютъ; и сперва не онижъ наряжали: такъ и тебѣ Великому и милостивому Государю по самую Верхопурскую посылку, кошорою посылкою отлученъ отъ Государскія милоспи. А когда ненависть обыде мя, холопа швоего, и въ то время не отвѣщахъ

про-

противу указу Вашего Царскаго Величества и повелѣнія, и о аппекѣ взяты у меня ничто оповѣщахъ, кромѣ того, что воля швая Великаго Государя. По семъ Вашего Царскаго Величества Бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Спрешневъ вынесъ указъ изъ комнаты въ переднюю и сказалъ: указалъ Великій Государь бытъ шебѣ на своей Великаго Государя службѣ на Верхошурьѣ. Воля его Государская, гошовъ, сіе лимнѣ извѣспитъ Великому Государю, ничто иное, шокмо гошовъ, весла, кормщика не дано. Къ берегу Дьякъ Перфилей Оловяниковъ пріѣхавъ, сказалъ: какъ есть, поѣзжай. Тотчасъ гошовъ, и безъ весла и кормщика поплылъ отъ берегу; носомъ и кормою поворачивало. За Лаишевъ швой Великаго Государя указъ присланъ, повелѣно поворотишья: тотчасъ поворотился. Указъ швой Великаго Государя присланъ съ Полуголовою съ Алексѣемъ Лужинымъ, велѣно у меня, холопа швоего, взять ему книгу лечебную, про которую и не слышалъ: отдавать нечего, давалъ себя и въ домишкѣ своемъ обыскивалъ съ под-

М 5

швер-

твержденіемъ страха твоего Государскаго, чюобъ онъ осмошрѣлъ въ рудядишкѣ моей; и онъ Алексѣй скавалъ, что ему твоего Государскаго указу нѣшѣ, не осмашривалъ. Лудяшкѣ спросилъ Ивашка Еврея. Захарка карла шотчасъ опдалъ; а Ивашка Еврей по посылкѣ его Алексѣя взяшѣ, какъ изъ Казани ѣхалъ въ Лаишевъ. Думной Дворянинъ Ѳедоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, Думной Дьякъ Василій Семеновъ, прѣхали въ Лаишевъ ночью, дай жонку, дай письмо, дай живопы смошрѣшѣ, дай племянниковъ, дай инока, дай іерея, дай людей: шотчасъ жонку, письмо, живопы опдалъ, племянниковъ, людей шотчасъ послалъ на сѣѣжій дворъ; о инокѣ, о іереѣ сказалъ: сами пошлите къ нимъ, а я власти не имѣю надъ ними. По меня, холопа твоего, прислали, велѣли на сѣѣжій дворъ шотчасъ бышѣ пѣшему: шотчасъ пѣшѣ пошолъ. Что, Великій Государь, сыскали, что нашли, чѣмъ обличили, какое обличеніе на меня, холопа твоего, привезли? Что ни привезли, то къ правдѣ моей и невиности.

сти. Послѣ того присланъ изъ Казани Дворянинъ Гаврила Григорьевъ сынъ Нарманской, да съ нимъ Полуголова Алексѣй Лужинъ, и сказали мнѣ, холопу швоему, швой Великаго Государя указъ: указалъ Великій Государь перевести тебя изъ Лаишева въ Казань. И я, холопъ швой, сказалъ имъ: сего часа на дровни и брести готовъ, куды воля Великаго Государя. И они мнѣ сказали: велѣно тебя со всемъ перевести, и сего часа намъ не успѣть. И собрали ружьядишку мою, и людишекъ, и отвезли меня, холопа швоего, въ Казань. И въ Казани Бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославской прислалъ ко мнѣ Дьяка Ивана Ярославца: указалъ Великій Государь быши у тебя приславамъ пяти челоукамъ и караулу, а вины никакія не сказалъ. И я, холопъ швой, видя гнѣвъ Божій и швою Государскую опаду, воздохнулъ съ пролипіемъ кровавыхъ слезъ къ Его превысочайшему и всемогущему престоу Божію. Послѣ того швой Великаго Государя указъ присланъ: велѣно людишекъ опуститъ по деревнишкамъ, а иныхъ на волю

волю на наемныхъ подводахъ. Тогда-
часъ подводы нанявъ, отпустилъ по
деревнишкамъ; а на волю людишекъ
мнѣ, не видѣвъ въ себѣ никакія вины,
за что отпустишь? Послѣ того при-
ѣхалъ ко мнѣ, холопу своему, на
дворишко ночью Дьякъ Иванъ Горо-
ховъ, и сказалъ мнѣ: гдѣ твои жи-
вошы? Дай ихъ пошчасъ; а вины
никакія не сказалъ. И я, холопъ свой,
сказалъ ему: въ живобахъ моихъ ни
краденаго, ни разбойнаго, ни воров-
скаго, ни измѣннаго, ни заповѣднаго
нѣтъ; живоба отца моего и роди-
телей его, живоба матери моей и
родителей ея, и мои нажитые мило-
стію Божіею и Великихъ Государей
жалованьемъ, за посольскія службы
и за мои работы ратныя, и за по-
сольскія, и за крови, и за всякія
многія работы въ шестидесять де-
вять лѣтъ нажитыя; а когда часъ
приде невинному нашему раззоренію,
что Великій Государь изволилъ живо-
баты мои взять безъ вины моей, не
сказавъ мнѣ никакія вины, и въ томъ
воля Божія и его Государская, и пош-
часъ отдалъ. А послѣ приѣзду Столь-
ника

ника Гаврила Тухачевского, пристава
 моего, и сказки объявилъ я, холопъ
 швой, лучшаго своего пожитченку,
 которые добывалъ головою своею, и
 шому я, холопъ швой, далъ ему Ива-
 ну четыре шепрадки въ полдестъ,
 писаны всѣ моею рукою. Онъ же
 Иванъ спрашивалъ у меня, холопа
 швого, пушекъ, пороху числа мно-
 гаго, свинцу, пансырей, шапокъ, на-
 ручей; и я ему сказалъ: ко уняшю
 всякаго воровства былъ починщикъ,
 а не къ начинаню; и о шѣхъ
 моихъ работахъ писано въ первой
 моей, холопа швого, челобитной.
 А послѣ шого по швоему Великаго Го-
 сударя указу Бояринъ Иванъ Богдано-
 вичъ Милославской прислалъ по меня,
 холопа швого, на дворишко, и ве-
 лѣлъ меня Головъ стрѣльцкому Ивану
 Садилову взять, и сынишка моего, и
 людишекъ съ женами и съ дѣшми,
 и вестъ до сѣвѣжей избы пѣшева на
 позоръ людемъ безвинно, не воспоми-
 ная милости вашей Государскія, что
 я шогожъ лику, что и онъ, и не
 вспомянулъ работъ моихъ къ вамъ
 Великимъ Государемъ, и не вспомянулъ
 рабо-

работы моей къ дядѣ своему къ Боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому Коломенской случай, и шолъ горькой часъ всѣмъ имъ запамяшовалъ, и не вспомянулъ того часа и времени, какъ онъ одежду небрачную носилъ, и изведенъ на шужъ площадь; и вели меня, холопа швоего, на старость мою и увѣчнаго, и погорбленнаго отъ служебъ, отъ дворишка съ версту, гдѣ былъ за приставомъ и карауломъ посшавленъ до сѣбѣжей избы, какъ злодѣевъ, или измѣнниковъ, и приведши въ сѣбѣжую избу, швой Великаго Государя указъ и вины сказывали, конпорыхъ винъ не бывало, и тому повѣрено, чего въ умъ взять не возможно. Работалъ вамъ Великимъ Государемъ чистымъ сердцемъ, а не лукавымъ, и работы мои свидѣтельствуюшъ меня; и не того чаялъ, что раззорить меня, холопа швоего, за едину ненависть отъ злыхъ, опшнято все, шолько изъ всѣхъ моихъ животишковъ дана мнѣ, холопу швоему, тысяча рублей денегъ; и людишки мои, видя гнѣвъ Божій надъ нами, и вашу Государскую немилость и овалу;

и

и конечную нашу бѣду и разореніе странное, всѣ спрахомъ обмирали, слыша сиротину моего въ пламени сожженна, и видя надъ собою разспросы острые о животахъ моихъ, гдѣ схоронены. Едва упросилъ у нихъ, и чрезъ кровавыя мои слезы умилились, вспомянули законъ Божій, и насъ въ такомъ разореніи и нищестѣ не покинули, изъ стоя тысячи давали дачи немалыя, чшобъ насъ не општупили, а иное что займовали въ Казани, харчъ всякой изъ шѣхъ же денегъ платили. Гнѣвъ швой премилостиваго Великаго Государя на насъ, холопей швоихъ, навели ненавидящіе мя, кромѣ винъ и неправдъ нашихъ, лицемѣрствуя и показуя усннами истинну; я же влагалъ угождающіи инымъ не своя глаголы, но разумъ онѣхъ претворяя. Скрывалъ же ошъ васъ Великаго и благочестиваго, Христіанскаго милостиваго Государя разумъ истинный, или неискусенъ Божественнаго писанія, и за сіе не можешъ инославія убѣжати, порока, до скончанія вѣка. Кто убо, иже наипаче о себѣ радѣти, и о истиннѣ ещежъ сію

сію терпѣши восхощешъ, и вамъ Великому и милосердому Государю биши челомъ умолчитъ? Кто не осудитъ дерзость ихъ? Мали бо суще числомъ, желаютъ своя хотѣнія паче всѣхъ царственныхъ, церковныхъ учителей крѣпствовати. Кто не вѣсть, кто не зрѣтъ ясно, яко сія вся творили для разоренія дому моего, а для наполненія домовъ своихъ родителей и друзей живошами моими, помѣстьями и волчинами, и людьми? И того ради милости вашей Великаго Государя за невинность нашу до насъ бѣдныхъ не допускаютъ, желаютъ себѣ вѣчно имѣніе наше невинное удержати за собою, и чаяли, что живошъ нашъ отъ таковаго спранныаго разоренія скончается вскорѣ, не воспоминая себѣ реченія мудрыхъ, что всякаго чловѣка душа привязана союзомъ Божиимъ, и ключъ живоша и смерти въ руцѣ Его. Возможно было имъ по вашей Великаго Государя милости и по крайней ихъ близости и безъ моихъ кроваво выслуженныхъ волчинъ и помѣстій быти, и не нападаши на невинныя наши помѣстья и волчины,

и

и копорыми мы, холопи швои, пожалованы были за многія мои великія службы къ вамъ Великимъ Государемъ, и ко всему вашему Великихъ Государей государству, въ копорыхъ службахъ свидѣтельствуюсь вашими Великаго Государя вошчинными грамотами за вислыми печашьми, копорыя съ живонами моими и со всѣми крѣпостьми дворовыми и помѣшными, и купчими вошчинными, и людскими, и съ иными крѣпостьми взялъ Дьякъ Иванъ Гороховъ. Тупъ же взялъ 4 шешрадки лучшаго моего пожипченку, кромѣ его переписи, что онъ переписывалъ, въ десъ писана книга за моею рукою, да двѣ книги въ переплешъ, одна въ кожѣ красной, а другая въ шешрадахъ. Тупъ вся моя, холопа швоего, рухлядишка написана, кромѣ того, что въ чешырехъ шешрадахъ моею рукою писано. А и въ первой моей, холопа швоего, челобитной шѣ шешради объявленыжъ; и объявилъ ли онъ Гороховъ шѣ шешради, что писаны моею рукою, или нѣшъ, того я, холопъ швой, не вѣдаю; а вѣдаю то, что еще въ Казани подъячій, который

Н

былъ

былъ въ ссылкѣ въ Казани, а былъ съ нимъ
 Иваномъ и ходилъ по Казани и но-
 силъ мои, холопа твоего, ножи на
 себѣ, оправа серебряная съ чернью, и
 съ набоями золошыми, которыяжъ
 ему не довелось носить за описки жи-
 воловъ моихъ на васъ Великаго Госу-
 дари; а мы, холопи твои, на ослу-
 чившихъ насъ ошъ вашаго Великаго
 Государя превеликія милости безъ вся-
 кія нашаго вины, и имѣніемъ нашимъ,
 помѣстьями, вошчинами, людьми вла-
 дѣющіе и веселящіеся, вседневымъ и
 ношнымъ, и всечаснымъ и непре-
 спаннымъ вопіемъ воплемъ, источни-
 ки кроваво съемъ и скорбей нашихъ
 слезы, которыя, по писанію, облаки
 препинаютъ ко престолу неприсуп-
 ныя славы, воспоминаючи Божествен-
 ное писаніе, еже рече: не примемъ
 богатіи иныхъ упадкомъ, ниже смѣ-
 симъ наше богатство чужимъ сле-
 замъ: достоитъ было имъ въ чуж-
 дыхъ напастехъ своя плодити скор-
 би, а не нашей гибели радоватися.
 А что мнѣ, холопу твоему, поносятъ
 о похищеніи Князь Семеновой вошчи-
 ны Львова, и Князь Семенова, Вели-
 кій

кій Государь, вопщина дана миѢ, холопу швоему, милосшію ошца швоего Государева блаженныя памяти Великаго Государя, а Князь Семеновою виною явною и уличенною, что онѢ не такѢ учинилѢ, какѢ вашѢ ВеликихѢ Государей указѢ надлежитѢ: Первое за то, что учинена ша купчая по смерти Думнаго Дьяка Михайла Волошенинова художешвомѢ зазорнымѢ, и рука у той купчей не Михайлова и свидѣшельство, Великій Государь, вѢ дѣлѢ очныя ставки, какѢ была очная ставка, у Князь Семена Львова съ Федоровыми дѣшми Иванова, и съ очныя ставки площадные подѣчїе допрашиваны, и сказали, что рука не Михайлова, а учинено по художешвомѢ зазорнымѢ. Вшорая, Великій Государь, вина Князь Семена Львова, какѢ воровалѢ и ходилѢ на море вѢ первыя ворѢ Спенька РазинѢ, и разоренїе учинилѢ Персидскому государству, и пришелѢ вѢ АспраханѢ и познался съ Князь СеменомѢ ЛьвовымѢ, назвались межѢ себя братьями, и не исходилѢ изѢ дому его, и пилѢ и ѣлѢ, и спалѢ вѢ домѢ его, а на то

братство и дружество свидѣтельство: какъ воръ второе пришедъ подѣ Аспрахань, той же воръ и Аспрахань взялъ, и Боярина и Воеводу Князь Ивана Семеновича, и брата и товарища его Стольника Князь Михайла Проворовскихъ, и Дьяковъ, и подъячихъ побилъ и Аспрахань безъ оспашку раззорилъ, а его Князь Семена за братство и за дружбу отъ убійства сохранилъ, и живошовъ его не грабилъ; а убилъ его воръ Федька Шелудякъ по многому времени и по казни вора Спеньки Разина. И за то, Великій Государь, Князь Семеново братство съ воромъ Спенькою Разинымъ, гнѣвъ отца твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, былъ. Третья вина, что та вошчина прежде сего была дворцовая; а что по твоему Великаго Государя указу, а по челобитью Князь Семеновы жены Львова, Бояре челобитья ея и дѣло, что въ помѣстномъ приказѣ, слушали, и приговорили у меня, холопа твоего, опнять и опдать ей; а очныя ставки въ той выпискѣ въ помѣстномъ приказѣ не было, и та очная ставка

подѣ

подъ то дѣло не поднесена , и вершили безъ очной спавки ; а для ея вдовства по челобитью нѣкоего къ отцу своему Государеву, Великому Государю, вмѣсто взяшья вопчины , что дана мнѣ, холопу своему, дана ей вопчина изъ вопчинъ Боярыни Федосьи Прокофьевны Морозовой ; а отняша у меня, холопа твоего, безвинно. Въ вашихъ Великихъ Государей указѣхъ и въ уложенѣхъ безъ очныхъ спавокъ и безъ крѣпостей о земныхъ дѣлѣхъ вершеніе не бываетъ ; а надо мною, холопомъ твоимъ, учинено мимо вашихъ Государскихъ указовъ, ненавистию на меня нарушено. Взятъ у меня, холопа твоего, человекъ свободной съ отпускнуою холопья приказу и съ подписною челобитною Думнаго Дьяка Герасима Докшорова , велѣно дать ему воля, и пошъ человекъ безъ суда и очныхъ спавки отданъ Дьяку Ивану Горохову. Человекъ же взятъ крѣпостной безъ суда и очныхъ спавки, и отданъ онъ Андрею Безобразову. Еще, Великій Государь, паче сего вашъ Великихъ Государей указа нарушенъ , ненавидя меня, холопъ

твоего, всѣмъ Сибирскимъ Воеводамъ во всякихъ дѣлахъ отсрочивано, и мнѣ, холопу твоему, отсрочено, а послѣ отсрочки еще будучи я, холопъ твой, на Москвѣ, къ суду меня и людишекъ моихъ, которые по обычаю ходятъ за дѣлы, къ суду не позваны, и безъ суда отданы ненависти и злобы ради отъ ненавидящихъ насъ. Сія шворишася чрезъ ваши Великаго Государя указы. А если бы, Великій Государь, отъ нихъ ненавидящихъ насъ, холопей твоихъ, чаяніе такое было, что въ челобитвѣ моемъ, и тебѣ, Великому Государю, о очищеніи невинности нашей будетъ отъ Божественнаго писанія отступилъ бы отъ рашования прошиво истины, и не рашовалъ бы шакъ на насъ, холопей твоихъ. А неправду его показываетъ Божественное писаніе, какъ писано въ челобитвѣ нашемъ выше сего, и разумъ его чинитъ подозренъ, и не испытанія Божественнаго писанія, а зависти и ненависти и злобы исполненъ. А какъ по твоей Великаго Государя грамотѣ въ Казани выслушавъ указъ, и не услыша винъ своихъ,

ихъ, неправдъ великихъ и малыхъ
нѣмъ, началъ ошвѣтѣ противъ извѣ-
сту давань, елико разумѣлъ, и на
меня, холопа швоего, Дьякъ Иванъ Го-
роховъ крикнулъ: слушай! молчи, а
не говори. И везли меня, холопа шво-
его, въ Пуспоозерской оспрогъ, и по
се время и впредъ до окончанія живо-
та нашего ни въ чемъ опнюдъ я не-
прошивенъ вашему Государскому пове-
лѣнiю. А буде, Великій Государь, вѣ-
даешъ кто измѣну мою, или недобро-
хотство мое, за что съ нимъ не дашь
очной ставки? За что не обличить?
А буде приносами тайными доброхот-
ствуешъ кто, то милосливый Вели-
кій Государь не истинна и не явное
и не правое обличенiе. Доброхотствуешъ
ли кто тебѣ Великому Государю, до-
брохотствуй явно; обличашъ ли кто
хощешъ, обличай явно и истинною,
законами Божіими, законами вашими
Царскими, свидѣтели благими, а не
шакимъ воромъ и сиротиною. Аще,
Великій Государь, явное обличенiе про-
шивустояти не восхощешъ, виждъ,
Царю святой, лукавнующъ, а не ис-
стинствующъ. Вѣмъ я, холопъ швой,

по правой своей службѣ и работахъ своихъ истинныхъ, какъ дѣла мои являютъ мя, холопа твоего, мнѣ во обличеніе явно не станеть, для своей нечистой совѣсти самъ одѣвешся стыдомъ и неправдою. Мы, холопи твои, всегда съ Богомъ, въ Него присоспавнаго вѣруемъ и поклоняемся, и поемъ, и исповѣдуемся, и пречистое Его шѣло и свящую Его кровь приедемъ на воспоминаніе слова Его, еже рече: Ядый мою плоть, и пій мой кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ. Аще мы, холопи твои, и скверны, да не лишаемъ себя того вѣчнаго живота; а кошорыи бываютъ въ паденіи, шѣмъ сила Божія возбраняетъ и входъ церковный, не токмо шайны исповѣди и пречистое шѣло и кровь пріяши, и на сіе свидѣтельство въ чудотвореніи о опрокѣ Великаго Василія. Вели, Великій милосшивый Государь, прошивъ законовъ Божіихъ, Апостольскихъ, отеческихъ, вашихъ Государскихъ, и прошивъ моихъ челобитенъ выписать изъ книгъ Божественнаго писанія, изъ своихъ Великаго Государя указовъ и Уложенья, чтобъ ненавидящіе насъ, холо-

холопей швоихъ, своимъ немилосердіемъ,
 оспрымъ и спрогимъ мнѣніемъ для
 своей дружбы хотѣнія не исполни-
 ли. Вели намъ указъ учинишь про-
 шивъ Божественнаго писанія и вашихъ
 Государскихъ законовъ, чтобъ мы,
 холопи швои, вѣдали, которые зако-
 ны, Божіи ли, или Апостольскіе, или
 опечесніи, или ваши Царскіе насъ,
 холопей швоихъ, обвиняшъ, и чѣмъ
 ошъ шѣхъ воровъ и сиротины оправ-
 вятъ. А противъ швоей Великаго Го-
 сударя грамошы, какъ въ Казани безъ
 винъ нашихъ и неправдъ вины и не-
 правды сказываны, и мы, холопи
 швои, въ двухъ и въ сей прешей,
 всякую спашью очиспили испинною
 и законами Божіими, и Апостольски-
 ми, и опеческими, и Богословскими
 ученіи, и вашими Царскими законами,
 и воровство и соснавъ явной изобли-
 чили, и прошивъ нашего челобитья
 двухъ челобитенъ шестое уже лѣто
 доходишъ, указу милоспиваго о невин-
 номъ моемъ раззореніи нѣшъ; а раззо-
 ренъ приговоромъ на Москвѣ и въ Ка-
 зани въ мѣсяцъ безъ вины спранно,
 такъ скоро и угодно и пошребно

завидящимъ учинилось для пополненія домовъ родителей своихъ. И шѣмъ еще желаніе свое не исполнили и не насытились: еще къ шому мучашь со всякихъ нуждъ; а въ милосердіе милоспи прійти въ такое долгое время исполнитися не хошашь. Аще и шяжко и спужительно наше, холопей швоихъ, къ тебѣ Великому и милоспиво-му Государю кровавослезное челобишье видился и опечаливаешь, и усомнѣваеть слышателя, отъ котораго спраждемъ; но сердце наше не можетъ невиннаго и спраннаго сего раззоренія и безчеспія множеспвомъ времени въ невинномъ и спранномъ раззореніи шерпѣши во всякой горести. А приговоръ съ ненависли и зависпи и съ недружбы учинилъ недругъ мой скоро, не осмошря въ Божеспвениомъ писаніи и въ законѣхъ, и не осмошря крѣпко въ доводѣ и въ дѣлѣ, внезапу возшелъ на такую яросшь. Ащебѣ и отъ рашникъ шакожде пострадали мы, холопи швои, какъ отъ его приговору, но обаче мы, холопи швои, пушшошеспвомъ, въ немъ же насъ усшроилъ; но вся сія оставляемъ и по-
но-

ношеніе крошцѣ прешерпѣваемъ, аще и смертну намъ далъ рану. Аще не бы ваша Государская премногая и неизреченная милоспѣ живощѣ нашѣ удержала, уже бы давно скончаны быля. Приговаривалъ, что я, холопѣ швой, достоинѣ смерти, а за что, того не разсмотрѣлъ. И безъ вины приговаривашѣ человекѣ къ смерти, и учинишѣ ему смерть безъ вины: каково шо предѣ Богомъ! И въ шомъ зашмился и не воспоминаулѣ, что спрашно лице Божіе на шворящая злая, и все пагубшвомѣ злобу пошребляющу, и спрашенѣ слухѣ Божій и Авелевѣ гласѣ слышишѣ. Молчащею кровію порадовался приговору моему, что пошло въ расхищеніе; а не воспоминаулѣ свяшаго писанія: Всякѣ сицевую благоданѣ иманѣ пріяши отѣ Бога, какову и самѣ сошворилѣ искреннему своему. Паче же глаголѣ Божій: Въ нюже мѣру мѣрише, возмѣришя вамѣ. Воздастѣ ему Господѣ Богѣ здѣ и въ будущемѣ. Сбышяся, Великій Государѣ, мудрыхѣ писаніе въ нынѣшнее время на мнѣ, холопѣ швоемѣ: вопрошенѣ нѣкто отѣ нѣкогого, въ чемѣ

бы

бы опасно паче имѣни? Отвѣща ему
 тако: въ пріятельской ненависти, а
 во лжи непріятельской. А мы, холо-
 пи твои, видя и слыша о своемъ не-
 винномъ конечномъ раззореніи и рас-
 хищеніи, слезами обливаемся съ чер-
 вемъ моимъ, Богу благодареніе воз-
 сылаемъ до исходу душъ нашихъ, яко
 вещи наши конецъ имяху добръ. Гос-
 подь даде, Господь и взя. Дѣдъ
 твой Государевъ, блаженныя памяти
 Великій и милостивый Государь, и отецъ
 твой Государевъ, блаженныя памяти
 Великій премилостивый Государь,
 пожаловали отца моего и меня; а вы,
 Великій милостивый Государь, изволи-
 ли взять. Благословенъ Богъ, изволи-
 вый тако. Нази мы, холопи твои,
 родихомся, нази и опходиши будемъ;
 а пока поживемъ, имѣемъ надежду на
 Господа Бога и на васъ Великаго Го-
 сударя во всякомъ призрѣніи, и о воз-
 вращеніи за невинность нашу пожити-
 ченковъ нашихъ, и всего нашего раз-
 зоренія исправленіе. Единого человекъ-
 любія Божія и силы, и твоей Вели-
 каго Государя милости дѣло есть,
 еже намъ, холопомъ твоимъ, избавити-
 ся

ся отъ поликихъ невинныхъ золъ, и
 бѣдъ, и скорбей. Въ насъ нѣсть безо-
 мощныхъ толикія крѣпости, да возмо-
 жемъ сему приговору прошивитися ча-
 стымъ челобитьемъ своимъ къ тебѣ, Ве-
 ликому Государю, еже нападе на ны;
 для того и къ пустому морю посланы
 были за четыре тысячи верстѣ, на
 послѣднюю черпу государства ва-
 шего, чтобъ не частое челобитье на-
 ше къ тебѣ, Великому Государю, холо-
 пей твоихъ было. Сіе шокмо намъ
 оста, да очи наши наполняемъ крова-
 выми слезами, и руцѣ наши на вся-
 кое время возносимъ къ вышнему и
 всесильнѣйшему Царю Царемъ и Богу
 на того, кто приговоромъ правду и
 истинну въ неправду прешворилъ, и
 вопіемъ непрестанно: О вѣчная истин-
 на и праведная любовь и драгая вѣч-
 ность! ты еси Богъ нашъ, гдѣ воз-
 дыхаемъ съ пролитіемъ слезъ во дни
 и въ нощи и на всяко время. Виждь,
 аще истинна сущь, о нихъ же му-
 чить насъ, суди праведно и упиши
 неправедно на насъ ожесточившихся
 упробъ; превраши на умиленіе мило-
 сти, да шѣми же кровавыми слезами
 на

на скрижалѣхъ сердецъ нашихъ пишемъ непрестанно ко святымъ Ангеломъ хранителемъ нашимъ, воспоминая возлегшаго на пламенныхъ персѣхъ во святомъ Евангеліи, еже написа слова Христа Спасителя: не обидите малыхъ сихъ, Ангели бо ихъ выну видятъ лице Отца моего, иже есть на небесѣхъ. А мы, холопи твои, во вѣкъ живота нашего должны Господа Бога молишь о нашемъ Государскомъ многолѣтнемъ здравіи, и всего вашего Государскаго дому, и о разширеніи государства вашего, паче Царей земныхъ. Клянуся всевысочайшаго Бога именемъ, какъ и изгнаны, и оппоржены безъ вины на започеніе, никогда на васъ Великихъ Государей не воздыхали, и не слезили къ Нему высочайшему въ своемъ невинномъ раззореніи. Провѣщай благосердый Великій Государь ко обидящему насъ, холопей твоихъ, не имѣющихъ помощи кромѣ Бога: Се азъ и люди, яже ми даде Богъ. Приложи благочестивый Великій Христіанскій Государь инъ милостивый гласъ Владычнь, и зѣло вамъ Великимъ Госу-
да-

даремъ свойственъ: яже далъ еси миѢ, сохранилъ, и не погублю изъ нихъ ни единого; да ошѢ высочайшаго и всеильнѣйшаго Царя Царемъ и Бога получишь милость и вся благая, и славу вѣчную воспріимешь въ лѣта своя. Апостолъ свяшый Павелъ глаголетъ: Согрѣшающихъ предъ всѣми обличати досвоишъ, да прочіи спрахъ имущъ; а насъ, холопей твоихъ, кто обличилъ и чимъ? Или мы, холопи твои, сами себе обличили въ сказкѣ своей, или въ челобитъѣ своемъ, въ двухъ челобитныхъ, и въ сей ярестіей? Или Вашего Царскаго Величества Думные османприваніемъ живошовъ моихъ на Москвѣ и въ Лаишевѣ обличили? А противъ вашего Великаго Государя указу и уложенья по извѣсту чьему обыскъ бываетъ, а не найдушъ вины, на извѣтчиковъ наводяшъ, и вмѣсто извѣтчиковъ приговоромъ вина положена на насъ, холопей твоихъ, а не на извѣтчиковъ. А хошя бы, Великій и милосердый Государь, кто и погрѣшилъ, церковная вина церковнаго требуетъ исправленія, какъ о томъ исправленіи и о молишвѣ Великаго Ва-

си-

силія и всего народа о прельщенномъ
 отрокѣ показанъ образъ, писано: Ви-
 дя отрока впадша въ грѣхъ, нача мо-
 лиши Господа Бога со множествомъ
 народа день и ночь непресытно, дон-
 деже воспрія желаемое. А до живо-
 повѣ и до всего причины не имѣли,
 и за своихъ и за друзей и о помѣствъ-
 яхъ, и о вопчинахъ на восхищенія
 желанія имѣши не восхотѣли, шокмо
 едино намѣреніе имѣли въ сердцѣ сво-
 емъ, чшобъ свободити душу отъ ра-
 боты вражія. А при ошцѣ швоемъ
 Государевѣ, Великомъ Государѣ, во об-
 наженныхъ явныхъ сихъ винахъ, въ
 книгахъ, въ заговорѣхъ, Богу прошив-
 ныхъ дѣлахъ наказаны и ненаказаны,
 а милость шворилъ: такожде и вы,
 Великій Государь, милость показали,
 а помѣствья, и вопчинъ, и живошовѣ,
 и раззоренія шакова имѣ не учинено,
 какъ надѣ мною, невиннымъ холопомъ
 швоимъ, учинено. А кшо въ шѣхъ дѣ-
 лѣхъ обличенъ, и о именахъ ихъ да
 умолчу, и совѣсть ихъ судитъ ихъ.
 За что, Великій Государь, мнѣ, хо-
 лопу швоему, предъ освященнымъ Со-
 боромъ, и предъ всѣми швоими, Ве-
 лика:

ликаго Государя, Бояры, имѣющіи по вашей Государской милости шужь честь, боярство, суда и очныя спавки съ извѣщичики не дано; а вору извѣщичику, и сиропинѣ моему пьяному, предѣ всѣми швоими Великаго Государя Бояры, распросѣ данѣ былѣ? Извѣшѣ воровской составной былѣ на Москвѣ, а невинное обличеніе учинено вѣ Казани намѣ, холопомѣ швоимѣ, а чины наши и живошы взяшы безѣ вины. А ешѣли бы я, холопѣ швой, себя и сынишка своего предѣ освященнымѣ Соборомѣ, для церковной вины, и предѣ швоими Великаго Государя Бояры градскихѣ ради винѣ не очистишѣ вѣ шомѣ воровскомѣ доводѣ, долженѣ бы былѣ всякаго рода мукѣ и жестокосердой смерши. За что, Великій и милосердый Государь, мнѣ, холопу швоему, съ Думнымѣ Дьякомѣ съ Даріономѣ Ивановымѣ очныя спавки не дано, и ему повѣрено; а мнѣ, холопу швоему, будучи вѣ Боярехѣ, не повѣрено? За что, благоутробный Великій Государь, мнѣ, холопу швоему, съ Иваномѣ Соловцовымѣ, съ Докторомѣ Стефаномѣ, съ Переводчикомѣ

Николаемъ Спапаріемъ , съ Алхимі-
стомъ Иваномъ Ефимовымъ , и съ ра-
бы моими Ивашкомъ Евреемъ , Игнаш-
комъ Лукьяновымъ очныя спавки не
дано? Все мое , холопа твоего , раз-
зореніе учинилось отъ того , что я ,
холопъ твой , со всѣми вышечисан-
ными на очной спавкѣ не спавленъ ;
и нынѣ мы , холопи твои , у тебя
Великаго и милосердаго Христіянскаго
православнаго Государя и Царя про-
симъ о очищеніи невинности нашей ,
о оборонѣ и о возвращеніи чести на-
шей , и всего нашего шуне и всуе раз-
зоренія , что навожденіемъ зоклевещу-
щихъ на насъ , холопей твоихъ , не
испинну , и чтобы намъ въ томъ
зломъ невинномъ дѣлѣ , въ зломъ нуж-
номъ мѣстѣ не скончались , да не бу-
демъ во общемъ судѣ къ общему Ца-
рю и Владычицѣ вопиши , и здѣ бы-
ши и умрети въ Божіи законѣ и въ
преданіи Апостольскомъ и опеческомъ ,
безъ поношенія отъ лукавыхъ чело-
вѣкъ и сиротъ , и надѣмся мы , хо-
лопи твои , на Бога и на тебя , Вели-
каго Государя . Неизмѣнный Богъ , Его
же воля не можешь благодѣшества
сво-

своего обнажитись первыя, и намъ милости любве своея спроеніе исполниши, и ваше Государское сердце такожде наполниши милости, и насъ въ горькомъ, и въ кровавыхъ невинныхъ слезахъ, отъ лукавыхъ коварствъ похищенныхъ прошиву своего Божія постановленія погубити не дасшь. А желаемъ и милости у тебя Великаго Государя просимъ, чшобъ въ семъ зломъ поношеніи не умереть, не очисти себя. Рожденъ на свѣтѣ, и умерети добре, изыти безъ пороку, то ко благому причишаея; а намъ, холопемъ швоимъ, видя себя безвинныхъ, и въ таковой нуждѣ послѣдней при смерти спраждушихъ со всякихъ нуждъ, за что умерети въ семъ зломъ поношеніи отъ безумныхъ, и отъ коварныхъ, и отъ шупоумныхъ? Умились, умилосердися, благосердый Великій Государь, вспомяни отца своего Государева, блаженныя и славныя памяти Великаго Государя, милость его Государеву и свою къ намъ, не имбующимъ ни отъ кого помощи. Вспомяни милостивое его Государское слово къ тебѣ Великому Госуда-

дарю о насъ , холопехъ своихъ , за службы и крови мои къ вамъ Великимъ Государемъ , быши милоспивиу , милосерду , благоушробну. Милосердый Великий Государь , Государь благоушробный ! сошвори судъ , и не предаждь обидящимъ мя до конца. Умилоспивись Великий Государь , Государь прамилоспивый , не вели возбраниши суда правды , якоже иногда Израильшеские Цари не возбраняли суда правды , приступати къ славъ своей и блудницамъ , какъ царство шрешие пишешъ о Соломонъ ; единому мнѣ бѣдному , и спароси моея погорбленной , не шокмо къ славъ Вашего Царскаго Величества приступити до суда правды , чину ради и близости , и работъ ради моихъ , и кровей , но и къ вашей Царскаго Величества палашъ суда правды пушь препоною немилосердия и ненависти и злобы ради возбраненъ , по которому пуши воръ и сиротина мой карла и прочия сироты мои шли невозбранно. Удиви своимъ Государскимъ разсмотрениемъ народы , якоже иногда наияснѣйшій Государь и Король Зелянщъ лѣша своего

его учинилъ судъ давно и равно, плотию умерый, яко человекъ, а памяшью суда своего присно у всего свѣла нынѣ живѣ. Приведенна на нѣкого высокія чести въ прелюбодѣйствѣ насильства яша осуди на смерть. Егдажѣ молимъ ошѣ гражданѣ, сошвори по прошенію ихѣ, не отречѣ милосши, приведѣ на судное мѣсто, избоде глазѣ, и рекѣ: милѣ свѣшѣ очесе одинаго; но милѣйшій долженѣ быши свѣшѣ суда правды. Се слава вѣчная! Кто не речешѣ и нынѣ, и не проповѣстѣ славу его? Вели, Великій Государь, съ извѣшникомѣ и съ сиропиною моимѣ даши судѣ, или очную ставку предѣ освященнымѣ Соборомѣ церковныя ради вины, и предѣ всѣми Бояры, и Окольничими, и всею палашою законовѣ ради градскихѣ. А аще кто станешѣ за шѣхѣ доводчиковѣ моихѣ ошѣчати, и ошѣ того я, холопѣ швой, не отрекусь. Умилися, Великій Государь, Государь благочестивый и премилосшивый, Царь и Великій Князь Феодорѣ Алексѣевичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецѣ, Государь преблагій; сошвори милосшь

для Вашего Царскаго Величества веселія дому, и всего царства вашего радости и благодаренія, которыя нынѣ всемирная державы Вашего Царскаго Величества поднебесною радостію празднуешъ, къ нимъ же и мы, холопи швои, узники штилѣшніе, безвиною разворенные шуне въ непрестанномъ бывшій желаніи, и плачи при совокупльшіи гласъ свой, о вашемъ Великаго и милосердаго Христіанскаго Государя веселіи слово рцемъ: вознеси всевѣчный, и милосливый, и милосердый Боже рогъ Христа своего Ваше Царское пресвѣшное Величество, и буди миръ въ силѣ швоей, о славо и діадима царствующаго града! и чшобъ вамъ Великому Монарсѣ и милосливому Государю, и супругѣ вашей благочестивой и благовѣрной Великой Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Агафіи Симеоновнѣ, которую въ державу скипетра своего избраши по воли всемогущаго Бога изводилъ; да и Онъ милосливый и премилосливый Боже благословеніе вамъ Великимъ Государемъ, да царшвуете здраво во благоденствіи и долгоденствіи, и въ не-

непрестанной радости и въ благопо-
 лучіи. Благослови васъ Боже, Боже нашъ
 благослови ны, и убояшся Вашего Цар-
 скаго Величества вси концы земли,
 на злшую вѣка памяшь; и да дастъ
 вамъ наслѣдіе рода вашего Царскаго.
 Еще же паки мы, холопи швои, ми-
 лости просимъ для благочестивыя и
 благовѣрныя Великія Государыни Ца-
 рицы и Великія Княгини Натальи Ки-
 рилловны, машери Вашего Царскаго Ве-
 личества, и для благовѣрнаго и благо-
 честиваго Великаго Государя Царевича
 и Великаго Князя Іоанна Алексѣевича
 всей Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи,
 и для благочестиваго и благовѣрнаго
 Великаго Государя Царевича и Велика-
 го Князя Петра Алексѣевича всей Вели-
 кія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Вашего
 Царскаго Величества брашій; и для
 благочестивой и благовѣрной Госуда-
 рыни Царевны и Великія Княжны
 Анны Михайловны, и благочестивой
 и благовѣрной Государыни Царевны
 и Великой Княжны Ташіаны Михайлов-
 ны, Вашего Царскаго Величества ше-
 покъ, и благовѣрной Государыни Ца-
 ревы и Великой Княжны Евдокіи

Алексѣвны, и благочестивой и благо-
вѣрной Государыни Царевны и Вели-
кой Княжны Марѣи Алексѣвны, и
благочестивой и благовѣрной Госу-
дарыни Царевны и Великой Княжны
Софіи Алексѣвны, и благочестивой и
благовѣрной Государыни Царевны и
Великой Княжны Екатерины Алексѣв-
ны, и благочестивой и благовѣрной
Государыни Царевны и Великой Княж-
ны Маріи Алексѣвны, и благовѣрной
Государыни Царевны и Великой Княж-
ны Θεодосіи Алексѣвны, и благо-
честивой и благовѣрной Государыни
Царевны и Великой Княжны Нашалии
Алексѣвны, Вашего Царскаго Вели-
чества сестрѣ, многолѣтнаго здра-
вія. Вели, Великій Государь, наше
невинное и странное раззореніе воз-
вратишь за невинность нашу, честь
мою и чинѣ сынишка моего, копо-
рыми помилованы отѣ Бога и по-
жалованы были отѣ отца швоего
Государева, Великаго Государя, ша-
кожде и отѣ тебя милосшиваго Вели-
каго Государя, да возвратишься на
насѣ, и да покрывается невинное и
странное безчестіе нагошы нашей ва-
шею

шею Великаго Государя милостію, и живописки наши, дома, и помѣстья, и вопчины возвратишь; и вели насъ изъ сего започенія взяшь къ Москвѣ, чшобъ мы, холопи швои, Господа Бога на всяко время просили о вашемъ Государскомъ здравіи; а и на Мезень по швоему Великаго и милостиваго Государя указу велѣно насъ, холопей швоихъ, переволочъ отъ Пустоозерскаго и горькослезнаго мѣста, и отъ моря къ шомужъ пустому морю, за шюужъ шѣсноюю и спражею шемничною; а и на Мезени намъ, холопемъ швоимъ, шунедашелей нѣшъ; а что швоего Великаго и милостиваго Государя жалованья дано изъ Мезенскихъ доходовъ сто пятьдесятъ рублей, и шого будетъ на день намъ, холопемъ швоимъ, и сиротамъ нашимъ по шри денежки, а на иные дни и не будетъ по шри денежки, а на одежду намъ швоего Государскаго милостиваго указу нѣшъ. А и прошивникамъ церковнымъ, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена, и дѣши, и шѣмъ швоего Государева жалованья на день по грошу на человѣка, а на ма-

лыхъ по три денежки; а мы, холопи
 твои, не прошивники ни церкви, ни ва-
 шему Царскому повелѣнію; а хлѣбъ
 твоего Государскаго жалованья, въ
 твоей Великаго Государя грамотѣ на-
 писано, ржи двѣсши чешвершей, овса
 пятьдесятъ чешвершей, ячмени тожъ;
 а мѣрю нынѣ вашимъ Великаго Го-
 сударя указомъ, мѣденою мѣрою: все-
 го будешь ржи 115 чешвершей, овса
 28 чешвершей, ячмени тожъ, и того
 ради вашего Государскаго жалованья
 радуемся и плачемъ. Плачу, что вели-
 кій сѣдиною, деревенъ работами, свер-
 станъ кормомъ яко со единопшными,
 иже маперемъ своимъ еще не дѣла-
 шельными, и почишаю и радуюся,
 что хоша и во гнѣвѣ, а милосердіе свою
 Государскую помянулъ еси, а о сугу-
 бой милости на тебя Великаго и ми-
 лостиваго Государя надежда наша; и
 за сіе твое Великаго и милостиваго
 Государя жалованье мы, холопи твои,
 Вашему Царскому Величеству къ спю-
 памъ рабски припадая, съ усердіемъ
 предъ пресполомъ вашимъ лицами къ
 лицу земли челомъ бьемъ, и паки дол-
 жны во вѣкъ живота нашего о ва-
 шемъ

шемъ Великаго и милосердаго Христї-
 янскаго православнаго Государя и Ца-
 ря, Всевысочайшаго Царя Царемъ и
 Бога молиши, а частымъ челобитьемъ
 нашимъ къ тебѣ Великому и милосер-
 дому Государю не докучаемъ, нуждѣ
 ради нашихъ и тѣснощѣ въ шесть
 лѣтъ, прешю челобитную послали
 къ вамъ Великому Государю, а бу-
 дешъ холопи твои совершенныя Ваше-
 го Царскаго Величества милоспи не
 доспойни за службу, и кровь, и за
 работы наши всякія, и за безвинство
 наше къ Москвѣ взяшь не укажешь,
 какъ раба наша взята и за вину съ
 Коломогоръ; вели наше невинное и
 странное раззореніе возвратишь, да
 престанешъ плачь нашъ къ Богу, и
 вели насъ взять въ деревнишки наши
 хлѣбныя, чшобъ мы, холопи твои,
 за васъ, Великаго Государя, и за весь
 вашъ Государской домъ Господа Бога
 молили. Милосердія, милоспи, уми-
 ленія и оспрады просимъ. Премилоспи-
 вый Царь Государь! умились.

Человитныя егожъ Боярина Артемона Сергѣевича, пѣ такопомъ же числѣ и о томъ же непопинномъ его очищеніи отъ ненаписти и злобы при преждевыпшемъ его Блярскомъ заточеніи изъ Густоозерскаго острога и тѣхъ же лѣтъ, и съ тѣмижъ пыщепомянутыми посыльщики пѣ Москву посланы были ко Святѣйшему Кирѣ Іоакиму, Архіепископу Московскому, и всея Россіи, и пѣхъ съперныхъ странъ Патріарху.

ПЕРВАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому господину, Архіереемъ Архіерею, и Пасшыремъ Пасшырю, Святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому, и всея Россіи, не имбющій помощи и заступленія, развѣ всемилошпиваго Бога, и себя, Его великаго Архіерея, кѣ милосшивому и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Θεодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бьешъ челомъ убогой и до конца разворенной Аршешка Машвѣвъ съ убогимъ сирешою, съ сынишкомъ своимъ Андрюшкомъ. Дашовица егда
осла-

ослабѣши, и не можешъ зноя мразна
 стериѣши, бѣгаешъ въ сицевыя мѣ-
 сна, идѣже теплый и тихій воздухъ
 дышетъ: тако и азъ, не могій прочее
 сицева проживна въшра дышущихъ за-
 вискию чловѣкъ понести, шамо при-
 бѣгаю, идѣже есть необуреваемая ми-
 лость и тишина; сіе есть къ заступ-
 ленію вашему: извѣстилъ бо ся, и
 видѣхъ очима моима бываемая вами,
 яко прибѣгающіи подъ покровъ вашей
 свяности тихій, и яко на камени
 твердѣ полагающіи основаніе храми-
 ны. Сіе есть упованіе, на заступле-
 ніи вашемъ непопояляеми бывающъ
 волненіи водными, и не раззоряеми
 обрѣтаются въшромъ праведнѣ, чело-
 бишную мою у святѣйшаго престола
 полагаю. Се уже прешіе лѣшо, вели-
 кій господинъ, начали плакати горь-
 кими и кровавыми слезы по престав-
 леніи благочестиваго и милостиваго и
 приснопоминаемаго, блаженныя памя-
 ши Великаго Государя Царя и Вели-
 каго Князя Алексѣя Михайловича, всея
 Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
 держца, воспоминая милость къ себѣ
 отъ него, Божія Помазанника, обыч-
 ную,

ную, святѣйшій великій господинѣ милоспію моя прошенія, паче слезами, а не черниломъ писанная прорасуждая, яже мнѣ ко удержанію нужнѣйшая не презри. Кто же сице многобѣдспвуемы, спраждая и болѣзнуя, и обрѣщается якоже азѣ, иже по скорбехъ, не почію отъ друговъ явственныхъ, но и отъ друговъ присныхъ, иже во овчихъ кожахъ лицемѣрспвующіи, ихъ же отъ дѣлъ ихъ вѣмъ, яко Свяшительспво ваше позна, нѣсть ничто же тайно, еже не отъкрывается вамъ; и сіе къ тебѣ, великому господину, пишу, и не инымъ вѣнню, либо кто вѣнишся совѣстію своею; но къ тебѣ, которые у меня служили и работали, тебѣ же на мя и возсшали, да воздастъ имъ Господь Богъ по дѣломъ ихъ, о тебѣхъ не убо егда оболгуемъ, отъ инѣхъ убо егда навѣшумъ кая, ни единъ, или не мнози отъ древнихъ поспрадаша: будутъ бо, рече, врази челоуку домашній его. Кто когда мужеубійца осужденъ есть, не сущъ на судѣ обличися. Кто свяшокрадца, или чародѣя, и иныхъ заповѣданныхъ зако-

закономъ бывшій дѣлашель не сущъ на судѣ, опосланъ естъ изгнанію за совѣсть судіи; законъ бо повелѣваетъ, да предъ судією испещъ и отвѣпчикъ предстанутъ; судіяжъ ожидаетъ извѣштовъ и доводовъ на лицѣ, и тогда, или яко невинна оппустишь; или яко винна осудитъ. Предъ Бойры Давыдко лѣкаръ въ разпросѣ сказалъ, что человѣкъ мой Захарка, а разпросѣ и оправданіе его, что онъ очищалъ, писано въ первой челобитной. Мнѣ же, Великій Свяшитель, вина сказана, что шой книги безъ указу и безъ розыску жечь не довелось, помня спрахъ Божій и Великаго Государя; и я, овца швоего спада, спрахъ Божій и благочестиваго Великаго Государя имѣлъ, и имѣю; и имѣши не прешану до послѣдняго моего издыханія. Гдѣ, Великій Свяшитель, по мое слово, чтобы я приказалъ книгу сжечь, и кто о томъ сказывалъ? Человѣкъ мой Ивашка Еврей; чему тому повѣрено? Хошябъ и не сиропина мой, онъ же человѣкъ мой Ивашка Еврей сказалъ: что онъ приказалъ женѣ своей сжечь; а жена его сказала, что

по

по приказу мужа своего сожгла она Свидѣшель ми еспь Господь Богъ, иже вся вѣспь прежде бышя нашего, что слукавствовалъ на мя, не претерпя пышки; а я не зналъ того ничего, какъ между ихъ было, а всѣхъ выше-писанныхъ лицъ рѣчи разны и несогласны. А въ извѣстныхъ дѣлахъ, Великій Свяшитель, прошивъ законовъ Великихъ Государей, рѣчи сводящъ милосердо, и буде не согласны, и тому не вѣрящъ; кому повѣрено, и раззоренъ безъ остатку, и учиненъ нищимъ, не имѣя вины. А что Степанъ Докшоръ и Переводчикъ Николай Спатарій, и Иванъ Соловцовъ, то сначала, что сказали, того и въ сказкѣ мнѣ въ Казани не чли, что они меня и себя очисшили, или на меня и на себя говорили. Человѣкъ мой Ивашка Еврей умирая говорилъ, что я книги у нихъ не видалъ, и ему Ивашкѣ, и женѣ его жечь не приказывалъ; и сіе слово и невинность мою кровію и смертію своею закрѣшилъ, ни сказкѣ моей допросной за рукою моею повѣрено, еще сущу Бояриномъ, ни Думному Дворянину Федору Прокофьевичу Соковнину,

нину, ни Думному Дьяку Василью Семенову, по осмотру въ рухлядишкѣ моей, что такой книги нѣтъ и не бывало, не повѣрено ни отцемъ моимъ духовнымъ, ни шремъ челоѣкомъ племенникомъ моимъ, которые жилище имѣли у меня; ни девяти челоѣкомъ людишкамъ моимъ, которые у меня непрестанно жили, не повѣрено; единому же вору лѣкарю Давыдкѣ, и по непопребному, повѣрено. Кто же бы, великій господинъ, тако окамененно сердце имѣлъ, видя вся предъ собою жестокая, не возрыдалъ и не восплакалъ? Судимъ, не представъ суду, и осужденъ есмь зачоченію. Законы Великихъ Государей, великій Свяшитель, не допускаютъ выдаши челоѣка на раззореніе и погибель, прежде даже оклеветаемый не имать предъ лицемъ клеветующихъ его, и мѣсто отвѣта пріиметь о своемъ согрѣшеніи, и не судитъ законъ челоѣку, аще не слышитъ отъ него прежде, и разумѣшь, что творитъ; мнѣжъ не точію возбранено стати суду, но еще и далече сушу отослану, да враги мои, доводчикъ Давыдка, ближай-

жайше и лучше возмогутъ на мя ядѣ неправедно изблевати, не бѣщу опивѣщающу. Но что глаголю, судѣ Божій, идѣже нѣсть лицепріянія, сей истинною и правдою разсудишѣ ны; но и прочая помненія лѣтъ ми воспоминаши, еже къ пользѣ всякихъ моихъ прудовъ, къ славѣ, къ пространству царства благочестиваго Великаго Государя, кая не мноу ушаенна быши Святительству вашему и за шолікія службы, и крови, и всегдашнія смерти пріобрѣщенной чести лишихся и имѣній, еще прежде житія моего прожишыхъ пострадавши, и нынѣ утвержденну и изнемогшу старцу съ червемъ моимъ, ни пристанища, ниже мало мѣсто имѣши; обаче ниже сія мучишѣ мя. Свидѣтель ми есть Богъ, ниже о чести, ниже тако о славѣ пекуся, но яко безчестію моему безъ вины быти исправлену хошу, кромѣ тебѣя, пастыря Христова, не имѣю никого, ошо всѣхъ обнаженъ и не воспоминаюшѣ преждебывшаго. Помощь моя опспуи, и опверже мя милость и не возрѣша на мя ближніи мои, познаша чужа, неже мене, и друзи
мом

мои немилостивіи быша, и вѣдущіи
 имя мое забыша. Отъ многихъ при-
 славовъ и карауловъ такъ спѣсненъ
 и вѣ пущи шакія нужды воспріялъ,
 что исписати швоему Архіерейству
 не возмогу; не шокмо что воспомина-
 ная законъ Божій, мнѣ кая ослаба
 учиниши, но и шого не могъ упро-
 сиши съ горькими и кровавыми слезы,
 чтобъ принялъ вѣ Казани мои че-
 лобитныя и прислалъ къ Великому
 Государю, и къ шебѣ, великому го-
 сподину; имѣють бо силу и сильныхъ
 дружбу. А я бѣдной имѣю шолько
 слезы и въздыханіе, воспоминаая сло-
 веса, еже рече Господь Аммосомъ Про-
 рокомъ: Дніе праздникъ вашихъ обра-
 щаяся вамъ вѣ плачь и рыданіе.
 Умилосердися милостивѣйшій великій
 господинъ, Святѣйшій Іоакимъ, Патрі-
 архъ Московскій и всея Россіи! за-
 спуши и упреси волнуемаго бѣдами
 и плачущаго у вашей Архипастырскія
 любве милости, еже прирѣвши на
 смиренное мое прошеніе, вспомяни
 милость свою ко мнѣ, и невинность
 мою, и раззореніе мое къ милости-
 вымъ ушесамъ Великаго Государя,

благочестиваго Царя и Великаго Князя Θεодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца: Принеси, чтобъ онъ Великій Государь прошенія ради вашего Святишельскаго челобитную мою предъ собою Великимъ Государемъ и предъ тобою, Архіереемъ Божіимъ, и предъ всѣми Бояры велѣлъ прочести, и разсудити милосердо, и чтобъ онъ, Великій Государь, насъ бѣдныхъ, неимѣющихъ помощи, не заставилъ спранствовать межъ чужихъ жилищъ, и изъ сего заточенія велѣлъ взять, и изъ за приспава свободить, и жить намъ бѣднымъ и за него Великаго Государя, и за его Государской домъ Бога молить, гдѣ его Государская милоспивая воля будетъ. Подай въ заключеніи сущу цѣлебную руку; и о семъ непрестанно молю, и не опчаяваюся вашимъ Святишельскимъ всемошнымъ заступленіемъ, вспоможенъ и помилованъ быти желаю. Великій господинъ! умилися.

ВТОРАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому господину, Архіереомъ Архіерею, и пасшыремъ пасшырю, и ошцемъ ошцу, Святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Россіи, всеконечнѣ раззоренныи и ни отъ кого милости и помощи и засшупленія въ раззореніи и въ невинносшяхъ своихъ неимѣющіи, развѣ всесильнаго и всевысочайшаго Бога, и тебя, Его Архіерея. Бьютѣ челомъ Аршемошка Машвѣевъ съ убогимъ своимъ червемъ сънишкомъ Андрюшкомъ. Въ первыхъ моихъ, великій господинъ, челобитныхъ, кошорыя писаны въ Казани во 185 году, Іюня въ 13 день, и не приняты, а приняты въ Пустоозерскомъ и посланы къ Великому Государю, и къ шебѣ великому господину во 186 году, Іюня въ 26 день, и въ шѣхъ обѣихъ моихъ челобитныхъ старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наипаче всего гнѣва ради Государскаго и опалы, и ошлученія отъ Государскія милости, и раззоренія моего всеконечно обезпамятѣль, и многое, что видѣль въ Божешвенномъ

писаніи, и то безпамятствомъ своимъ не написалъ; а что воспоминавалъ для очищенія себе, чшобъ паче невинность моя предъ Великимъ Государемъ и предъ шобою отъ лукавыхъ и злыхъ сердца челоувкъ очищились отъ вора лѣкаря, и челоувка моего карлы Захарки написано: Великій Свяшитель! въ извѣстѣ Давыдки лѣкаря, что сказывалъ ему челоувкъ мой карла Захарка, какъ будто мы чли книгу съ Степаномъ Докторомъ и съ Переводчикомъ съ Николаемъ Спатаріемъ, и въ то время будто пришло къ намъ въ избу нечиспыхъ духовъ множесшво; и то, великій Свяшитель, по наученію лукавыхъ людей зашѣялъ воръ Давыдко, хотя себѣ свободы отъ правезу. А челоувкъ мой карла сиропина, убояся страху и мукъ, не шокмо такой сиропина увѣчной, но многіе въ крѣпости и въ силѣ, не шерпя мукъ, клеветушъ на людей невинныхъ, но и сами на себя говоряшъ, чего не дѣлали. И тѣхъ, великій господинъ, дѣлъ по приказамъ много, а я отъ воровскаго ихъ составу и наученія очищаюсь Боже-
спвен-

ственнымъ писаніемъ, какъ о томъ
 учили церкви пишушь. Не про-
 гнѣвайся, великій Архіерей Божій, на
 овцу, сплученную спада швоего, аще
 и паршива нынѣ ненависшію токмо
 швоего спада, что дерзнулъ написа-
 ти въ челобитшѣ своемъ ошъ писанія
 не яко невѣдущу тебѣ, но да вспо-
 мяну для очищенія невинности моей.
 Свяшій Апостола и свяшій Іоаннѣ
 Дамаскинѣ, и иные глаголюшь: ошъ
 живыхъ сущихъ никому не возможно
 видѣши духи чистые и нечистые,
 какъ о томъ свидѣтельствуемъ слово
 трешіе въ Маргаритѣ, бысшь, рече,
 яко день сій, и прідоша Ангели Бо-
 жіи предсташи Господеви, и діяволѣ
 посредѣ ихъ. Убо со Ангельскою ли
 службою предстоитѣ діяволѣ, и по-
 средѣ свяшыхъ духовъ нечистый
 духъ предстоитѣ. Никакоже, ниже бо
 свяшій Ангели предсташа Богови шѣ-
 леснѣ; но всяка служба предстоянїе
 глаголется сїде, и діяволѣ сїз не на
 небесномъ мѣстѣ, шїже въ премирныхъ
 силахъ, яко созданіе Божіе, повелѣва-
 емъ бываетъ швориши подобающа въ
 шроителствѣ. Великій господинѣ! въ

человѣцѣхъ свящїи Ангели посылаемы
суть, на беззаконныхъ же человекѣхъ
муки бѣсове повелѣваемы суть. Егда
свящїе Ангелы поминаешъ Павелъ, гла-
голетъ: не всѣ ли суть служебнїи ду-
си на служенїе посылаемы ради хо-
пящихъ наследовати спасенїе. Ошню-
ду же вѣдомо, яко свящїи Ангели
служашъ на человекская благопослѣ-
шесшва; горцїи же бѣсове на грѣш-
ныхъ мученїя. Посла бо, Давыдъ ре-
че, на Египетъ ярсшь и гнѣвъ и
скорбь посланїе аггелы лютыми. Лу-
кави убо и нечистїи бѣсове аще и
ошпадоша предложенїемъ, но подѣ
игомъ лежатъ работѣ. Сего ради
ошвѣщаваше на Ахава, Богъ глаголетъ:
Кшо поидетъ и прельститъ Ахава,
и падетъ? Ошвѣща духъ лукавый: се
азъ; вѣдѣше бо, яко на сіе учиненъ
естъ дїяволъ. Посылаютъ же ся и къ
праведнымъ, не яко мучашъ, но да
искусятъ; понеже Ангелъ святъ, по-
служити искушенїю не повелѣваемъ
естъ; не бо Богъ повелѣваетъ не-
досшойное Ангелу. Сего ради бѣсове
на сіе повелѣваемы суть на искуше-
нїя; не гласъ бо исходитъ ошъ Бога

и лукавому бѣсу, ниже сподобляется сего прешупное оно произволеніе, естество бо благо, предложеніе же зло; діаволь бо не естества естъ имя, но произволеніе: не бо діаволь бысть изъ начала, и не сотворилъ Богъ діавола: но Ангелъ убо созданъ бысть, діаволь же именовася, яко оболгали Бога человѣкомъ и человѣка Богу. Свяшый Евангелистъ Матѣей, зачало 75, глаголетъ: первѣе сошвори Богъ изъ небышїа въ бышіе разумную шварь родовъ Ангельскихъ существо безплошное, неосязаемое, духи невидимїи и свѣшлости и красоты неизреченной. Книгажъ, свяшый Владыко, ключъ разумѣнїа, глаголетъ: два естества наи-честнѣйшїа Богъ сотворилъ: Ангельское и человѣческое, на образъ свой и подобіе. Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Библии: Сотворимъ человѣка по образу своему и по подобїю. Обаче не по тѣлу, но по душѣ человѣкъ естъ образомъ Божїимъ. Богъ естъ всевысочайшїй, невидимый, и Ангелъ невидимый, и душа человѣческая невидимая. Златоустый же глаголетъ въ Маргаритѣ бесѣда 5: что естъ душа,

убо воздухъ ли, или духъ, или вѣтръ? Но ни что же ошъ сихъ рекутъ; сіа бо вся шѣлеса суть. Къ Коринѣомъ правоученіе 29: аще бы мощно было изврещи изъ шѣла душу неправеднаго, и видѣль бы еси ю, но не возможно. Правоученіе 23: аще бы души нагіа можно видѣти, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо мершвы естъ видѣти, иныя же уранены плоти, а души видѣти не возможно. Во правоученіи къ Колоссаемъ 11: аще шѣлу разсѣкшу, коегождо душу можно было видѣти, показалъ быхъ, но не возможно. Въ Маргаритѣжъ, великій господинъ, воеже предста Царица, шой же злэшпрунный глаголетъ о добродѣтели шѣлеснѣй: что естъ доброта шѣлесная, явѣ естъ, яко ошъ естества, а не ошъ произволенія. Онъ же глаголетъ: пойдѣмъ къ души, зри ону; не бо можеша видѣти ю, невидима бо естъ. Іоаннъ свяшый Дамаскинъ глаголетъ, книга 1: въ насъ естъ духъ ошъ нашего естества, ниже воздухъ естъ вдохновенія и ошъ духновенія вдыхаемо и ошдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что

что рцемъ, и гласъ слово учиняется
 и на воздухъ разсыпается. Древній
 же Философъ Сократъ, его же похва-
 ляетъ свяшій златорунный языкъ
 въ нравоученіи 125, всѣхъ сущихъ
 любомудріемъ одолѣвая, глаголетъ:
 солнца убо плоть видяшъ вси человѣ-
 цы, духа же плоти ни единъ мо-
 жешъ видѣши. А о измѣнѣ существа
 ихъ духовъ нечистыхъ, и низвер-
 женныхъ, и проклятыхъ, никто не
 написалъ, чшобъ естеству ихъ была из-
 мѣна, какъ Злашоустый глаголетъ:
 естество благо, предложеніе же зло;
 и какъ глаголютъ святіи Апостоли,
 Петръ, зачало 66 втораго посланія:
 аще бо Богъ Ангеловъ согрѣшившихъ
 не пощадъ, но плѣницами мрака свя-
 завъ, предасъ на судъ мучими блю-
 сти. Іуда, зачало 77: Ангелъ же не
 соблювшихъ свое начальство, но
 оставльшихъ свое жилище, на судъ
 великаго дне узами вѣчными подъ
 мракомъ соблюде. Человѣкъ же мой
 карла въ разпросѣ сказалъ: спалъ за
 печью и храпѣлъ, а видѣлъ; и въ
 томъ свидѣшельствуюсь писаніемъ же
 къ Римляномъ. Нравоученіе 24 глаго-
 летъ;

леть: азъ убо сіе реку, иже въ глѣ-
боцѣи ноши спящимъ же и храпящимъ
уподобимся вси, и аще мощно су-
щество безплотное было видѣши, по-
казалъ бы вамъ, како убо множайшіи
храплютъ, и дїяволъ прокопываетъ
стѣны, и заколаетъ лежащихъ, и
ошѣмлетъ сушая внутрь сои; спяй
бо убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже
благо. Се, великій и премилосливый
Архіерей Божій, не возможно видѣ-
ши духи нечислые. Божественному ли
писанію вѣришь, или ворамъ и плу-
тамъ, и составщикомъ лѣкарю орабъ
одноокому, и исчадію его карбъ? Че-
го и помыслить не возможно, то на
меня, видя меня милости и помощи
оплученна, зашѣяли. А сверхъ сего
свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ,
неусыпнаго Его не ушаишься очесе,
и прежде грѣхъ содѣяши, видя душу,
не требуетъ свидѣтелей, иже вся вѣ-
дый. Какъ на страшнемъ Его Божіи
судѣ вшати? Не токмо словомъ, или
дѣломъ, но и помышленіемъ своимъ
ошѣ сихъ всѣхъ дѣлъ чистъ, что ни
нанесено на меня Великому Государю.
А что прежняго Давыдкова воровства
не

не писалъ безпамятствомъ своимъ въ челобитныхъ своихъ къ Великому Государю, и къ шебѣ великому господину, и те нынѣ объявляю. Воръ Давыдко сказалъ, что онъ, будучи у меня во дворѣ, будто видѣлъ, что мы, запершись въ палатѣ, чли черную книгу, я, работникъ твой, Стефанъ Докшоръ, Николай Спатарій, а онъ Давыдка будто вшелъ къ намъ въ палату изневѣстнымъ дѣломъ. И ты, великій Архіерей Божій, разсмотри и разсуди милосердо: въ запершую палату кто видѣши можешъ сквозь стѣну, кто что дѣлаешъ? Въ запершуюжѣ палату кто изневѣстно входитъ, покажѣши кого позовутъ и пускаютъ? Запворенному внутрь уду врагъ не возможно есть избѣжати, такожде не возможно пройти внутрь, бывъ внѣ. Сіе ли, великій господинъ и свяшый Владыко, не явное воровство наученное, и не составъ явно ложной отъ безумныхъ? Слова ихъ судятъ, и осуждаютъ ихъ самихъ. Словомъ человекъ своимъ осудился, словомъ и оправдился. А допрашиванъ ли онъ воръ Давыдка, или нѣшъ, какъ видѣлъ онъ

сквозь

еквозь еѣну палаты и въ запершую палату внезапно какъ входилъ, того мнѣ, работнику твоему, въ Казани въ сказкѣ не сказано. А что сиропина мой карла вралъ, и къ шѣмъ его рѣчамъ и свидѣтель учиненъ косто-правъ. И тотъ мой сиропина, убояся еѣраху, внѣ себя вралъ, и рѣчи его въ одномъ дѣлѣ всѣ врознь. Первое передъ всѣми Бояры сказалъ, что онъ спалъ за печью и храпѣлъ; я будто услышалъ, и сорвавъ съ него шубу, вышолкнулъ черезъ порогъ въ другую палату. Въ другой его сказкѣ онъ же карла Давыдкѣ вору сказалъ, что онъ боленъ отъ моихъ побой. Въ шрешей сказкѣ костоправу Ивану Максимову онъ же карла сказалъ и прибавилъ и два ребра. Однѣ мои побои явились шрожды, а всѣ врознь. А въ первой своей сказкѣ предъ Бояры того не сказывалъ, что я переломилъ ему два ребра; и прошивъ указу Великаго Государя и уложенья вѣрить ему не доведется. А переломилъ ему два ребра Иванъ Соловцовъ, а не я; и какъ переломилъ, свидѣтели есѣ два человекѣ людишки

ки

ки мои, копорые нынѣ по указу Великаго Государя свободны, и бояшися имѣ нынѣ меня не для чего; и есѣли воля Государская будешѣ сверхѣ Лаишевскаго сыску сыскашѣ, воля его Государская. А допрашиванѣ ли Иванѣ Соловцовѣ и карла, и что они сказали, того всего не вѣдаю. А что свидѣтелемѣ учиненѣ мнѣ костоправѣ, и костоправу быши свидѣтелемѣ не возможно; для того что самѣ не видѣлѣ, что я переломилѣ; другое, что я на него вѣ свидѣтельствѣ не слался. Костоправѣ что у карлы слышалѣ, то и сказалѣ, что Думной Дьякѣ Даріонѣ Ивановѣ, и Алхимистѣ Иванѣ Ефимьевѣ, и челобѣкѣ мой Ивашка Еврей говорили: и то, Владыко свяшый, мнѣ ко очищенію, а не къ винамѣ. Думной Дьякѣ сказалѣ: смолрѣли книжку, съ часовникѣ величиною, и послалѣ вѣ аптеку, а съ кѣмѣ, того не упоминѣ; и что видѣлѣ вѣ ней, благое ли, или злое, и цыфирью ли писано, и того о той книгѣ не сказалѣ. А книгу, великій Свяшитель, у меня Думной Дьякѣ смолрѣлѣ, что устроена вновь при мнѣ на Славян-

вянскомъ и на Лашинскомъ языкахъ о
лѣкарствахъ съ цѣною, чтобъ сверхъ
успаву лишнія цѣны не имали. А что
онъ, не памятуя шоя книги, которую
видѣлъ, а вмѣсто шой обѣ иной ска-
залъ, которой не бывало, и за то
Господь Богъ мздовоздаятель. Дѣло,
великій Архіерей Божій, объявляетъ
невинность мою: чего ради было мнѣ
казать книжку, въ которой было что
непошребное? Второе, чего ради мнѣ
казати ему же Думному лечебникъ и
говоришь: принесли мнѣ книжку, го-
дисяль въ аптеку, вѣдая о томъ,
что Думной Дьякъ Ларіонъ Ивановъ
Докторскимъ и Медицинскимъ и Ал-
химистскимъ наукамъ не искусенъ? Че-
го ради было мнѣ посылаши шое кни-
жку къ Докторамъ, вѣдая, что Док-
торы всѣ не искусны Славянскому ре-
ченію и цыфирнымъ сшашьямъ? Кто
бы, великій господинъ, многое богаш-
ство, злато и ризы многоцѣнны, и
даровалъ мнѣ, и за сія хотѣлъ бы
взяши очи мои, не далъ бы я; и аще
бы далъ, шогда бы былъ безумнѣй-
шій и паче .всей швари. Аще же тако
щажу око шѣлесное, и вся прошиву
ему

ему ничто же вмѣняю, то кольми па-
че достоитъ храниши око душевное
ума, да не будешь зашмѣнь. Не хо-
тѣлъ бы за сію малую и мнѣ непо-
требную книжку, лечебникъ, наслѣдіе
родившаго мя и пожизки, прижизные
службами, и работами, и кровавыми
моими пошамы, погубити, которые
чрезъ шестьдесятъ девять лѣтъ на-
жишы; могъ бы я, и разумѣлъ, что
злое видя въ той книжкѣ, безъ ап-
теки, и не показавъ Думному, и не
посылая къ Дьяку и къ Докторамъ
на свидѣтельство, въ домишкѣ безъ
свидѣтелей сжечь. А человекъ мой
рѣчи свои перемѣнилъ, и сказалъ, что
онъ взялъ у Алхимиста, а не у меня
украсть, и женѣ своей приказалъ сжечь.
А Алхимистъ сказалъ, что далъ ему
Алхимисту человекъ мой Игнашка,
а не я. А какая, великій господинъ,
межъ ихъ была книжка, и я того не
вѣдаю; всѣ рѣчи врознь, и Великаго
Государя указу прошивны, а мнѣ ко
оправданію, а вору Давыдкѣ и карѣ
человѣку моему къ винѣ; и мнѣ, ве-
ликій Свяшитель, вмѣсто оправданія
со всѣхъ розныхъ и несогласныхъ ска-
Р зокъ,

зокъ, копорымъ указъ Великаго Государя и уложеніе не повелѣвають въришь, а вины и неправды написаны мнѣ и сказаны, копорыми невиненъ. Мнѣ же, великій господинъ, вина въ сказкѣ моей наведена, какову я далъ Полуголовъ Алексѣю Лужину, что будшо далъ я сказку ложно; и я какъ далъ сказку, такъ и въ дѣлѣ явилось: человекъ мой Ивашко не крадывалъ, взялъ у Алхимиста, а Алхимистъ сказалъ шѣ же рѣчи, и сказка моя за что учинена лжива, а моеѣ лжи и неправды нѣшѣ, а раззоренъ шуне, не имѣя вины. Мнѣ же, Архіерей Божій милоспивый, сказано, что книги безъ указу Великаго Государя, помня Божій спрахъ и его Государской, и безъ розыску жечь не доведось, а извѣспити было объ ней Великому Государю. Гдѣ, Владыко Свяшый, то мое слово, что я приказалъ сжечь, или на себя говорилъ, или иніи свидѣшельствовали? Никшо, кромѣ человека моего Ивашки Еврея; и шотъ рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что онъ взялъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и мнѣ было извѣ-

вѣ-

вѣщати Великому Государю нечего и ни на кого не имѣю; а спрахъ Божій и Государской имѣль и имѣю, и имѣти не престану до послѣдняго издыханія. За что, Владыко свяшый, шѣ отспавлены, копорымъ законъ Божій и Великаго Государя указъ и уложенія повелѣвають вѣришь? Отцы мои духовные, Преосвященный Архіепископъ Симеонъ Тверскій, Успенія Пресвятыя Богородицы Прошопопъ Кондрашъ не допрашиваны, и не повѣрено обыску и осмотру живошовъ моихъ и всей рухляди моей, и вездѣ пересмотру на дворишкѣ моемъ и въ Лаишевѣ, какъ обыскивали и осматривали Думной Дворянинъ Ѳедоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, да Думной Дьякъ Василій Семеновъ; а книги и ничего прошивнаго Богу и измѣны моей, осматривая писемъ, никакія не нашли, а писемъ Посольскихъ взяли много; сыскужъ о той книгѣ, что они сыскивали, и въ сыску было два человекъ спряпчихъ, одинъ человекъ Дворянинъ Московской, девять человекъ людишекъ моихъ, что такія книги нѣшъ и не бывало. Сверхъ се-

го Думной Дьякъ Ларіонъ Ивановъ, стряпчій Иванъ Соловцовъ, Докторъ Степанъ, Переводчикъ Николай Спатарій, Алхимистъ Иванъ Ефимовъ. Мнѣ же еще въ то время по Государской милоспи будучи Бояриномъ, и всѣмъ вышеписаннымъ дваццати чело-вѣкомъ не повѣреножъ; единому же домишка моего сиротинѣ увѣчному и вору однокому повѣрено. За что спражду, не вѣмъ; уже раззоренъ, уже всякія милоспи лишенъ, опшорженъ, сверхъ сего въ шаковое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской, не токмо купишь часнъ мяса, или колачъ, или какія нужды, по-лребныя для пици и хлѣба, на двѣ деньги купишь, не добышь, и нѣшъ и не знають шого съ почашку, какъ жишь почали; единъ борщъ ъдьяшъ, да прибавливають по горсти муки ржаная, и то пожиточные люди. Не токмо, великій господинъ, купишь что, имени ради Божія выпросишь милоспыни не у кого, да и нечего; для шого что сами просяшъ, и дашь некому и нечего, и бредушъ врознь, а доспальные на тошъ же пушь смо-
стряшъ

шрятъ глада ради. А у меня по милости Великаго Государя что не опяшло было, и по водами и горами и переволоками пошоплено, вышочено; приближается до того, что прежде времени со всякихъ нуждъ душа изврещи. Чаялъ, Архіереи Божіи предшпашельспвовашъ о мнѣ будущъ, видя мои невинности и раззореніе всеконечное, но пустьъ помощи, обнаженъ заступленія и укрѣпляющаго не имѣю; много бѣдъ шуне и всеу и спуженія надшекаетъ; всѣмъ предложу хопящимъ обидѣши мя, аще кто благодѣтельствовалъ быль благодѣшельство забы оной; аще кому что случилось кромѣ меня, памятозлоствуютъ и гнѣвъ на мя испущаютъ. А въ шаковомъ започеніи, и въ шакой нуждѣ и шѣсношѣ голодъ, холодъ, дымъ, поношеніе всечасное и спѣсненіе спражи, только душа не извержешся, и исписати не возмогу, многобѣдствомъ не имѣя вины. Умилосердися, великій господинъ, святѣйшій Іоакимъ Паптріархъ Московскій и всея Россіи! буди предшпашель о мнѣ невинномъ и шуне всеконечно

раззоренномъ , неимѣющій ни отъ ко-
го помощи , у благочестиваго и Вели-
каго Князя Θεодора Алексѣевича, всея
Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи
Самодержца, Государя премилослива-
го; подай благодать свою яко миро-
благодать даетъ причащающимся ,
тако и слово благо. Сего ради и гла-
голаше нѣкто мироистощенное имя
швое олдыхати шворящее отъ благо-
вонія онаго, даждь славу имени Всевы-
сочайшему по заповѣди Его, еже рече:
милости хочу, а не жертвы. Тоже
воздаяніе есть, и седмерицею воздастъ
ли въ вѣчномъ воздаяніи радость не-
изреченную, и ликостояніе со свя-
тыми у престола Его всевысочайшаго
Царя Царемъ и Бога. Началоводецъ
людей Его, Архіерей, Владыки Хри-
ста рабъ истинный! сотвори милость
ко мнѣ спранному и нищему. Живъ
Господь Богъ мой, ничтожъ вѣмъ да-
же до днесь, горе старости моей, и
оскорбленному безо всякія вины, зло-
получному милость равно Ангеломъ со-
творяй, о томъ сама Истинна глаго-
лешъ въ писаніи: шворите милость,
да вамъ милостивъ будемъ Владыко
Гос-

Господь. Вся бо, милоспивый Архіе-
рей Божій, аще восхощеши милоспъ
исполниши, исполнишь, яко чиномъ и
еспешствомъ благъ и милоспивъ; по-
чю да не презриши прошеніе наше
слезное, наведи свобожденіе злымъ;
ничпожъ прочее о насъ чаеися ино,
почю смерти приснопослѣдствующая
скудству всякому, чшобъ Великій Го-
сударь милоспи ради своея Государ-
скія, и славы ради своему Государско-
му имени, и швоего ради предспа-
тельства, и моей ради невинности,
и шуне раззореннаго, и воспоминая ра-
боты, и крови, и увѣчья мои, какъ
въ первой моей челобитной къ нему
Великому Государю писано, велѣлъ
раззореніе наше милоспиво возвратитъ
и насъ изъ сего заключенія свободитъ
и взять, и жить намъ бѣднымъ и
всеконечно раззореннымъ, гдѣ его Го-
сударская милоспивая будетъ воля,
чшобъ наши непрестанныя и невин-
ныя кровавыя слезы ко всевысочайше-
му и всеильнѣйшему Богу престали
на шѣхъ, копоры насъ отъ ихъ Го-
сударской милоспи, и не воспоминая
суда Божія, безъ всякія нашея вины

оплучили и раззорили кромѣ всякія правды. Сирыхъ и шуне обидимыхъ кровавыя слезы и въздыханіе, и шруды, проходящъ облаки къ престолу всевысочайшему. Самъ глаголетъ: покрываю щъ слезами, въздыханіемъ и шруды жершвенникъ мой, и не имаю презрѣнныхъ обидимыхъ. А мы бѣдныя не отступимъ отъ слезъ и въздыханія грѣшныя своя молишвы, дондеже посѣшитъ шой же Всевысочайшій, и подаситъ о насъ сирыхъ и невинныхъ милосердіе и умиленіе и милость въ сердце государское. Великій Господинъ Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ! смилуйся.

ТРЕТІЯ ЧЕЛОБИТНАЯ.

Великому Архіерею Архіереомъ, и пасшырю пасшыремъ, и отцу отцемъ, и великому господину святѣйшему Іоакиму, Патріарху Московскому и всея Россіи, озлобленные до конца и раззоренные безъ вины спранно, и заточенные въ ссылкѣ на послѣднюю чер-

чершу моря, за карауломъ сѣдящіе,
 и неимѣющіе помощи ни отъ кого,
 развѣ всевысочайшаго и всеильнѣйша-
 го Царя Царемъ и Бога, и себя, Ар-
 хіерея Его, бьюшъ челомъ раби твои
 Артемошка Машвѣвъ съ убогимъ чер-
 вемъ моимъ сынишкомъ Андрюшкою.
 Молишельная моя, великій Свяшитель,
 и слезная челобитная ко пресвѣтлому
 Великому Государю Царю и Великому
 Князю Феодору Алексѣевичу, всея Ве-
 ликія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
 держцу, Государю премилосшивому,
 подобно и къ вашему Архіерейству
 разумѣхъ подаши. Егда вѣмъ свѣша
 сего оку двоима повелѣвашия быти,
 усстроися пресполомъ Царскимъ, и пре-
 столемъ Свяшительскимъ, тѣмъ же
 долженъ пріяти бѣдныхъ прошенія,
 иже не опвергаеши и сильныхъ жела-
 нію, но и осужденныхъ невиннѣ пла-
 ча виненъ послушати; обое бо прили-
 чествуетъ тебѣ Владыцѣ, и съ весе-
 лящими веселишися, и съ плачущими
 плакати; чинажѣ есть духовнаго по-
 хвала и изященъ образъ, и души
 своя не щадѣши о погибающихъ, не
 щочію слова, и не шокмо самому бы-

ти сильну, но и немощные укрѣпляти, аще нуждѣ нашихъ шѣсноша велишѣ вспомянуши, егда како духъ твой воспалю, и шебѣ яко кадило молитва ваша Свяшительская многожды загради устнѣ меча Божія. Аще тако превозмогаешѣ волю, что прошеніе Свяшительское не одержишѣ вамъ просимое, всякое на висоцѣхъ Владыко исполняешѣ; ничто же бо просиши не доспойное, возбранишѣ ли премилостивый земли Христіанскій Царь? Суть бо многая свѣдому вашему Архирейству, яже на насъ отъ коея невинности избавишися желаемъ, шочію о прилѣжномъ услышаніи молимъ, послушати благоволи. Подущеніемъ отъ любящихъ любохотнѣ, оболговаши ближнихъ вмѣняюшѣ намъ, егоже никогда же отъ насъ чаеся, свидѣтель ми естѣ Сѣдѣй на Херувимѣхъ и Видѣй въ безднѣ. Глаголюшѣ убо воры и глупцы опца злобы и пагубы отъ царства подаемыхъ, рекше духи въ палатишкѣ моей быти, что ниже кто въ правду ума чуждѣ, и явственнѣ неистовѣ глаголаши можешѣ. Ничто же чудно, аще пре-
любо-

любо дѣйствуется за ненависть отъ ненавидящихъ мя, и оною плечю расшлѣвается, сеюжь и раззореніе пріяхъ. Кто, великій Свяшитель, не вѣсть, кто не зрѣтъ ясно, яко сія вся дѣлали и дѣлають ради ненависти, возмущающе и привсѣвающе на насъ, яко во умъ нашъ никогда въздоша; а насъ, рабовъ швоихъ, ничто же увѣщаетъ о сихъ, ниже ошлучитъ отъ любви Божіа, аще и смертію кто воспрешитъ. Христіане бо есть мы, и въ законѣхъ Божіихъ живемъ, и на Него уповаемъ. Вѣмы, Архіерей Божій святой, яко милосливъ и благоутробенъ, и челоуѣколюбивъ, благій, благочестивый нашъ Царь, Его Царское Величество, егда услышитъ прошеніе швое, не отречетъ милости, и невинность нашу разсудитъ и разсудини повелитъ. Сродно бо имъ Великимъ Государямъ, и еще паки обѣщавающимся предъ Богомъ въ помазаніи на престолъ избирати, благое отъ злаго разсудити, правое отъ неправого разсмотрѣти, обидимыхъ шуне отъ ненавидящихъ отъѣяти и возбранити лукавству лукавнующихъ. Уже пятое лѣто, третію

пшію сію молишельную посылаю къ тебѣ, Владыко свяшій, челобитную, и не получу милости и заступленія за невинность мою; и не точію милости полученія, но и отвѣща милости не слышу. Или возбраняется препонами указовъ Царскаго Величества, или своея превысокія степени престола, нашея нищеты возгнушеніемъ? Однакожъ де мы, раби твои, должны милости и предшательства просити у тебе, дондеже осіаетъ насъ сѣдящихъ во шмѣ и во узахъ спражи милость и молитва ваша Архіерейская. Не повѣрь ненавидящимъ и завидящимъ, и поношающимъ насъ шуне; а мы, раби твои, не престанемъ очищать себя отъ поношенія онаго. Услыши, премилосливый Архіерей Божій, что глаголетъ Господь къ Іереміи Пророку: прежде неже создахъ тя, во чревѣ познахъ тя: и прежде неже изыти ти отъ матере си, освяшихъ тя, Пророка во языки дахъ тя. Се Божественный Пророкъ глаголетъ въ дебелое сіе плоче облеченнымъ, за неже якоже не мощно превзыти свою сѣнь, и зѣло спѣшающуся, или зримо-
му

му приближись зраку безъ сущаго въ среди свѣта и воздуха, или водѣ въ плаващельному естеству проползатися: тако не мощно сущимъ въ шѣлѣ безшѣлесныхъ видѣши. Учитель великій святой Василій, царствовавшій надъ спрасчьми шѣла, имѣя столпѣ огненный до небесъ, въ бесѣдѣ 8 въ шестодневной книгѣ своей глаголетъ: бѣ нѣкое спаршее мѣробышіе, поставленіе премирныхъ силамъ лѣпошествующее, привременное, вѣчное, присносущное. Дѣла же въ томъ всяческихъ здашель, содѣшель соверши свѣшѣ умный лѣпошествующій блаженству любящихъ Господа, словесная и невидимая естества, и всеумнымъ украшеніемъ, елико нашъ разумъ превосходятъ, ниже именованія изобрѣспи мощно. Виждь, Владыко свяшый! высокій учитель глаголетъ: невидимое естество, ниже именованія изобрѣспи можно, и превосходитъ такому высокому учителю разумъ. Такимъ ли смердюхамъ, вору одноокому, доводчику, не истинному Давыдкѣ и сиротѣ моему глупому карлѣ пьяному и увѣчному видѣши души нечисшыя? Аще и пали, а по есте-

естество своему благи, яко глаголетъ
 свяшый Аѳанасій Александрійскій въ
 книгѣ скрижалѣ, листѣ 11 въ вопро-
 сѣхъ ко Антіоху начальнику. Вопросъ
 Антіоховъ: Чимъ премѣнися существо
 демонское отъ существа Ангельскаго?
 Отвѣтъ Аѳанасіевъ: Существо не пре-
 мѣнися, но произволеніе, якоже мысль
 праведнаго и грѣшнаго. Въ той же,
 великій Архіерей Божій, книгѣ напи-
 сано, листѣ 130 о существѣ Ангель-
 скомъ: существо Ангельское ниже зри-
 ся человѣческими очима, ниже руками
 объемлется. Злапоустый же глаголетъ:
 естество бо благо, преложеніе же зло;
 сего ради видѣши человѣкомъ не воз-
 можно. Учитель великій свяшый Гри-
 горій Богословъ, бодрое и неспящее
 око, но выну въ свѣтъ небесной пре-
 мудрости зряще, глаголетъ въ словѣ 18,
 похваляя мученика Кипріяна, а прочихъ
 и нынѣ поучаетъ, чшобъ мужественно
 стояли прошиву кознемъ діавольскимъ,
 реку нѣчшо и нашихъ Іереевъ шайно-
 водительстволюди благопокоренія, иже
 въ плачи утѣшеніе, въ благодѣшель-
 ствіи страхъ, богатіи подательство,
 убозіи благодареніе, вси на лукаваго и
 горь-

горькаго гонителя ополченія, да не являясь мещетъ, да не спрѣбляетъ крыяся, да не яко тѣма ратуешъ, да не яко Ангелъ свѣша играетъ и крадетъ въ пагубы, въ пропасти. Виждь, Владыко свяшый, что человѣкомъ духовъ нечистыхъ видѣши не возможно, какъ Пророкъ и Богословъ глаголетъ: такожде да не являясь мещетъ. Какъ сиропинъ и вору одноокому видѣтъ духа нечиста, какъ не являясь мещетъ? Богословъ же глаголетъ: да не спрѣбляетъ крыяся. Какъ одноокому вору, а остро наученому зрѣтъ, и сиропинъ пьяному видѣши духа нечиста, какъ спрѣбляетъ крыяся? Богословъ глаголетъ: да не яко тѣма ратуешъ. Какъ вору и сиропинъ тѣма раши духа нечиста видѣши: тѣма ничто ино, только лишеніе свѣша. Во святомъ, великій Архіерей Божій, Евангеліи толковомъ отъ Матвѣя, толкованіе небеснаго ума злагоглаголиваго Іоанна, глаголетъ Господь: Аще кто не родится отъ воды и духа, не можетъ внити въ царство Божіе. Вопросъ: а почто же отъ воды и духа, а не токмо единъ духъ доволенъ бысть на

на совершение крещенія? Отвѣтъ: сло-
женъ естъ человекъ ошъ души и тѣ-
ла составленіемъ, а не просѣ; сего
ради сугубою, супружною и сродною,
и присная врачеванія на исцѣленіе при-
яшъ; тѣлу убо видимая вода естес-
ственная, душѣ невидимой духъ неви-
димый. Чшо, Владыко свяшый, сего
яснѣе? Вода плоти видимой, душѣ
невидимой духъ невидимый. Не воз-
можно, великій Архіерей Божій, Ду-
ха Бога видѣши; не возможно, вели-
кій господинъ, духа чиста видѣши;
не возможно, Владыко свяшый, души
видѣши; не возможно, великій госпо-
динъ, духа нечиста видѣши. Богъ
невидимый, якоже глаголетъ свяшый
Апостоль Павель: Царю же вѣковъ
непачинному, невидимому, единому
премудру Богу. И Ангелъ невидимый,
о немъ же рече свяшый Іоаннъ Дама-
скинъ въ книгѣ второй, его же су-
щество видѣ и предѣлъ единъ Зижди-
тель вѣствъ. И аггелъ падшій, онъ
же и духъ нечистый, и діаволь не-
видимый, о немъ же шой же Дама-
скинъ глаголетъ: не естествомъ лу-
кавъ бывъ, но благъ еый, и во блазѣ
бывъ,

бывъ, и никакоже въ себѣ самомъ
 отъ Содѣшеля злобы имѣ слѣдъ, само-
 властіемъ, волею тѣма бысть и душа
 человѣческая не видима. Той же Да-
 маскинъ свяшій глаголетъ и ука-
 зуешъ о человѣцѣ на Григорія Бого-
 слова, еже онъ глаголетъ: изъ неви-
 димаго же и видимаго естествова содѣ-
 шельствуетъ не видима душа, плоть
 же видима. Что сего, великій Архі-
 ерей Божій, истиннѣе и яснѣе? Гдѣ
 моя вина, раба швоего? Нѣтъ ее. Гдѣ
 правда вора и сироты моего? По свя-
 томъ писаніи нѣтъ правды, только
 воровской составъ, лукавство, нена-
 висть. Паки Злашустъ глаголетъ:
 аще непремѣнное невидимаго не яв-
 ляешъ образъ, что возбраняешъ и
 Ангеломъ образъ быти? ибо и тіи
 суть невидими. Но не себѣ, и душа
 естъ невидимая, понеже невидимая
 просто; сего ради образъ, аще и не
 шако, якоже шой, перворожденъ всея
 швари. Аще бо змія видѣли бы есмы
 вгнѣждающагося при одрѣ нашемъ,
 много бы сотворили есмы шщанія,
 яко шого убити; діаволу же, вгнѣж-
 даемому въ душахъ нашихъ, ничто-

же мнимъ спрдаши люто, но лѣнимся. Виновное же, понеже очима тѣлесными того не видимъ; и убо сего ради подобаше наче бдѣши и презвитися: чувственнаго бо супоснана ухранишися нѣкто удобно; невидимаго же, аще не будемъ выну вооруженія, не возможно. И паки на первую и вшорую, и сію прешію мою челобитныя, совершениѣше свидѣтельство мнѣ, рабу швоему, на оправданіе и на очищеніе, а врагомъ моимъ и ихъ сосшавному глупству и воровству на обличеніе. Въ Маргаритѣ въ словѣ 3 о святомъ крещеніи Господнѣ, когда при Іорданѣ Креститель Предтеча Іоаниѣ, земный Ангелъ, небесный человѣкъ, ему же пища пружи, глаголетъ ко Христу и Богу: азъ шребую ошѣ тебе креститися. Ты ли грядеши ко мнѣ? Хриносъ же рече: Остави нынѣ, не видиши ты, кто стоитъ здѣ, врагъ діаволъ; молчи, молчи! да не ошутитъ сей, побороши того придохъ; сего ради не придохъ нагимъ Божешвомъ, обложихся вашею плошію, да не видѣвъ

мя

мя нага, отбѣжитъ. Виждь, Владыко
 свяшій, что не возможно видѣши.
 Креститель Господень, земный Ан-
 гелъ, не видѣлъ единого духа нечи-
 ста, а сиротинъ моему видѣши мно-
 гихъ. Не сиротины моего и не вора
 криваго Давыдки шомъ разумъ и
 смышленіе, но самаго того выше-
 писаннаго діавола, чрезъ чловѣки
 вале, отъ него же діавола научен-
 ныхъ къ пуши своему пагубному.
 Діаволъ пріобрѣтаетъ служащихъ ему
 подобныхъ. Въ символъ, еже есть
 во исповѣданіи благочестивыя на-
 шея Христіянскія вѣры, юже благо-
 честивые Христіянскіе Цари и свя-
 тѣйшіе Папы и Патріархи, и всѣ
 освященные Соборы седмь, въ нихъ же
 бѣ высокіе философы и чудотворцы,
 согласенъ гласъ испустивше исповѣда-
 ша во благочестіе, и сіяетъ исповѣ-
 даніе; ни единъ, ни два, ни три, но
 вси седмь Соборовъ, отъ востока до
 запада, полунощія и полудня, ушвер-
 дили, яко не шокмо разума, или рече-
 нія, но и дитера возбранена пере-
 мѣниши; и въ шомъ символъ написано:
 Вседержителя Творца, небу и земли,

видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. Видимымъ человекомъ, невидимымъ духовомъ благимъ и злымъ. И сіе, великій господинъ, спверждаетъ Іоаннъ Дамаскинъ: Богъ сый благъ, и всякаго блага податель естъ; еже полезно намъ познаши и видѣши, отккры; а еже не можемъ носити и видѣши, закры премолча. Все, великій Архіерей Божій, блаженные Богословцы, яко трубы злашюкованныя, даша гласъ языка своего, яко трубою шумяще, возвѣщающъ намъ брань и ополченіе противу силъ невидимыхъ. Которые всю свою жизнь имѣли надъ чтеніемъ Божественныхъ книгъ, и пѣ написали, что духа чиста и духа нечиста видѣши не возможно; сего ради да не поношающъ насъ, рабовъ пвоихъ, невинно, а наипаче всемъ прилѣжаніемъ и бодростію крѣпкою да слышатъ и свидѣшельспвующъ слова сія книгами, не яко моя, но яко отъ пѣхъ блаженныхъ мужей реченная; ихъ бо словеса и утвержденіе спрашное. И сіе до пресвѣтлаго Царскаго Величества не донесено, что тому быши и что духи чистые, и души, и духи не-

нечистые видѣтъ опниюдь не возможно, и сіе зашмилось, не воспомянуто ненавидя насѣ; дали смертную рану, и учинили приговоромѣ своимѣ вины и неправды бево всякія вины моя; а я нуждою и раззореніемѣ моимѣ себѣ на оправданіе правое, истинное, православное утвержденіе къ шебѣ, великому Свяшителью, приносилѣ и приношу. Сирошамѣ ли, одноокому и пьяному вѣришь, или Божеспвенному писанію и такимѣ высокимѣ училемѣ, какѣ вѣ челобитѣ моемѣ писано выше сего? О всевысочайшій и милосердый Боже, всего сотворенія Творецѣ, сѣдѣй на Херувимѣхѣ и пѣваемый ошѣ Серафимѣ, и иже вездѣ сый! Ты вѣси, яко слукавствовася на насѣ, и спраждемѣ и умираемѣ шуне. Сія ли, Архіерей Божій милоспивый, вина моя, что вѣ разспросныхѣ рѣчахѣ раба моего и рабы моей писано, а мнѣ наложена безѣ вины? Сказали они вѣ разспросѣ своемѣ, вѣ присылку Полуголовы Алексѣя Лужина, обыскивалѣ на дворишкѣ человѣка своего Ивашка Еврея, я книгѣ и писемѣ осмашпривалѣ и обыскивалѣ, и вѣ

ларчикѢ , который былъ подѢ головами , въ то время того осмотра стоялъ подѢ головами у постели Ивашковой жены его была въ томѢ ларчикѢ , и ту книгу Ивашкова жена по приказу мужа своего въ ЛаишевѢ сожгла ; а въ грамотѢ Великаго Государя написано , что мнѢ въ Казани чтена. ЕслилибѢ та книга была не дурная , для чего было ту книгу подѢ мостѢ хранишь и жечь ? И я тою книгу подѢ головы у постели рабѢ своей ИвашковѢ женѢ хоронишь не веливалѢ , и жечь той книги ей Ивашковой женѢ не приказывалѢ ; и сироты мои , мужѢ и жена , на меня того не сказывали , что я имѢ велѢлъ сжечь ; а ту ли книгу она сожгла , или иную какую , они то вѢдали ; а запечаталѢ то слово свое мукою своею , кровію и смертію ; а вина мнѢ сказана за что ? ГдѢ вина моя та явилась ? ПророкѢ Іезекіиль глаголетѢ : да не будетѢ къ тому прищя сія глаголашися : яко опцы ядоша квасное , чадомѢ же зубы оперпоша. НѢсть бо сіе праведно предѢ БогомѢ инымѢ согрѢшати , а инымѢ мучишися ; но аще кто согрѢшитѢ ,
той

шой мучится и умираетъ, и чада за отеческіе грѣхи не спраждутъ, не шокмо господіе за рабовъ; всякъ о себѣ долженъ отвѣтъ дати во благое, или въ злое. Рабъ мой велѣлъ, раба моя своровала; мужъ велѣлъ, жена сожгла; а я виненъ же за что, кошорыми законы? Миѣ же, великій господинъ, вина наведена, что шой книги безъ указу Великаго Государя и безъ розыску жечь не довелось, помня страхъ Божій и Великаго Государя, и извѣспить было о шой книгѣ Великому Государю. И я, рабъ твой, слыша въ грамотѣ Великаго Государя, не могъ и не могу познаши и по се время, какъ та вина наложена на меня невинно. Въ грамотѣ Великаго Государя написано: Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ въ разпросѣ сказалъ, во 184 году, въ Ноябрь, а указалъ назадъ тому два года, и того будетъ за 184, 183, 182 по Ноябрь, далъ ему книжку, величиною съ часовникъ, человекъ мой Игнашка Лукьяновъ, а не я, и человекъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ и не отдалъ; а человекъ мой Игнашка

ка Лукьяновъ Алхимисту книги жечь не приказывалъ. А что въ указной грамотѣ Великаго Государя написано : извѣстнъ было оной Великому Государю , а безъ розыску жечь ее не велѣнъ ; и мнѣ , великій Священитель , извѣщать Великому Государю во 182 году въ Ноябрь не возможно было : въ то время еще здравствовалъ и царствовалъ отецъ его Государевъ , Великій Государь ; а и отцу его Государеву , Великому Государю , извѣщати было нечего : въ то время извѣсту мнѣ отъ Алхимиста Ивана Ефимьева и отъ человека моего Игнашка не бывало. Тобѣ моя вина была , чтобъ Алхимистъ Иванъ Ефимьевъ и человекъ мой Игнашка сказали мнѣ , что человекъ Ивашка Еврей взялъ книгу и не отдалъ ; а ябъ томъ извѣстъ покинулъ просто , и не розыскалъ , и не извѣстилъ отцу его Государеву , Великому Государю : тобѣ моя вина была. Кто сія не зреть , что вины моей нѣтъ ; осужденъ отъ ненавидящихъ неправымъ приговоромъ , и разоренъ шуне. И то мояжъ вина , что я , рабъ твой , далъ сказку Полуголовъ

Але-

Алексѣю Лужину, что у меня человекъ мой Ивашка Еврей книги не крадывалъ; а что онъ сиропина, убо-
 яся спраху мукъ, сказалъ, что онъ
 укралъ у меня, и по слово его не
 право и опмѣнилось. Первое сказалъ,
 что взялъ у Алхимиста, а не у меня
 укралъ; второе, Алхимистъ свидѣ-
 тельствововалъ, что взялъ у него Ал-
 химиста, а не у меня укралъ; тре-
 тье, Владыко свяшый, всѣ рѣчи Ал-
 химистовы и человекъ моего Игнаш-
 ки, и пошъ человекъ мой послѣдни-
 ми своими рѣчьми укрѣпилъ, что
 взялъ у Алхимиста, а не у меня
 укралъ, и сіе запечаталъ кровію и
 смертію своею. Гдѣ, великій госпо-
 динъ, моя вина? Гдѣ, Владыко свя-
 шый, моя неправда и сказка ложна?
 Нѣшъ моей вины и сказки ложной.
 Сія ли правда и извѣстъ правой, что
 воръ Давыдка въ извѣстѣ своемъ за-
 шѣялъ, а сказалъ, что видѣлъ сквозь
 стѣну каменную? Виѣ былъ, а внутрь
 видѣлъ, и въ запершую палашу из-
 невѣстно вшелъ, чему спатися нико-
 гда не возможно. Сіяль правда, ве-
 ликій господинъ, что духи нечистые

видѣнь, никогда того не бывало, какъ учить божественное писаніе? Сія ли правда, великій Архіерей Божій святой, что воръ Давыдка зашѣлъ на сиротину моего Захарку, а карла Захарка, убояся мукъ, не спорилъ ему вору предъ Бояры въ разспросѣ, и съ пышки говорилъ будто безъ ума, будто я, рабъ твой, съ Стефаномъ Докшоромъ и съ переводчикомъ Николаемъ книгу чли, а онъ сиротина за печью въ то время спалъ и захрапѣлъ; и сну сиротинѣ моего, что онъ видѣлъ во снѣ, тому повѣрено; а сновидѣніе заповѣдано, якоже глаголетъ святой Григорій Двоесловъ: Сны суть едины съ толстошты плоти ошъ обьяденія и пїянства и жажды приходяшъ, и безъ всякаго навѣша и мечтанія случается; ибо аще не бы соня мечтательная ошъ дїавола приходили, не бы речено, яко Сирахъ глаголетъ: мнози сномъ прельстишася. Не достоитъ, Владыко святой, тому вѣришь, что воръ и сиротина во снѣ видѣли и врали. Буде, великій господинъ, кто вѣдаешъ ивмѣну мою и недоброхотство мое,

ва что не взять меня, за что не
 дать очной справки, за что не обли-
 чить? Доброхотствуетъ ли кто и
 достоинъ доброхотству, и извѣщай
 Великому Государю явно. Обличаетъ
 ли кто, обличай явно, истинно, аще
 ли въ явное обличеніе спаша прошиву
 меня не восхощетъ законами Божи-
 ими, Царскими, свидѣтели благими.
 Есмь, свяшый Владыко, лукавство,
 хитрость, злоба и не истинна. Пи-
 шешъ иѣкщо: ничто пако чловѣкомъ
 сладко, яко лгати и глаголати чуж-
 дая и о чуждомъ, а своя не воспо-
 минаши, недовѣдяще недоумѣніемъ,
 ниже сіе, ниже ино что Божествен-
 ныхъ писаній видятъ: отъ Бога бо
 рекошася словеса, и не можетъ лжа
 быти въ нихъ; отпадше бо отъ
 сердца правды и своихъ вымышлений,
 не видятъ въ Божественномъ писаніи
 ума, и вмѣсто истиннаго разума, не-
 навистный ядъ свой привсѣвали намъ
 на разореніе. А нынѣ, смущающесея
 опшупити отъ своего баснозданія, и
 держатся и извѣшуютъ обычно пред-
 реченные глаголы; а аще бы быша
 разумѣли, не бы себѣ заключили въ
 сій

сїй вѣчный позоръ. И сїя вся и нынѣ творяшъ и не престаюшъ; а слышатъ нужды наши и кровавыя слезы, и не умиляшся и въ милосердіе милоспи приспи не хошишъ. Ащебъ предъ ними и сердца наши сѣкли и слезы черпаломъ проливали, не пришлибъ во умленіе милоспи, и желая вѣрно удержаши имѣніе наше, помѣспье и вопчины за своими родишели и друзи. А мы въ семъ нашемъ раззореніи невинномъ имѣемъ надежду на всеильнаго Бога, и на помазанника Его благочеспиваго и милосердаго Великаго Государя, и на твое Архіерейское шеплое заспулненіе и предстательство. А буде ложно бѣемъ челомъ и изыщупся вины наши прошиву воровскаго Данскаго Нѣмчина письма, измѣна наша и недоброхощство, и опсшупленія опъ закона, какъ врали воръ Давыдка и сиропина пьяной карла, судомъ, очноюспавкою, законами Божіими и Царскими, сами на себя приносимъ совершеніе, и да будемъ всякаго рода мукъ и жестокосердой смерти достойны, и всякой сосшавъ на опорваніе плоти нашей

достоинствъ расперзати, и псамъ на свидѣніе бросати, на страхъ смѣющимъ шворити сія. Аще ли же, великій Архіерей Божій, винъ нашихъ нѣтъ, за что ненавиждающимъ насъ даши на посмѣяніе, и на раззореніе, и на владѣніе имѣнія нашего? Кому, началоводецу людей Божіихъ, достоинствъ вѣришь, Божественному ли писанію и вышнихъ учителей ученію, и законамъ Божіимъ и благочесивыхъ Царей, или такимъ вору и пьяницу сиротинъ, которыхъ по шѣмъ же вышеписаннымъ законамъ не повелѣно вѣришь? Утверждено закономъ и благодашію: всякъ глаголь станешъ при тріехъ свидѣтелехъ истиненъ. А мнѣ кто свидѣтель? Нѣтъ его; а мы, раби твои, всегда съ Богомъ и въ Него присосшавнаго вѣруемъ, и покланяемся, и поемъ и исповѣдаемся, и пречистое шѣло Его Христа Спасителя, и кровь пріемлемъ на воспоминаніе слова Его, еже рече: Ядый мою плоть и пій мой кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ. Аще и скверны, да не лишаемъ себе того вѣчнаго живоша; приговоръ съ зави-

сти

снѣи и ненависти учинилъ нѣкто нѣ-
 другъ мой; скоро внезапно наполнился
 ярости, вскочилъ, аще бы и отъ
 ратникъ такожде же спрадали, какъ
 отъ его приговору. Да не вмѣнитъ ему
 сего Господь во грѣхъ! а я, убогой во
 вся лѣта мои, какъ онъ самъ меня
 возлюбилъ и нарекъ другомъ, кромѣ
 работъ своихъ, ничего злаго ему не
 шворилъ, не почію словомъ, или дѣ-
 ломъ, ни мыслию, кромѣ всякаго бла-
 га. Свидѣшель ми есть всевидящее
 Око. Но обаче ничего же о сихъ и
 нынѣ на него порицаю, ниже пустош-
 сивомъ поношу, въ немъ же насъ
 устроилъ онъ; но вся сія оставляю
 и сношеніемъ крошцѣ претерпѣваю.
 Аще и смертну далъ намъ рану, аще
 бы не милость Великаго Государя,
 Государя премилосшиваго, единого на
 вселеннѣй, живошъ нашъ удержало,
 уже бы давно приговорами его скон-
 чаны были. Приговорилъ, что я, рабъ
 швой, достоинъ смерти; а за что,
 того не разсмотрѣлъ. Какимъ зако-
 номъ чловѣку, Бога боящемуся, учини-
 ли смерть, и какво то предъ Бо-
 гомъ? и въ томъ зашмидся и не вос-
 по-

помянулъ того, что страшнo лице
 Божіе на творящая злая, и всепагуб-
 ствомъ злобу попребляющу, и стра-
 шенъ слухъ Божій, и Авелевъ гласъ
 слышитъ молчащею кровію. Порадо-
 вався приговору своему неправому, и
 раззоренію моему, что пошло въ рас-
 хищеніе. А я, рабъ швой, благодарю
 Бога, яко вещи мои конецъ имяху
 добрѣ: Господь даде, Господь и взя;
 благословенъ Богъ, изволивый тако:
 нази родихомся, нази исходимъ; а
 покамѣспѣ поживемъ, имѣемъ наде-
 жду на Господа Бога и на слугу Его
 Великаго Государя во всякомъ при-
 зрѣніи. Аще и наказаны, а вины на-
 шея, кромѣ работъ нашихъ, нѣспѣ.
 Единого челобколюбія Божія и силы
 и Великаго Государя милости, и шво-
 его Архіерейскаго предшательства и
 заступленія дѣло еспѣ, еже избави-
 тися намъ отъ толикихъ невинныхъ
 золъ и бѣдъ и скорбей. Въ насѣ
 нѣспѣ, рабовъ твоихъ безпомощныхъ,
 толикія крѣпости, да возможемъ се-
 му приговору пропивилися челобитъ-
 емъ своимъ часнымъ къ Великому Го-
 сударю, еже нападе на ны. Для шо-
 го,

го, великій Свяшитель, и къ пусто-
му морю засланы были за 4000 верстѣ
на послѣднюю черту государства Ве-
ликаго Государя, чтобѣ не частое
челобитѣе наше и оправданія невин-
ности нашей было къ Великому Го-
сударю. Сіе, великій Свяшитель,
токмо намѣ оста, да очи наши съ-
бѣдными сиротами наполняемъ къ
вышнему и всесильнѣйшему Царю Ца-
ремѣ и Богу на обидимыхѣ, которые
силою своею правду и истинну въ не-
правду претворили; и вопіемѣ не-
престанно: о вѣчная истинна и пра-
ведная любовь, и драгая вѣчность!
ты еси Богѣ нашѣ, гдѣ въздыхаемѣ
и слезы проливаемѣ во дни и въ но-
щи; виждѣ, аще истинна суть, они
же мучатѣ насѣ. Судіе праведный!
упиши неправедно на насѣ ожесто-
чившихся утробѣ, и преврати на
умиленіе милости, да тѣми же кро-
вавыми слезами на скрижалѣхѣ сер-
децѣ нашихѣ пишемѣ непрестанно
свяшымѣ Ангеломѣ хранителемѣ на-
шимѣ, воспоминая возлегшаго на пла-
менныхѣ персѣхѣ, еже написа во свя-
шомѣ Евангеліи слова Христа Спа-
си-

сителя : Не обидите малыхъ сихъ , Ангели бо ихъ выну видяшъ въ лицѣ Отца моего , иже естъ на небесѣхъ. Въмѣ , Владыко свяшый , незабытну имаши память Божественнаго писанія въ сердцѣ своемъ съ небеси ждый его , и присно блудый часъ пришедшяго его , и всегда въ рукахъ своихъ держаше святыя книги ; однако же не можеша и безъ мѣрскихъ строеній дому пребывати расправа дому , и приходящимъ обидамъ заскупленіе , якоже и естъ. Повели , Архіерею Божій , изъ книгъ Божественнаго писанія прошивъ челобитенъ моихъ шрехъ выписати и донести до себя , и приклони ухо свое ко услышанію Божественнаго писанія , и узриши невинность мою , что безъ вины обезчещенъ и разоренъ шуне. Азъ швоя овца швоей паствы , богаше швоея ушробы , и нищіе швоеяжъ ушробы. Долженъ шы , Владыко свяшый , предшати за обоихъ , аще обидими естъ. Воспомини , началоводецъ людей Божіихъ , самаго Господа глаголюща : Азъ не обвинуся глаголахъ. И паки , понеже , рече , сотвористе единому малыхъ сихъ , мнѣ сотвористе.

Т

Егда,

Егда, Владыко свяшый, не вѣрно слово, яко милуя нища, ничтоже ино воспомяну дѣло добродѣтели. Се или мнишия, ей ей нищѣ и убогѣ, и всякія милоспи обнаженѣ, и не воспоминаютьъ прежде бывшимъ вси сродницы, и друзи мои мене убога оставиша и забыша, или возлюбиша нынѣшній вѣкъ, или спрахомъ препоною одержими, и да не вмѣнишъ имъ Господь во грѣхѣ, Господь мѣ помощникъ. Власть, великій Свяшитель, превысокую имѣешь, и милоспъ любве у Великаго и благочестиваго Государя Христіянскаго Царя Государя милосердаго; видя и слыша обиды мои невинныя, и шѣсношты нестерпимыя, и не отрицайся, Архіерей Божій, заступиши. Глаголетъ нѣкто Учитель: аще кто, пастырство имѣя, обидимымъ не помогаетъ, наспоитъ насилувати, еже прошиву сану его будетъ. Аще и отверженъ есмь, аще и нищѣ и не имамъ гдѣ главы подклониши, аще и не обрѣтохъ за множество работъ моихъ во вся лѣта мои къ чести, и къ славѣ, къ повышенію имени Великимъ Государемъ Христіянскимъ, на
всей

всей вселеннѣй Царемъ и простран-
 ству ихъ, ко урядству всякихъ раш-
 ныхъ спроевъ, иже свидѣшельствуются
 благими; однакожде воспочныя церк-
 ви сынъ и швоея пасшвы овца. Вос-
 помяни Божіе слово, еже рече: Нѣсть
 воля предъ Ошцемъ моимъ, да погиб-
 нетъ единъ отъ малыхъ сихъ. Аще,
 Владыко свяшый, оставиши насъ въ
 невинности спраждушихъ, въ конеч-
 ной бѣдѣ и раззореніи нашемъ, даси
 отвѣтъ о своей пасшвѣ, и обѣщаніи
 въ руку Его словеса швоя; да къ шо-
 му прихода Его съ небеси ожидай,
 приносяща словеса устъ швоихъ на-
 писана, имъ же прочестися предъ
 Ангелы и человѣки. Се азъ и дѣти,
 иже ми даде, не погубихъ ихъ. Не
 почію васъ, Владыко свяшый, учи-
 нилъ Богъ надъ нами пасшырями на
 соблюденіе отъ лукавыхъ, но и Анге-
 ловъ употребилъ на наше служеніе,
 рече: Се есть Ангельское служеніе,
 еже служити Богу на спасеніе чело-
 вѣческое, шѣмъ же Ангельское дѣло.
 Сіе есть, еже вся шворити на спа-
 сеніе наше. Аще бо ты дому Влады-
 ко вѣси, кому что поручити, много

паче Богъ вѣдый ума Архіерейства твоего, вручи сій престолъ. Сего ради пощися на помощь нашу, возбрани прелести воровской; прельспиша ненаказанніи, и повѣрено, не осмотри въ Божественномъ писаніи, а въ писаніи показати того не могутъ, кромѣ ложныхъ умышленій и наученія, Владыко святой, кошорая писанія святыхъ, или кая Евангелію научиша невидимая видѣти, нигдѣ же сего обрящутъ. Мы, раби твои, хранили, и хранимъ, и храниши будемъ до исходу душъ нашихъ. добръ залогъ, его же отъ отецъ пріяли, покланяющеса Отцу, и Сыну, и Святому Духу; въ Сынѣ Отца, и въ Дусѣ Сына знающе, вня же крестихомся, вня же вѣруемъ и покланяемся, тому единому честь воздаемъ, и вѣмы, и множайшіе богоносные учители учаще насъ. Осемь намъ нынѣ довабешъ. И еще бы къ вашему Архіерейству въ молитвенномъ прошеніи писалъ, да иныхъ ради онѣмѣхъ и смирихся, яко нѣкій облакъ мое сердце подшекъ, и скрыхъ явленіе словесъ, и лежу всѣмъ хотящимъ обидѣши мя, далече всякаго

го блага есмь. А что въ невинности, великій Архіерей Божій, бывшая ми отъ прїѣздовъ съ Москвы и на пуши на земляхъ, и на водахъ, вспомянулъ бы писати къ тебѣ, но тогда ми вся внушрняя спрахомъ препенешъ. Нѣшь бо, великій Свяпитель, ни одинаго уда и чувсва безъ муки; но каждой удъ свое поспрада, и нынѣ спраждетъ; къ тому же прилагаются два года съ лишкомъ, непрешанно голодъ, холодъ, дымъ, угаръ, тѣсноша, духи смрадные, въ полупрелъи сажени избенкѣ отъ чловѣкѣ живущихъ поношеніе, укоризны, безчесніе, чій домъ; и просто рещи, оповсюду поспигоша злая и окованъ нищетою и спражею, и по ли время сидимъ безъ вины въ темницѣ, безъ отрады, милости, за всякія свои службы и крови и работы? Увы намъ бѣднымъ и невиннымъ въ неизреченномъ жалѣніи бывшій и въ недоумѣніи велицѣмъ, неимѣющимъ помощи ни отъ кого! ибо на мнземъ времени въ забытіи себе приходимъ. Воспомяя первыя своя работы и службы, свх-

ше силою Христа и Бога моего на все удерживахся, съ крѣпкими воины боряхся, и никогда обращахъ полки хребтами къ чуждымъ воемъ, не почію свой полкъ, но и прочихъ. Въ посольскихъ дѣлѣхъ съ крѣпкимижъ сварихся о чести и о славѣ, о пространствѣ и разширеніи государства благочестивыхъ великихъ Государей Христіянскихъ православныхъ Царей. По семъ въ бунтахъ, въ гиляхъ, въ огни и во всякой попоржинѣ боряхся, и за помощію Божіею одолѣвахъ, и во всемъ томъ свидѣшельствуюсь благими нынѣ. Владыко свяшый! сиротиною домишка моего многочисленнымъ и воромъ одноокимъ побѣжденъ безъ суда и очныя ставки, и безъ всякаго розыску, и неосмотру въ Божественномъ писаніи и высокихъ учителей ученія, и законовъ Царскихъ, кромѣ всякія вины, за ненависть единою неправдою, и спраждемъ по се время, и не можемъ суда и очныя ставки упросити. А и безъ суда и очныя ставки мы, раби твои, пишемъ въ челобитныхъ своихъ, и очищаемся предъ Великимъ и благочестивымъ Го-
су-

сударемъ словомъ Божіимъ, Апостольскимъ, учительскимъ, философскими ученіи и законами и ихъ Царскими; и еще свидѣтельствовался Бояры, съ кѣмъ бывалъ на службахъ у дѣлъ; обысками живошвовъ моихъ, Думнымъ Дворяниномъ и Думнымъ Дьякомъ, опцами духовными во исповѣданіи и въ принятіи пречистыхъ таинъ, и сыску дватцати одному челоѣку и распросамъ послѣднихъ рѣчей челоѣка моего и кровію и смертію, что онъ очистилъ меня, и сему всему не повѣрено, и отспавлено; а повѣрено ворамъ и плутамъ и глупцамъ, и за сіе ихъ воровское умышленіе въ горькой тмѣ сидимъ. Кто, великій Архіерей Божій, не восплачетъ къ невинности плача, писати вѣдущихъ дѣло невинности нашей, и каково стерпѣ твоей великоеспешвенѣ и высокъ разумъ, и не исправи злоспвующихъ обычнаго дерзновенія во исправленіе толикаго намяла. Но аще и не первѣе сіе бысть, нынѣ убо да возстанетъ непорочное твое въ добродѣтели совершенство, и ясно объявитъ невинность нашу

благочестивому Христiянскому право-
славному Великому и милостивому Го-
сударю, Его Царскому Величеству, да
повелишь даши намъ судъ предъ шво-
имъ честнымъ и святымъ Соборомъ
вины ради церковныя, предъ всею сво-
ею Царскою палашою вины же ради
градскихъ законовъ; да уснешъ непре-
станное наше воздыханiе съ пролишi-
емъ слезъ къ Богу и къ Его Царскому
Величеству, и къ швоему честнолѣпiю,
и услышанiю отъ нашего вопля по-
кой. Аще ли милосердiя въ невинно-
сти нашей намъ слезящимъ во злѣ не
явите, яко ни едино прiобрѣшенiе
будеть, не почiю шожъ воздыханiе и
слезы къ пресполю превысочайшему и
на немъ сѣдящему Господу. И еще
возвѣщу Архипасшырспиву швоему: пи-
салъ два писанiя слезная, проситель-
ная, молишельная, не водою чернило
растворяя, но кроваными слезами,
честному вашего рукоположенiя просто
Терею и духовнику и печатарю душъ
Великаго Государя, Его Царскаго Вели-
чества, и всего его Государскаго дому,
къ Никитѣ Васильевичу и къ ближай-
шимъ

шимъ Его Царскаго Величества Боярамъ. О предшательствѣ же и заступленіи по закону Божію, и по словеси Апостольскому, другъ друга сягошы носите, какъ и мы нѣкогда за помощію Божіею имѣли мѣсто и время въ дѣлахъ, и носили тѣхъ же вышеписанныхъ сягошу, и по се время намъ, бѣдно и слезно нагошою изверженнымъ и отверженнымъ, не почію милостиваго заступленія и предшательства, ни чаши студены воды, и ни перста на языкъ мой милости не вѣмъ; ихъ ли немилосердіе, или не доходяшъ тѣ мои слезномолительныя писанія; или и доходяшъ, да къ нимъ какимъ препятіемъ не вручаются съ утаеніемъ для сягошы нашей отъ злобствующихъ и ненавидящихъ насъ. Попшися убо на помощь нашу, святѣйшій Архіерею Божій избранный! По семъ повели призваши честнаго отца Прошоеіерея Никишу Васильевича, и ему сіе коварство враговъ моихъ сказати повели. Отъ насъ же, рабовъ швоихъ, отеческое чловѣколюбіе неумаленно да будетъ, и

зане не причастны заступленія, оставиши насъ. А буде Великій Государь не укажетъ намъ даши суда, чшобъ пожаловалъ велѣлъ наше невинное разореніе для благодаренія и славы имени своему Государскому, и ради работъ моихъ и кровей, честь мою, ихъ Государское жалованье, домишко возвратишь и взяшь насъ къ Москвѣ. Аще совершенныя милосши за невинность нашу не покажетъ надъ нами, и къ Москвѣ не велитъ взять, чшобъ пожаловалъ чести наши и все наше оидать велѣлъ, и насъ указалъ перевестъ въ хлѣбныя деревнишки наши. Великій господинъ святѣйшій Іоакимъ, Папріархъ Московскій и всея Россіи! имаши многихъ заповѣдей воспоминаіе благодареній: не претещы благодарѣтельствую, благодарѣтельства просимъ, умилися.

Письмо просительное его же Боярина
 Артемона Сергѣевича, посланное съ тѣ-
 мижъ пыщепомянутыми посыльщиками
 по 187 году, Юля пѣ 20 день, Благо-
 пѣщенскаго Савора къ Протопопу,
 а къ Царскому Духопнику, къ
 Никитѣ Васильевичу.

Въ Бозѣ пречестный Протоіерею,
 Никита Васильеничь! подай всевыш-
 ній Господь Богъ шебѣ, государю мо-
 ему и благодѣшелю, здравствовать на
 многія лѣта со всемъ швоимъ благо-
 датнымъ домомъ. Аще волишѣ воля
 и милость швоя, государя моего и
 благодѣшеля, спросити о мнѣ убо-
 гомъ и шуне всеконечно раззоренномъ,
 и Божіе всемилостивое долгошерпѣніе
 окаянству моему молишѣ ради ва-
 шихъ еще шерпитѣ, съ живыми ды-
 шемъ съ червемъ моимъ сынишкомъ.
 Умилися и не презри, пречестный
 опче, что понужденъ написати къ
 шебѣ сугубое отъ горести сердца мо-
 его сіе прошеніе; и сіе зря, умилиши-
 ся надъ нами. Глаголетѣ нѣкто отъ
 учителей церковныхъ: ничтоже бо
 ино

ино заступити насъ возможетъ на судѣ,
развѣ милость. Якоже вода кладязная
сладкая пишущая, и приносящихъ
сосуды исполняетъ, и источника не
умалаетъ изчерпаемаго: такожде ми-
лость и нравъ благихъ, отнюду же
еще исходитъ, онаго веселитъ; ни-
чтоже сладостнѣйшее заступленія и
предшательства и поможенія. Въ
первомъ моемъ благодѣтелю моему пи-
саніи, чего старости ради и печали
безпамятствомъ своимъ не написалъ,
нынѣ чрезъ сіе писаніе не черниломъ
писано, но горько и кровавослезно
возвѣщаю: написано въ извѣстѣ Да-
видка лѣкаря, что сказывалъ ему, буд-
то человекъ карла Захарка, какъ буд-
то мы чли книгу съ Степаномъ Док-
торомъ и съ Переводчикомъ Никола-
емъ Спагаріемъ, и въ то время буд-
то пришло къ намъ въ палату не-
числыхъ духовъ множество. И то,
благодѣтелю мой, по наученію лука-
выхъ людей зашѣялъ воръ Давыдка,
хотя себѣ свободы отъ правезу; а
человекъ мой карла сиропина, убося
страха и мукъ, ему не спорилъ. Не
шожмо такой сиропина увѣчной, но
мно-

многіе въ крѣпости и въ силѣ не пре-
 перпя мукъ, клеветушъ на людей не-
 винныхъ, и сами на себя говоряшъ,
 чего не дѣлали, и тѣхъ государь
 дѣлѣ по приказамъ много. А я опѣ
 воровскаго ихъ составу и наученія
 очищаюсь Божественнымъ писаніемъ,
 какъ о томъ писали свящїи Апостоли
 и свящїи учители. Свящїй Матѣей
 Евангелистѣ глаголетъ, зачало 75:
 первѣе сотвори Богъ разумную шварь,
 родовъ Ангельскихъ существо без-
 плодное, неосязаемое, духи невиди-
 мые, свѣтлости и красоты неизречен-
 ной. Книгажъ Ключъ разумѣнія глаго-
 летъ: два естества наичестнѣйшіи
 Богъ сотворилъ: Ангельское и чело-
 вѣческое, на образъ свой и подобіе.
 Такъ рекъ самъ Богъ, глава 1 въ Биб-
 лїи: Сотворимъ челоѣка по образу
 своему и по подобію. Обаче не по
 шѣлу, но по душѣ челоѣкъ есть
 образомъ Божїимъ. Богъ всевысочай-
 шїй, невидимый, и Ангелъ невиди-
 мый, и душа челоѣческая невидима.
 Въ Маргаритѣжъ бесѣда 5: что есть
 душа? убо воздухъ ли, или духъ, или
 вѣтръ? Ничтоже опѣ сихъ. Рекутъ
 духъ,

духъ, сія бо вся шѣлеса суть. Къ Коринѣомъ нравоученіе 29: аще бы мощно быши изврещи душу изъ шѣла неправеднаго, видѣлъ бы еси ю, но не возможно. Нравоученіе 23: аще бы мощно душа видѣши, якоже въ воинствѣ сраженію мимошедшу, иные убо мершвы есть видѣши, иныя же ураненныя плоти; а души видѣши не возможно. Во нравоученіи жъ, благодѣтель мой и государь, слово, еже предша Царица, той же Злапострунный глаголетъ о добродѣтели шѣлесней: что есть доброта шѣлесная? Явѣ есть, яко отъ естества, а не отъ произволенія. Онъ же глаголетъ: пойдѣмъ къ души, зри ону, не можеша видѣши ю; невидима бо есть. Іоаниѣ святыи Дамаскини глаголетъ, книга 1: въ насъ есть духъ отъ нашего естества, ниже воздухъ есть вдохновенія и отдохновенія вдыхаемо и отдыхаемо, иже во время глаголанія, егда что рѣемъ, и гласъ слово учиняется и на воздухъ разсыпается. Древній же философъ Сократъ, егоже Златоглаволивый во нравоученіи 25 похваляетъ, всѣхъ сущихъ любомудріе одолѣвая, глаголетъ:

солн-

солнца убо плоть вси чловѣцы видѣшѣ, плотижѣ духа ни единѣ можешѣ видѣши. Вѣ житіижѣ, государь, чудотворца Аврамїя Ростовскаго, Октября вѣ 29 день: нѣкогда святому хошащу руцѣ умыти, вѣзѣ духѣ лукавый вѣ умывальницу свашаго. Свяшый же разумѣвѣ, а не видѣвѣ коварство вражіе, вѣзѣ крестѣ, положи на умывальницѣ, и огради около сосуда крестнымѣ знаменіемѣ, и не могій изыти отшолѣ духѣ лукавый. Княземѣ же Ростовскимѣ, пришедшимѣ ко святому вѣ келію, и дерзнувшимѣ крестѣ сняти сѣ умывальницы, и вѣ томѣ часѣ изыде духѣ смраденѣ изѣ сосуда, аки дымѣ чернѣ, и устрашити всѣхѣ сущихѣ. По семѣ паки свидѣтельство свашаго мученика другаго Конона, Марта вѣ 5 день, иже во Ассирїи: прїятѣ власть свашый мученикѣ надѣ духи нечистыми, и вѣ корчазехѣ ваключи, и запечатавѣ погребе подѣ основаніемѣ дому своего, и по умертвіи его дому его на церковь устроену, копающіе же основаніе церкви, обрѣшоша сосудѣ скудельный, и мнѣвше злато, сокрушивше единѣ сосудѣ,

судъ , и изыдоша души въ видѣнїи
огня, и вси устрашишася. И по сему
вышеписанному видѣнїи ихъ по есте-
ству не возможно. А что человекъ
же мой карла Захарка предъ всѣми
Бояры въ разпросѣ изъ пытки гово-
рилъ , будто я съ Степаномъ Докшо-
ромъ и съ переводчикомъ съ Никола-
емъ книгу чли , а онъ Захарка за пе-
чью въ то время былъ , и уснулъ и
захрапѣлъ , и будто услышалъ я , что
онъ храпитъ , взявъ его изъ запечья
за волосы , и штолкнулъ его чрезъ по-
рогъ вонъ въ заднюю палату. А та
де книга не велика , а Давыдкѣ де
онъ о томъ сказывалъ , а какъ де его
будто изъ палаты выштолкнулъ , и
книга де въ то время передъ нами
была на столѣ. И въ томъ ихъ лу-
кавствѣ наученомъ я , работникъ твой,
очищаюся и свидѣтельствуюсь писанї-
емъ же , что не возможно спящему и
не спящему души нечистые видѣнїи
и слышатъ свое храпленїе. Къ Римля-
номъ нравоученїе 24 глаголетъ : азъ
убо сіе реку , иже во глубокѣй нощи
спящимъ же и храпящимъ уподобимся
вси , и аще мощно существо безплот-
ное

ное было видѣши, показалъ быхъ вамъ, како убо множайшии храпаютъ, а дїяволъ прокапываетъ стѣны, и закаляетъ лежащихъ и отъземлетъ сущая внутрь сонъ: спяй бо убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже благо. Да не шокмо, благодѣшель мой и государь, духи, или души спящему и храпящему челоуѣку видѣшь, или слышашъ, нѣсть бо мощно челоуѣку сущу видѣши искренняго. Кто бо видѣ отъ челоуѣкъ, рече, яже въ челоуѣцѣ, развѣ духъ челоуѣка, иже въ немъ? Се, благодѣшель мой, не возможно видѣши духи чистые и нечистые; а о измѣнѣ сущесва ихъ духовъ нечистыхъ и низверженныхъ и проклятыхъ, никто не написалъ, чшобы въ естесствѣ ихъ была измѣна. Сего ради и видѣши ихъ по естесству не возможно, какъ злпый языкъ глаголетъ: естество бо благо, преложеніе же зло; и какъ писали въ посланіи свяшїи Апостоли, Петрѣ зачало 66 во второмъ посланіи: аще бо Богъ аггеловъ сокрушившихъ не пощадѣ, но пленицами мрака связавъ, предаснѣ на судъ мучими блюсти. Іуда, зачало

77: аггеловѣ же несоблюдшихъ свое начальство, но оставльшихъ свое жилище на судъ великаго дне узамѣ вѣчными подѣ мракомѣ соблюде. Сиropy мои и раба моя взяты къ Москвѣ изъ Даишева къ очнымъ ставкамъ, а я за что не взять? Пропивъ моеѣ же ссылки опцевѣ моихъ духовныхъ, Преосвященнаго Архіепископа Симеона Тверскаго, Успенія пресвятыя Богородицы Собора Пропопа Кондраша, не допрошено и не повѣрено; Думнаго Дворянина Федора Прокофьевича Соковнина, да Думнаго Дьяка Василія Семенова, что они осматривали книги въ животахъ моихъ, копорой не бывало, не повѣреножѣ обыску о той же книгѣ, а въ обыску было два человекѣ спряпчихъ, дворянинѣ Московскоѣ, да девять человекѣ людишекѣ моихъ, копорые непрестанно жили у меня. Въ томѣ же дѣлѣ Думной Дьякѣ Ларіонѣ Ивановѣ, Докторѣ Сяепанѣ, Переводчикѣ Николай, Спряпчій Иванѣ Соловцовѣ, Алхимистѣ Иванѣ Ефимьевѣ; мнѣ же еще, по Государскоѣ милости и по службамъ моимъ будучи
въ

въ Боярѣхъ, и всѣмъ вышеписаннымъ
 дващати одному челобку не повѣре-
 но. Еще и указъ Великаго Государя
 и уложенъе ошсшавлено, по которымъ
 спашьямъ довелися Давыдко и карла
 смерти, и то все ошсшавлено; а че-
 го ради, того не вѣдаю. А сиропинѣ
 домишку моего единому и лѣкаришку
 непопрѣбному новокупленному вору на-
 ученому, шѣмъ повѣрено, и чрезъ за-
 коны Божіи и Государскіе, и чрезъ
 всякую мою правду и невинность, и
 чрезъ всякія мои и отца моего вели-
 кія службы, какъ писаны въ челобит-
 ныхъ моихъ къ Великому Государю,
 раззоренъ спранно и всеконечно, не
 имѣя вины. Божешвенному ли, госу-
 дарь, писанію и законамъ Божіимъ и
 Государскимъ вѣришь, или ворами,
 плушамъ и сославщикамъ? Чего и по-
 мыслишь невозможно, то на мя, видя
 милости и помощи ошлученна, затѣ-
 яли, и суда не сподобленъ, его же вся-
 кихъ дѣлъ злыхъ дѣтели по зако-
 нѣхъ воспріемлюшъ воздаяніе. А я
 убогой, ни единой винѣ належащей,
 за едину ненависть спранно раззоренъ,
 и на стопы ногъ моихъ не ошавлено;

а сверхъ сего въ такое мѣсто по-
сланъ, какъ имя ему Пустоозерской;
шюрьмы горчае, и шоліку преперпѣваю
муку, голодъ, холодъ, дымъ, шѣсно-
ту и поношеніе всечасное, день и
ночь слезы, чешыре лѣта уже наша,
яко водопечія текушъ. Глаголюшъ
церковніи учители: очищающся грѣси
покаяніемъ и слезами; ихъ же бо не
возможешъ великая бездна моря омы-
вашъ и очиспашъ, шо омываешъ ма-
лая капля слезъ; а я бѣдной съ чер-
вемъ моимъ шакое многое время слезя
непрестанно безъ вины, не могу ми-
лости и опрады истинныя получитьи.
Свидѣтельствуюсь Господемъ Богомъ,
что ни принесено на меня благоче-
стивому Великому Государю, шому
всему неповиненъ. Аще во лжи кля-
нуся, и человѣки оболъщу; но онаго
никогда же оболъстиши кто возмо-
жешъ, и не глаголи никшоже шьма
окрешъ меня и спѣны, кто мя
эришъ; создавый бо на единъ сердце
наше, вся знаетъ, зане шьма не по-
мрачшися отъ Него. Воспомяни, благо-
дѣтелю мой, на священство произ-
водимыхъ, или уже священствую-
щихъ,

щихъ, повелѣно искусство имѣти, обидимымъ поможенія, въ напастехъ исправленія, сущихъ въ узилищахъ отрѣшенія, и иже въ зоключеніяхъ, предшательство и освобожденіе на страшнѣмъ Божіи судѣ предъ Судією всѣхъ Царя и Бога, Его же слово истинно и повелѣніе спрашно, и чистъ судъ Его, да не вопію къ Нему на тя, яко сей къ милосердію непреклоненъ бѣ прошиву намъ бысть; и болящимъ намъ, яко недуга сягчайшій явился, и не насладихомся, ниже единого заступленія узникомъ же намъ, яко сей милосердія надъ нами не ископа. Въ зоключеніи же сущимъ, яко сей цѣлебныя руки опнуодъ не подаде, ни богатство, ни слава, ни могущество возможетъ помощи. Умилошвивися, пречестный отецъ и пастырю избранный! сотвори милость, пастырь добрый, иже не сѣно творитъ стадомъ пажитъ, но чистыми кринами пишаетъ овцы; крины же чистые суть прекрасныя добродѣтели, пастырскія заступленія и поможенія невиннымъ. Предшательствуй о мнѣ Великому и милостивому Государю,

чтобъ оиъ , Великій Государь , пожаловалъ насъ бѣдныхъ , неимѣющихъ помощи и заскупленія , велѣлъ насъ изъ сего злочюченія дальняго и гладнаго взять , и невинное мое раззореніе возвратишь , и живишь намъ бѣднымъ , гдѣ его Государская милосиная воля повелишь , чтобъ наши бѣдныя и кровавыя слезы ко Господу Богу на шѣхъ престали , которые насъ кромѣ всякія правды раззорили и зашочили. Но да и сіе вѣси , благодѣтелю мой и пасшырю избранный , яко сія вся извѣщаю ти , тако ми пришедшаго спаси грѣшника , яко аще благоволенія швоего не будетъ , и не имаша предшательствоваша о мнѣ , уже самъ оиъ многихъ служеній буду себѣ убійца , и обрящешися убійство сотворивъ , и на судѣ , яко виненъ осудишися. Но молюшися , оиъ избранный , прежде даже не быши мнѣ виновну , то лицемъ зломъ иди и предшательствуй о мнѣ у всемилостивѣйшаго Царя и благочестиваго Государя о невинности моей , и возврати изъ рова погибели. Богъ всевысочайшій естъ , иже на Херувимѣхъ сѣ-

свѣдѣй и видѣй бездны, шой зришь
невинность нашу, и напрасно свѣдѣ-
щихъ въ шемницѣ сей и гладомъ па-
ющихъ. Работникъ швой Аршемошка
Машвѣвѣ челошъ бью.

*Письма егошъ Б ярина Артемона Сер-
твѣпича о томъ же споей непинности,
напеденной ему, очищеніи, и тѣхъ же
лѣтѣ, и съ тѣмижъ пышешомннуты-
ми посыльшики изъ Пустоозерска-
тошъ острога къ ближнимъ Боя-
ромъ посланныя въ Москву.*

*Першое письмо къ ближнему Боярину,
ко Князю Юрью Алексѣевичу Долго-
рукому, отпрашленное по 185 году.*

Государь мой, милоспивый благо-
датель и благодѣшель, Князь Юрій
Алексѣевичъ! подай Господь Богъ ше-
бѣ, государю моему, здравствовашь
на многія лѣша со всешъ швоимъ,
государя моего, благодатнымъ до-
момъ.

момъ. А по прежде бывшей милости
своей еспшли волишь воля твоя спро-
ситъ о мнѣ убогомъ и раззоренномъ,
и я съ червемъ своимъ Божиимъ все-
милоспивымъ долгоперпѣнїемъ еще съ
живыми дышемъ. Не возбрани, благо-
датель мой, что чрезъ сіе мое писа-
ніе къ тебѣ изреку, колико плачу
памятію моею нынѣ оскорбленною:
показанная твоя ко мнѣ благотвори-
тельства существу на Москвѣ, воспомина-
юлико сугубо твоего немилосердія,
нынѣ плакати не престаю и не пре-
стану; ибо въ ровъ вверженнаго па-
губы невинна кто не извлекаетъ и
кто, реку, помощи не дастъ уто-
пающему? Вы же мнѣ обѣщавше ми-
лостъ, любовь содержать, нынѣ ме-
ня въ бѣдахъ суца, изъ Пустоозерска-
го острожка и плачущаго, еже свобо-
дити мя опшуда, и перста косну-
тія отрицаетеся, и утопающаго въ
слезахъ всеневныхъ заступленїемъ
своимъ помощи не хотите дати,
что сего горя горѣе? Аще и не поноси-
ши на мя, не буди. Сіе речено, ниже
заступаеши; дѣлаяй бо немилосердо
и соизволаяй на немилоседіе, равенъ
грѣхъ

грѣхъ понесутъ. Сія глаголю отъ жалосни сердца моего, не терпипъ бо ми сердце злаго прешыканія на всякой часъ объ ошѣянїи чесни моеи, домовъ и живошовъ моихъ, и вопчинъ, и помѣспїи, постигоша бо мя злая вся, и нѣспъ ми восклоненія. Помощь отъ мене ошспуни, и отверже мя милость, ближнїи мои ошспуниша отъ мене, познаша чужда, неже мене, и друзи мои немилоспиви быша, и вѣдушїи имя мое забыша мя рабомъ своимъ, яко иноплеменникъ, и отбыхъ, возвахъ ихъ, и плакахъ, и моляхся, и не послушаша мя. Кто же бы тако окамененно сердце имѣлъ, видя вся предъ собою жестокая, не возрыдалъ и не восплакалъ? Судимъ не представъ суду, осужденъ есмь започенію. Царскіе бо законы не допускаютъ выдати чловѣка на раззореніе и погибель, прежде даже оклевешаемый не имать предъ лицемъ клеветущимъ его, и мѣсто отпѣта прїиметъ о своемъ согрѣшенїи; и не судитъ законъ чловѣку, аще не слышитъ отъ него прежде и разумѣетъ, что шворитъ, аще и еще реку, глаголю отъ

горести сердца моего, кто мя нещасливѣйшій, никогда же ни спавленъ, ни уличенъ на судъ, котораго не дано мнѣ предъ вами Бояры. А что не спавленъ на судъ во всѣхъ своихъ дѣлѣхъ, и въ шомъ воля Великаго Государя. Не токмо спавленъ на судъ, когда и въ Казани сказываны мнѣ вины, и въ то время мнѣ Дьякъ Иванъ Гороховъ единого слова не далъ молвить. А въ уложенъ и въ указѣхъ писати тебѣ, государю моему, не могу; и для шого не докучаю писаніемъ, что ваше благородіе самъ у шого Уложенья былъ дѣшателемъ. Милость хвалятся на судъ, пристанище есть сущимъ въ нуждахъ милосивый; пристанище же, иже во испѣвнии впадшая, вся пріемлетъ и свобождаетъ отъ бѣдъ. Аще блази, аще и эли, глаголетъ Пророкъ Михей: человекче! что есть добро, и что есть Господь Богъ швой ищетъ отъ тебе, но еже шворити и любити милость, судъ и правду, и гошову быти. И паки глаголетъ Пророкъ Исаія: възшите суда, и избавите обидима; начало пуши благому шворити правду:

вся

вся убо, елико сушь праведна, та сушь
 любезна Богу и угодна; праведенъ
 сый, печалуется о правомъ. А что
 Степанъ Докшоръ и Николай Спапа-
 рій, то и начало дѣлу, что сказали,
 и чѣмъ себя и меня оправдали, или
 себя и меня виновнымъ учинили, и чѣмъ,
 и что имъ учинено, и съ ними я не
 ставленъ, и того всего не вѣдаю, и
 въ сказкѣ въ Казани мнѣ не сказано.
 А человекъ мой Ивашка Еврей умирая
 говорилъ, что я книги не вѣдалъ, и
 ему и женѣ его жечь не вели-
 валъ, и сіе слово кровію и смертію
 своею запечатавъ. Ниже мнѣ самому
 въ сказкѣ моей допросной за рукою
 не повѣрено, еще сушу Бояриномъ;
 ни Думному Дворянину Феодору Про-
 кофьевичу Соковнину, да Думному
 Дьяку Василью Семенову осмошру въ
 рухлядишкѣ моей; ни опцемъ моимъ
 духовнымъ, ни премъ человекамъ пле-
 менникамъ моимъ, девяти человекамъ
 людишкамъ моимъ, единому же вору
 Давыдикъ повѣрено, и за сіе спражду
 тяжцѣ, не имѣя вины! Сіе же писахъ
 не яко невѣдущу тебѣ, государю мо-
 ему и благодѣтелю, но яко да воспо-
 мя-

мяну благодать и пріятство швое
прежнее, и тако слезы и досады на
лицѣ зря, умилишися благоутробнымъ
своимъ сердцемъ, и челобитную мою,
и работы мои, и невинность мою
извѣстишь, и отъ започенія сего
горькаго свободишь, чшобъ милости-
вый и благочестивый Великій Госу-
дарь, Царь и Великій Князь Феодоръ
Алексѣевичь, всея Великія и Малыя и
Бѣлыя Россіи Самодержецъ, не заста-
вилъ насъ, сиротъ своихъ бѣдныхъ,
неимѣющихъ помощи, странствовашь
межъ чужихъ жилищъ; чшобъ насъ
изъ сего започенія велѣлъ взять, изъ
за присава свободить и жить намъ
бѣднымъ, и за него Великаго Госу-
даря, и за его Государской домъ Бога
молишь, гдѣ его Государская милости-
вая воля будетъ. Молю яебя, госуда-
ря моего благодѣтеля, не презри про-
шенія моего по милости своей прежде
бывшей. Надежду мою всю шочію по-
лагаю на Бога и благочестиваго Го-
сударя; швоимъ доношеніемъ да испра-
вишь Господь Богъ всемогій во благое!
Не даждь мнѣ безпомощному больше
плакати, и червю моему; уже бо отъ
пла-

плача и туги на полы мертвѣ лежу. А что, благодатель мой и государь, въ пути моемъ бѣдномъ и слезнокровавомъ случилось зимою и водою, и что Господь Богъ вѣсть, Его же праведнымъ судьбамъ предаю. А что растеряно и разсыпано и вышочено, и того исписать не могу; и людишки, кошорые и пошли ко мнѣ, и они, видя конечную мою бѣду, покинули меня съ убыткомъ моимъ, побѣжали. А что Великаго Государя жалованья дано изъ нажишковъ, и то малое что довезъ до Пустоозерскаго острога; а въ Пустоозерскомъ жителяхъ многіе голодомъ шаюшъ и умираюшъ, а купяшъ четверикъ Московской мѣры по 13 алтынъ по 2 деньги, а ихъ будетъ пудъ. Пустоозерскихъ, государь, жителей всегдашняя пища борщъ, да и того въ Пустоозерскомъ нѣтъ, привозяшъ съ Ижмы, и такая нужда въ шамошней сбранѣ, на Турьѣ, на Ижмѣ, на Усцылмѣ, и въ Пустоозерскомъ острогѣ. Ей ей службу Божию отправляютъ на ржанныхъ просфирахъ, и ша мука мало лучше невѣнной муки, и

шако-

такова та служба приношенія къ Богу, о томъ освященныхъ вопросы. Ей ей не постыдился бы, свидѣтель ми естъ Господь Богъ, чшобъ имени ради Его ходишь и просишь милоспины, да никто не подасишь, и не можешъ своей ради сродной нужды подати. Лучше меня и славнѣе былъ въ Царѣградѣ Гешманъ Висарій, и ненависти ради и зависти воспріимъ раззоренное, которой въ великой чести и славѣ и могуществѣ былъ; и попомъ то отмѣнилось, по помужъ Царюграду съ блюдишкомъ ходилъ и просилъ милоспины; а говорилъ: азъ убо честь и слава Греческая, нынѣ же проситель есмь съ убогими; дайте Гешману Висаріеви милоспину! Сіе время дочасное, и свѣтъ сей коловертнися непрестанно. Глаголетъ нѣкто, поучаяй насъ: ни красная свѣта сего вѣчна, ни скорбная безъ конца. А ивъ глаголетъ: отъ утра до вечера измѣняется время, и все скоро естъ предъ Богомъ. А непріязненная человѣческая кознь, ненависть и безблагородство, какъ съ великими, такъ и съ малыми людьми, обычество-

твориши, и общую злобу днесь на
 тѣхъ, утре на оныхъ пополняти. Я
 же убогой имѣю воздыханіе и слезы,
 и надежду ко Господу Богу; все, ели-
 ко нанесено на мя, и приѣмлю и во
 измѣненіи смиренія моего терплю.
 Глаголетъ Исусъ Сираховъ: яко во
 огни искушаешся злато, и человѣцы
 пріяни въ печи смиренія. И ты
 меня, благодатель мой, оставилъ си-
 ра, или не оставилъ, то Богъ вѣсть;
 только же вижду, что беззаконія ра-
 ди своего не шокмо что воръ Давыдка
 замѣялъ на меня, шуда послалъ и
 межъ шакихъ жишелей жить, что и
 милоспины выпросишь не у кого.
 Однакоже надежда моя Господь
 Богъ: Онъ всякой утѣхи и радости
 Податель, и ошретъ слезы любите-
 лей своихъ, и вѣсть, чѣмъ питаши
 боящихся имени Его. По семъ все-
 милоспивый и благочеспивый Великій
 Государь шакоже всѣхъ насъ общая
 надежда, шой да повелишь намъ да-
 ти. Глаголетъ шой же Исусъ Сира-
 ховъ: души алчущей не оскорби. И
 паки инъ нѣкто глаголетъ: блаженъ
 человѣкъ, иже и скопъ свой милуетъ.

Буде

Буде смерть случится, не покинь, благодатель мой и государь, мальчика моего, бѣднаго червя Андрюшку, котораго ты жаловалъ. По семь работниковъ швой Артемошка Машвѣевъ челомъ бью.

Второе письмо къ немужъ ближнему Боярину, ко Князю Юрью Алексѣвичу Долгорукому, отправленное по 187 году.

Государь премилоспивый благодатель Князь Юрья Алексѣвичъ! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравспивовашъ на многія лѣта со всемъ швоимъ благодашнымъ домомъ. А изволишь, государь, по прежней милости своей, аще волишь воля швоя и милость, спросить о мнѣ: и Божіе всемилоспивое долготерпѣніе беззаконію моему терпимъ; еще съ живыми видя предъ собою вся жестокая, дышемъ. Се ишу заступника къ благочеспивому Государю Царю и Великому Князю

вю Теодору Алексѣвичу, Великія и
 Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу,
 и нѣспь предсташеля! Се ищу по-
 мощника, и нѣспь помогающаго! Се
 ищу избавляющаго мя, и не обрѣшаю
 и слова полезна! Се ищу отъ сродныхъ
 писанія, какъ обычай вѣдали и опъ
 того себѣ опраду имѣши, и сего не
 вижду! Страхомъ побѣжденный, ждахъ
 со мною скорбящаго, и не бѣше, и
 утѣшающихъ не обрѣшохъ! Охъ и
 люто и нестерпимо! азъ же вмѣсто
 утѣшающихъ невинно поношающихъ
 обрѣшохъ. Колико зло, яко ни единой
 винѣ подлежащей, и ничто же въ се-
 бѣ бываемыхъ свѣдущу, за едину не-
 нависть множество бѣдъ и спранныаго
 раззоренія и истопленія, и неначаянна-
 го страху, и непрестанныя печали, и
 чрезъ всякую надежду четвертое лѣ-
 то по преставленіи благочестиваго и
 милостиваго и приснопоминаемаго бла-
 женнаго памяши Великаго Государя
 Царя и Великаго Князя Алексѣя Ми-
 хайловича, всея Великія и Малыя и
 Бѣлыя Россіи Самодержца, Государя
 премилостиваго, воспоминая съ ры-
 даніемъ, рущъ къ персѣмъ прилагая,

слезы яко и водопеченіе день и ношѣ. Охъ увы! о люшѣ мнѣ! приложи Господь шрудѣ на шрудѣ мой, и прешерпѣваю голодѣ, холодѣ, дымѣ, шѣсношю, и услохѣ со стenanіемѣ, покоя не обрѣшаю; однакожде благодарю Его, и благодарши не прешану. Онѣ всякія ушѣхи и радости Податель и вѣ бѣдахѣ невинныхѣ скорый Помощникѣ, облегчаетѣ болѣзни и шруды рабовѣ своихѣ, вѣрующихѣ во имя Его, и подасшѣ о насѣ сирыхѣ милосердіе и милость и умиленіе вѣ сердцѣ премилосливому Государю. Первая моя челобитная, кошорая, благодатель мой и государь, писана вѣ Казани во 185 году, Іюня вѣ 13 день, и не приняша, а приняша вѣ Пустоозерскомѣ, и послана къ Великому Государю во 186 году, Іюня вѣ 26 день; и вѣ шой моей челобитной спаросши ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наиначе всего гнѣва ради Великаго Государя и опалы, и раззоренія моего невиннаго обезпамятѣль, и многое, что видѣль вѣ Божештвенномѣ писаніи, и шого безпамятспивомѣ не написалѣ; а что воспоминавалѣ для очище-

щенія невинности своей себѣ, чтобѣ паче невинность моя отъ лукавыхъ и злыхъ сердца человекѣ очистилась, и шо нынѣ во второй моей челобитной написано. Такожде и тебѣ благодателю моему объявляю: написано въ извѣстѣ Давыдки лѣкаря, что сказалъ ему человекѣ мой карла, какъ будшо мы чли книгу съ Степаномъ Докторомъ и съ Переводчикомъ Николаемъ Спашаріемъ, и въ шо время будшо пришло къ намъ въ избу нечистыхъ духовъ множество, и шо, милоспивый мой, затѣялъ воръ Давыдка по наученію злыхъ человекѣ. Мой карла сиротина убояся спраху и мукъ, не шокмо такой сиротины увѣчной, но многіе въ крѣпости и въ силѣ, не претерпя мукъ, клеветшутъ на людей невинныхъ, но и сами на себя говорятъ чего не дѣлали, и шѣхъ дѣлъ много по приказамъ. А я отъ ихъ воровскаго сосшаву и наученія очищаюсь Божественнымъ писаніемъ, какъ о томъ свяшый Іоаннъ Златоустый и Іоаннъ Дамаскинъ глаголютъ: отъ живыхъ сушу, никому не возможно видѣши духи чистые и

нечистые, какъ о томъ, благодатель мой и государь, явное свидѣтельство въ Маргаритѣ, слово 3: бысть, рече, яко день сый, и яридоша Ангели Божіи предша Господеви, и дїаволь сна посредѣ ихъ. Убо со Ангельскою ли службою предстоитъ дїаволь, и посредѣ святыхъ духовъ нечистый духъ предстоитъ. Никакоже, ниже бо святїи Ангели предша Богови шблеснѣ, но всяка служба предстоянїе глаголется. Сице и дїаволь сна не на небеснѣмъ мѣстѣ, ниже въ премирныхъ силахъ, яко созданїе Божїе повелѣваемъ бываетъ швориши подобающее. Въ строительства, государь, въ человѣцѣхъ святїи Ангели, посылаемы суть, егда святыи Ангели, поминаетъ Апостоль Павелъ, глаголетъ: не всѣ ли суть служебнии души, на служенїе посылаемы ради хощащихъ наследовати спасенїе? Отнюду же вѣдомо, яко святїи Ангели служатъ на человѣческая спасенїя, горцыи же бѣсове на человѣческая грѣшныхъ мученїя. Посла бо, Давыдъ рече, на Египетъ ярость и гнѣвъ и скорбь посланїе аггелы люшыми. Лука-
выи

выи убо и нечистыи бѣсове аще и отпадоша предложеніемъ, но подъ игомъ лежашъ работѣ. Сего ради отвѣщаваша на Ахава, Богъ глаголетъ: кто поидетъ и прельститъ Ахава, и падетъ? Отвѣща духъ лукавый: се азъ. Вѣдѣше бо, яко на се учиненъ есть дѣволъ. Посылаются же и къ праведнымъ, не яко мучашъ, но да искусяшъ; понеже Ангелъ святъ послужити искушенію не повелѣваемъ есть: не бо Богъ повелѣваетъ недостойное Ангелу. Сего ради бѣсове на сіе повелѣваеми суть на искушеніе. Не гласъ бо исходитъ отъ Бога лукавому бѣсу, ниже сподобляется сіе преступное оно произволеніе; естество бо благо, преложеніе же зло. Дѣволъ убо не естества есть имя, но произволенія. Не бо дѣволъ бысть изъ начала, и не сошворилъ Богъ дѣвола, но Ангелъ убо созданъ бысть; дѣволъ же именовася, яко оболгуяй Бога человѣкомъ и человѣка Богу. Святыи Матѳеѣй Евангелистъ, зачало 75, глаголетъ: первѣе сошвори Богъ изъ небытія въ бытіе разумную тварь, родовъ Ангельскихъ существо

безплотное, неосязаемое, духи не-
 видиміи свѣтлости неизреченной. Кни-
 гажь, благодѣтель мой и государь,
 ключь разумѣнія глаголетъ: два есше-
 ства наичестнѣйшіи Богъ сошворилъ:
 Ангельское и человѣческое, во образъ
 свой и подобіе. Такъ самъ рекъ, гла-
 ва 1 въ Библии: сошворимъ человѣка
 по образу своему и по подобію. Обаче
 не по тѣлу, по но душѣ человѣкъ естъ
 образомъ Божиимъ. Богъ всевысочайшій
 невидимъ, и Ангелъ невидимый, и
 душа человѣческая невидима. Въ Мар-
 гаритѣ же бесѣда 5: что естъ душа,
 убо воздухъ ли, или духъ, или
 вѣщрь? Но ничто же отъ сихъ, ре-
 кушъ; сія бо вся тѣлеса суть. Къ
 Коринѣомъ нравоученіе 29: аще бы мо-
 щно было извещи изъ тѣла душу не-
 праведнаго, и видѣлъ бы еси ю, но
 не возможно. Нравоученіе 23: аще бо
 можно душа видѣши, якоже въ воин-
 ствѣ сраженію мимошедшу, иныя убо
 мершвы естъ видѣши, иныя же ура-
 ненныя плоти; а души видѣши не
 возможно. Во нравоученіи же, мило-
 спивый мой, къ Колоссаемъ 11: аще
 бы тѣлу разсѣкшу коегождо душу
 мощ-

мощно было видѣти, показалъ быхъ,
 но не возможно. Въ Маргаритѣжъ въ
 словѣ, о еже предста Царица, той
 же златоспрунный глаголетъ о добро-
 дѣтели тѣлеснѣй: что есть доброта
 тѣлесная, явѣ есть, яко отъ еше-
 ства, а не отъ произволенія. Онъ же
 глаголетъ: пойдѣмъ къ души, зри
 ону; не бо можеша видѣти ю, не-
 видима бо есмь. Иоаннъ святой Да-
 маскинъ глаголетъ, книга 1: въ насъ
 есмь духъ вдохновенія и опдохнове-
 нія вдыхаемо, иже во время глагола-
 нія, егда что рцѣмъ, и гласъ слово
 учиняется и на воздухъ разсыпается.
 Древній же Философъ Сократъ, его
 же похваляетъ златоглаголивый во
 нравоученіи 125, всѣхъ сущихъ любо-
 мудріемъ одолѣвая глаголетъ: солнца
 убо плоть видяшъ вси человѣцы, ду-
 ха же плоти ни единъ можешъ ви-
 дѣти. Человѣкъ же мой карла въ раз-
 спросѣ сказалъ: спалъ за печью и хра-
 пѣлъ, а видѣлъ духи нечистые. И
 въ томъ паки свидѣтельствуюся пи-
 саніемъ же, что не возможно видѣти.
 Къ Римляномъ нравоученіе 24 глаго-
 летъ: азъ убо сіе реку, иже въ глу-

боцѣи ноши спящимъ же и храпящимъ уподобимся вси; и аще мощно существо безплотное было видѣти, показалъ быхъ вамъ, како убо множайшии хранлюшъ, а діаволъ прокапываетъ стѣны, и закаляетъ лежащихъ, и отъземлетъ сущая внутрь сонъ. Спай бо убо ниже зло вѣщаетъ что, ниже благо. Да не токмо, благодѣтель мой и государь, духи, или души спящему и храпящему чловѣку видѣть, или слышать, нѣсть мощно чловѣку сушу видѣти искренняго. Кто бо видѣ отъ чловѣкѣ, рече, яже въ чловѣцѣ? Охъ друзи! развѣ духъ чловѣка, иже въ немъ. Се, благодѣтель мой, не возможно видѣти духи нечиспые. А о измѣнѣ существу ихъ духовъ нечиспыхъ и низу верженныхъ и проклятыхъ никто не написалъ, чтобъ въ естествѣ ихъ была измѣна; сего ради и видѣти ихъ не возможно по естеству, какъ той же алапоглаголивый рекъ: естество благо, преложеніе же зло; и какъ писали въ посланіяхъ свяшии Апостоли, Петрѣ зачало 66 во второмъ посланіи: аще бо Богъ аггеловъ согрѣшившихъ не пощадѣ, но

пленицами мрака связавъ, предасть на судъ мучими блюсти. Іуда, зачало 77: аггелъ же не соблюдшихъ свое начальство, но осшавльшихъ свое жилище, на судъ великаго дне узами вѣчными подъ мракомъ соблюде. Боже-спвенному ли писанію вѣришь, или ворамъ лѣкаришку одноокому, оралъ и исчадію его карлъ? Чего помыслишь не возможно, то на мя зашѣяли, видя помощи опшорженна. А сверхъ сего свидѣшельствуюсь Господемъ Богомъ: неусыпнаго Его не утаится очесе, и прежде грѣхъ содѣяши, видя душу не пребуешь свидѣтелей, иже вся вѣдый, какъ на спрашиѣмъ Его Божіи судъ сшаши, не шокмо словомъ, или дѣломъ, но и помышленіемъ своимъ ошъ сихъ вышеписанныхъ дѣлъ чистъ, и что на меня ни нанесено. А что прежняго воровства Давыдкова не писаѣ въ челобитшѣ своемъ къ Великому Государю, и къ тебѣ, благодѣшелю своему, и то нынѣ тебѣ объявляю: тошѣ же воръ Давыдка сказаѣ, что онѣ, будучи у меня во дворѣ, будшо видѣлъ, что мы заперщисъ въ палацѣ чли черную

книгу, я, работникъ твой, Степанъ Докшоръ, Николай Переводчикъ; а онъ Давыдка будто вшелъ къ намъ въ палату изневѣстнымъ дѣломъ. И ты, благодѣтель мой и государь, разсмотри и разсуди милосердо, сіе ли не воровство и не сошавъ явной? Въ запертую палату кто изневѣстно входитъ, покаместъ кого не позовутъ и пустятъ? Запворенному внутрь вратъ, не возможно есть избѣжати; такожде не возможно пройти внутрь, бывъ внѣ. Сіе ли, благодѣтель мой, не явное воровство наученное, и не сошавъ явной ложной отъ безумныхъ? Слова ихъ судятъ и осуждаютъ ихъ самихъ. Словомъ человекъ своимъ осудится, словомъ и оправдится. А допрашиванъ ли онъ воръ Давыдка, или нѣтъ, какъ видѣлъ сквозь стѣну палаты, и въ запертую палату какъ входилъ, того мы въ Казани въ сказкѣ не сказано. А что сиротина мой карла Захарка вралъ, а къ тѣмъ его рѣчамъ и свидѣтель учиненъ коштоправъ, и шотъ сиротина, убоясь страху, внѣ себя вралъ, и рѣчи его въ одномъ дѣлѣ всѣ врознь. Первое,
пе-

передъ всѣми вами Бояры сказалъ ,
 что онъ спалъ за печью и храпѣлъ ; я
 будто услышалъ , и сорвавъ съ него
 шубу , и вытолкнулъ черезъ порогъ въ
 другую палату. Въ другой его сказ-
 къ онъ же карла Длвыдикъ вору ска-
 залъ , что онъ боленъ ошъ моихъ по-
 бой. Въ третней сказкѣ космоправу
 Ивану Максиму сказалъ , и приба-
 вилъ и два ребра. Одни мои побои
 явились шрожды , а всѣ врозь , и ука-
 зу Великаго Государя и уложенью про-
 шивныя. А переломилъ ему два реб-
 ра Иванъ Соловцовъ , а не я ; а на
 шомъ переломѣ свидѣтели естъ лю-
 дишки мои , которые по указу Вели-
 каго Государя оппущены , и меня имъ
 бояшися нынѣ не для чего. Естли
 воля Государская будетъ , велишь до-
 просить ихъ сверьхъ Лишевскаго до-
 просу , а имена имъ : Оська Трофи-
 мовъ , прозвище Индей ; да Зиновка
 Федоровъ. А допрашиванъ ли онъ Иванъ
 Соловцовъ и карла свидѣтели , на ко-
 торыхъ я сказалъ , что они видѣли ,
 и что они всѣ сказали , и того всего
 не вѣдаю. А что , благодѣтель мой
 и государь , учиненъ мнѣ космоправъ
 свидѣ-

свидѣшель, и мнѣ онѣ не свидѣшель для того, что костоправѣ сказалъ, что онѣ самѣ видѣлъ, какъ я карлѣ переломилъ два ребра; другое, чтобы ешьли я на костоправа слался, то бы онѣ въ то время былѣ свидѣшель; а костоправѣ, что слышалѣ отѣ карлы, то и сказалѣ. А по моей сказкѣ, что Иванѣ Соловцовѣ и два человекѣ мои, что были, и что сказали, и того въ сказкѣ мнѣ не сказано. А въ указѣ Великаго Государя и уложенъи тебѣ, государю моему, извѣстно, на чью сторону больше скажущѣ, шѣмѣ и вѣрящѣ. Костоправуль вѣрищѣ, или стряпчему, и еще сверхѣ того два человекѣ? А что Думной Дьякѣ Даріонѣ Ивановѣ, и Алхимиспѣ Иванѣ Ефимьевѣ, и человекѣ мой Ивашка Еврей говорили, и то все, благодѣшель мой, мнѣ ко очищенію, а не къ винамѣ. Думной Дьякѣ сказалѣ: послалѣ я книгу въ аптеку, а съ кѣмѣ, того не упомнищѣ; а что въ ней видѣлъ, благое ли, или злое, и цыфирьюль писана, и того о той книгѣ не сказалѣ. А книгу онѣ у меня видѣлъ, и смотрѣли, что устрое-на вiovъ при мнѣ на Славянскомѣ и
Латин-

Латинскомъ языкахъ о лѣкарствахъ съ цѣною, чтобъ сверхъ уславу лишнїя цѣны не имѣли. А что онъ, не памятуя той книги, которую видѣлъ, а вмѣсто той объ иной сказалъ, которой не бывало, и за то Господь Богъ мѣдвоздашеть. Нѣкто мудрый написалъ: когда не можемъ о присныхъ вѣрѣ чего похвальнаго рещи, лучше есмь умолчати, нежели что о нихъ непотребное рещи. А человекъ мой Ивашка Еврей рѣчи свои перемѣнилъ, а сказалъ, что взялъ онъ у Алхимиста, а не у меня укралъ, и женѣ своей приказалъ сжечь. Алхимистъ сказалъ, что далъ ему Алхимисту человекъ мой Игнашка, а человекъ мой Ивашка Еврей у него Алхимиста взялъ, и не опдалъ; а какая межъ ихъ была книга, и я того не вѣдаю. Всѣхъ, благодѣтель мой и государь, рѣчи прошивны Великаго Государя указу и уложенью; а мнѣ ко оправданію, а вору Давыдкѣ и карлѣкѣ винѣ. И мнѣ, государь, вмѣсто оправданїя со всѣхъ сказокъ разныхъ, которыми указъ Великаго Государя и уложенье не повелѣваешъ вѣршъ, вины и неправды написаны мнѣ. Вѣ
шѣхъ

тѣхъ же, государь, вина о сказкѣ
моей наведена, какову я далъ Полу-
головѣ Алексѣю Лужину, что будно
далъ я сказку ложно, и я какъ далъ
сказку, такъ и въ дѣлѣ явилось: чело-
вѣкѣ мой Ивашка Еврей у меня не
крадывалъ; взялъ у Алхимиста, а Ал-
химистъ сказалъ тѣ же рѣчи, что
взялъ челоуѣкѣ мой Ивашка Еврей. А
я съ нимъ Алхимистомъ въ аптеку
не посылавалъ, за что моя сказка
учинена ложна, а лжи моей и неправ-
ды нѣтъ, а разворенъ спрранно шу-
не, не имѣя вины. Мнѣжь, государь
милосливой, сказано, что книги безъ
указу Великаго Государя и безъ ро-
зыску жечь не довелось, а извѣстить
было объ ней Великому Государю.
Гдѣ, благодѣшель мой, то мое сло-
во? Кто сказалъ, кромѣ челоуѣка мо-
его Ивашка Еврея, что приказалъ
сжечь, и шотъ рѣчи свои перемѣнилъ,
а сказалъ, что взялъ у Алхимиста
книгу, а не у меня укралъ. А какъ
по указу Великаго Государя взявъ у
меня изъ Лаишева, и въ то время
опѣѣжаючи приказалъ женѣ своей
сжечь, а жена сказала: по приказу
му.

мужа своего сожгла; а я по сказкѣ, какъ сказываны вины и неправды, всего того не вѣдалъ, и мнѣ Великому Государю извѣщать было не чего и не на кого, и не имѣю. Кто бы, благодѣшель мой, имѣя отъ Бога дарованной разумъ отъ человекѣ, и хотя онѣ жиши на свѣтѣ и благоденствовать на вселюбезномѣ, принялъ бы въ пазуху свою скорпіона, отъ котораго ядѣ, или жало бывающѣ неисцѣленны? Никто же бы дерзнулъ то учинишь. Могъ бы я, что злое видя, безъ ащеки не показывая Думному Дьяку Ларіону Ивановичу, и посылая къ Дьяку Ивану Папрекѣеву, и Докшорамѣ на свидѣшельство, въ домишкѣ у себя безъ свидѣшелей сжечь. Не прогнѣвайся, благодѣшель мой и государь, на меня, работника своего, что отъ многія горести сердца и кровавыхъ моихъ слезъ написати къ тебѣ понужденъ, вѣдая твое обученіе долгое, и искусство для разсужденія добру и злу, и отъ разсужденія многія вѣ правдѣ своей, вѣ печалѣхъ своихъ утѣшенія пріяли, а обидимые заскупленіемъ и судомъ правымъ свое

вос-

воспріали, и слава велія одержаваша о имени швоемъ, не яко благороденъ и дому високаго сый шокмо, но яко благъ живіемъ правымъ, и яко разсудитель; вкупъ же и словесенъ, глаголаши и увѣщаваша збло хишросшенъ, и похвалу побѣдную по чесши вѣрашныхъ дѣлѣхъ пріалъ еси превеликую ошъ самодержавной превысокія руки; а я бѣдной, милости и помощи обнаженной, вѣ горькихъ и кровавыхъ слезахъ съ червемъ моимъ сынишкомъ ушопая безвинно, а милости вѣ правдѣ своей не получу. Воспомяни, государь, слово Премудраго: не ошѣими благошвориши шребующему, егда рука швоя имашъ помогаши. Инъ же глаголетъ словомъ Божіимъ: швори правду, и буди помощникъ сиру, и обидиму помози, и изведи слѣпаго на свѣшъ мой: и дамъ шесѣ первое сѣденіе вѣ царствіи моемъ. Вѣ законѣхъ же, государь, Божіихъ писано, книги Моисеовы пяшой, вшорый законъ, глава 25: аще будетъ прѣ между человѣкома, и да пріидутъ на судъ и судяшъ, и да оправдѣшъ праваго, да осудѣшъ нечестива-

ваго. Пророкъ Исаія глаголетъ, глава 1: Взыщите суда, и избавите обидима судиши сиру. Глава 24: Путь Господень судъ. Глава 51: Внушите, яко законъ отъ меня изыде, и судъ мой на свѣтъ спранамъ, послушайте мене вѣдѣющіи судъ. Глава 5: Егда обрящете мужа шворяща судъ, и ища правды, милосердъ буду ему. Глава 7: Аще сотворите судъ посредъ мужа и искренняго его, и пришельцу и сиру не сотворите льстиво. Пророкъ Іезекіиль глаголетъ, глава 18: Аще снабдитъ вся заповѣди моя, и сошворитъ судъ, и правду, и милость, вся со~~грѣ~~шенія, елико будетъ сошворихъ, и не упомянутся ему. Пророкъ Михей, глава 6: Человѣче! что добро, или что Госпожь проситъ отъ тебе, но еже швориши судъ и любиши милость. Пророкъ Захарія, глава 7: Глаголетъ Госпожь Вседержитель: судъ праведенъ судите, милости и щедрости швориши каждо искреннему своему, и сира не насилуйте. Праведный Іовъ рекъ: Возрѣвый на лице ваше не солжу. Іаковъ же: На лице зряще судите и не вѣсше, каковъ духъ во обою, и не разсмотряете быши помышленія

X

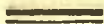
злыхъ.

злыхъ. Захарія Пророкъ глаголетъ, глава 7 : Аще ислячеси, яко слѣпъ, выю свою и врещище, и пепель поспелеси, шо ни тако наречетъ ми ся постъ пріятенъ. Не такова бо поста азъ избрахъ, глаголетъ Господь, но разрѣшай всякъ союзъ неправды и исправляй развращенная нужныхъ бременъ. Книга 1 Царствъ глаголетъ : Но о семъ да хвалятся, еже разумѣваша и знаши Господа, и твориши судъ и правду посредѣ земли. Спаситель же Хриосъ, Сынъ Божій, рекъ во святомъ Евангеліи, Іоанна зачало 16 : Якоже слышу, сужду, и судъ мой праведенъ естъ. Прежде сошворенія и рожденія чловѣкъ Всевидѣцъ испытаяй сердца и утробы рекъ : Якоже слышу, сужду; а ты, благодѣтель мой, что отъ меня слышалъ въ судѣ, или на очной спавкѣ; какой опвѣщъ, или вопросъ, и по какому опвѣщю и по вопросу я обвиненъ, не поставя къ суду и къ очной спавкѣ? Раби мои взяшы, Ивашка Еврей, карла Захарка Полуголовою Алексѣемъ Лужинымъ; раба моя, жена чловѣка моего Ивашка Еврея, взяша Думнымъ Дворяниномъ

Оедоромъ Прокофьевичемъ Соковни-
 нымъ, да Думнымъ Дьякомъ Василь-
 емъ Семеновымъ. Всевысочайшій же
 Господь Богъ надежда наша, иже
 обищаетъ въ вѣки, Его же слово
 истинно и повелѣніе крѣпко; сій
 разсмотрѣ странно, и чистъ судъ
 Его; сій воздастъ ненавидящимъ мя,
 и поношающимъ, и оклеветавшимъ.
 Пишетъ нѣкто, проливающимъ слезы
 обидимымъ глаголетъ Господь: пе-
 крываете слезами жерпвенникъ мой,
 и плачемъ и въздыханіемъ отъ тру-
 довъ, и ничтожъ изношающе лукавно
 глаголаніе, въздыхають шокмо и пла-
 чутся своихъ золь, и обидимымъ убо
 милосливъ бываетъ Богъ. Умилоспи-
 вись, государь мой, Князь Юрій Але-
 ксѣевичъ! приэри на невинность мою
 и на спранное мое раззореніе, и видя
 мя беззасупна, и отъ милости оп-
 торженна, и всякихъ благъ лишенна,
 сотвори милосшь, вспомяни Божіе
 слово, еже рече: Поелику сотвористе
 единому отъ сихъ малыхъ, вѣрующихъ
 въ мя, мнѣ сотвористе. И паки тако:
 Нѣсть воля предъ Отцемъ моимъ не-
 беснымъ, да погибнешъ единъ отъ

малыхъ сихъ. Предстательствуй о мнѣ у Великаго и милоспиваго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и милоспи и славы ради имени своего Государскаго, и твоего ради засупленія въ правдѣ моей, и многихъ ради моихъ служебъ и прибылей, какъ въ первой моей челобитной писаны, велѣлъ раззореніе наше возвратилъ съ милоспію, и велѣлъ насъ бѣдныхъ изъ сего дальняго заключенія свободить и взять, и жить намъ бѣднымъ и всякія милоспи обнаженнымъ, гдѣ его Государская милоспивая воля будетъ, чтобъ намъ со всякихъ нуждъ прежде времени душъ не извреши, и чтобъ наши непрестанныя кровавыя слезы ко пресполу Всевысочайшему на шѣхъ престали, которые насъ безъ всякія вины, кромѣ всякія правды, изогнали; а больше сего не могу и не смогу писати. А которые, государь мой, и въ винахъ объявились и обличены, и сами на себя говорили, и выняшы у нихъ книги и заговоры, и проливные Божію и Государскимъ законамъ: и шѣмъ

шѣмъ таково вѣззренія не учинено,
 и милость показана, въ прежнихъ
 чинѣхъ и во всемъ своемъ пребыва-
 ютъ. Единъ я бѣдной и спранной съ
 червемъ своимъ не имѣю гдѣ главы
 подклониши, и на стопы ногъ на-
 шихъ нѣтъ, и лишенъ всякія мило-
 сти; а я, кромѣ работъ своихъ, съ по-
 чашку лѣтъ моихъ и служебъ, и вся-
 каго добра имѣ Великимъ Государемъ,
 не знаю ничего, чѣмъ въ чемъ ви-
 ненъ былъ. А чьи и вины бываютъ
 великія, и шѣмъ людямъ по ихъ Го-
 сударской милости судъ, очныя спав-
 ки, розыски; а я спранной всего по-
 то лишенъ; а чего ради сего Велика-
 го Государя указу и милости не спо-
 добленъ, и того не могу знаши;
 только имѣю на Господа Бога надеж-
 ду, и на него, помазанника Божія Ве-
 ликаго Государя. Царево сердце въ ру-
 цѣ Божіи. Ими, благодѣшель мой и
 государь, мнѣ вѣры, что съ голоду
 спраждемъ съ работники, и не мо-
 жемъ части мяса, или калача, или
 иныхъ потребныхъ самыхъ нуждъ,
 хлѣба на двѣ деньги купишь не до-
 будемъ. Нѣтъ и не знаютъ того съ

початку, какъ почали ^{купить} муку въ Пусто-
озерскомъ; единъ борщъ ядяшь, да
прибавляюшь по горсти муки ржа-
ныя; и то прожиточные люди ядяшь,
а убогіе единъ борщъ, да и шого не
родиша въ Пустоозерскомъ, при-
возяшь съ Ижмы, пять сотъ верстъ
ыше Пустоозерскаго. Не шокмо, ми-
лосшивый мой благодѣшель, что ку-
пишь, милосшыни не у кого выпро-
ситъ имени ради Божія; для шого
что сами межъ себя просятъ, и дашь
некому и нечего, и бредушь врознь
глада ради; а и достальныя на тотъ
же путь смопряшь. А у меня что
по милосши Великаго Государя не ош-
няшо, и то водами, перемѣнами, го-
рами, переволоками пошоплено, рас-
шеряно, раскрадено, разсыпано, вы-
шочено, сѣдено, мало что до мѣста
довезено. И въ шакомъ нашемъ раз-
зореніи и въ такой нуждѣ и голодѣ,
ничшо же ошъ насъ ино прочее чаеш-
ся, шочію смершь, послѣдствующая
ошъ скудости всякой; уже безъ прав-
ды неправедно изгнанъ, безо всякія
вины уже ошлученъ лика милосши;
уже ошторженъ благоденсшвія ошече-
ства,

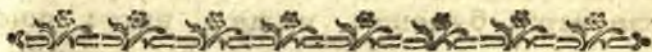

ства, дому моего и всѣхъ моихъ нажитковъ, помѣстій и отчинъ, и людей шуне чрезъ законы лишенъ. Всѣмъ указами жестокими заспрашено сроднымъ моимъ и друзьямъ не токмо ко мнѣ самой ради конечной нужды моей на пищу прислаши что, или по обыкновенію народовъ писати, какъ свои и друзья письмомъ завидѣнія мѣсто себя являющъ и утѣшаютъ въ печали; но и о имени моемъ не смѣетъ никто спросить. Заточенія ради послѣдней черты, гдѣ языцы обитающъ, такое мѣсто выбрано, какъ имя ему Пустоозерской: ей истинно пустъ, хлѣба и соли нѣтъ, голодъ, холодъ, а сверхъ сего только земля да вода. Охъ да увы! слезы, горестъ, живощъ золь неимѣющимъ помощи, умилися благодѣшель мой и государь! Еслили совершенныя милости Великаго Государя, благочестиваго Царя, прирѣнія по моему челобитью не будетъ, чтобъ уже онъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ насъ въ хлѣбныя наши деревнишки перевезть, или гдѣ его Государская воля волишь, и дашь намъ хлѣбъ и харчъ денежной на кормъ изъ

нашихъ слезнокровавыхъ нажишченковъ. Ими, благодатель мой и государь, вѣры мнѣ убогому, какъ на свѣшѣ почаль жить, такой нужды не видалъ надъ сиротами моими, не только надъ собою. Избенка дана мнѣ, другая червю моему сынишку; ей ей обѣ безъ печи: прошлую зиму рукъ и ногъ во всю зиму не согрѣли; а иные такіе дни бывали, мало что не замерзли, а отъ угару непрестанно умирали; а вѣ подклѣшишкѣ запасенко и рухлядишка, а вѣ другомъ сироты мои да караульщики, которые меня сперегушѣ, чтобъ я не побѣжалъ. Бѣжать некуда и не отъ чего: совѣсть моя меня не судитъ и не грызетъ; изъ шѣхъ подклѣшовъ пускаютъ тепло, и отъ того пущанья пользы столько нѣтъ, сколько смрада. Почали цынжашѣ, и не вѣдаемъ, что впредь намъ будетъ. А что были челомъ Великому Государю Пустоозерскіе жители о дровахъ, что намъ дрова даютъ, а пишутъ саженьми, и челобитше ихъ не право. Даютъ сажень ручную малую сѣченыхъ дровъ вѣ аршинъ отрубки, и тою саженью

из-

изба шрожды истопишь; а не такая сажень, что на Москвѣ плахами кладушь и мѣряюшь саженью. Прежде сего сказывали жители Пустоозерскіе, что по благодаши Божіей на пищу рыбы былъ досташокъ и на продажу; а нынѣ, государь, не шокмо въ годъ и на продажу на хлѣбъ съ самой весны и по Іюль мѣсяцъ до сытости не наблись, шаюшь гладомъ, а хлѣба, государь, привезли муку, что опруби, и шой мало продаюшь, оставляюшь въ зиму; въ самой голодъ продаюшь, чтобъ взять дороже. По семъ работникъ твой Аршемошка Машвѣвъ челомъ бью.

*Письмо къ Боярину ко Князю Никитѣ
Ивановичу Одопскому.*

Государь мой, милосливый Князь Никита Ивановичъ! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со швоимъ, государя моего, благодашнымъ

X 5

нымъ домоу. Аще волишь воля и милость твоя, государя моего, спросить о мнѣ, убогомъ и всеконечно раззоренномъ: и Божіе всемилосливое долгошерпѣніе окаянству моему перпишъ, еще съ живыми дышу. Умилосердися, государь мой! предшательствуй о мнѣ, безъ вины раззоренномъ, и помощи и заступленія опшорженному; уже четверное лѣпо въ непрестанныхъ кровавыхъ слезахъ пребывающій. Вящшая добродѣтель есть, еже миловати и щедрити, и ничѣмъ тако присвоишися имамы къ Богу, якоже милованіемъ обидимыхъ невинно. И сіе рече: аще просшите, подобни есте Ошцу вашему. И се рече: аще дѣйствовати будете, ниже, рече; аще молишесь, подобни есте Ошцу вашему; но что будете щедры, якоже Ошець вашъ, иже есть на небесѣхъ. Сіе есть Божіе дѣло, милости хошу, рече: якоже милость, чшобъ Великій Государь милости ошца своего Государева блаженныя памяти Великаго Государя и своей Государской милости и славы ради имени своего Государскаго и служебъ, и работъ кровавыхъ,

выхъ, и невинности ради моеѣ, и
 конечнаго моего раззоренія, велѣлъ воз-
 вратишь раззореніе мое, и изъ сего
 дальняго заключенія взяшь, и жишь
 намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская
 милоспивая воля будетъ, чтобъ на-
 ши кровавыя съ червемъ моимъ слезы
 ко Господу Богу на обидимыхъ пре-
 стали; и за сіе подасишь тебѣ той же
 въ вѣчной славѣ зрѣніе видимыхъ и
 невидимыхъ красотъ Его. Артемощ-
 ка Машвѣевъ челомъ бью.

---

*Письмо къ Боярину ко Князю Михай-
 лу Юрьевичу Долгорукому.*

Государь мой милоспивый благо-
 дѣшель, Князь Михайла Юрьевичъ!
 подай Господь Богъ тебѣ, государю
 моему, здравствовашь на многія лѣта
 со всемъ пвоимъ, государя моего,
 благодашнымъ домоу. Аще волишь
 воля и милость швоя, государя моего,
 спросишь о мнѣ: и Божіе всемилоспи-
 вое долгошерпѣніе беззаконію моему
 шер-

перпитъ; еще съ живыми. Милость отъ Бога въ законъ положися, ибо можаше подашь милость человѣкомъ и кромѣ сего, но да въ насъ приведетъ любовь, и да согрѣется безпомощный отъ могущаго отъ васъ и намъ безвиннымъ повелѣ избавишися. Сего ради индѣ глаголетъ: лучше слово благо, нежели даяніе; и сіе слово благо паче даянія. И самъ Богъ глаголетъ: милости хочу, а не жертвы; понеже есть обычай и благодѣшельство пріемлющихъ любими, и доброемлющимъ ко благодѣтельствующимъ свойственнѣе пребывати. Аще видиши невиннаго плачуща и рыдающа и болѣзнующа, помози ему. Сего ради и азъ тебѣ, государю моему, чрезъ кровавыя мои слезы докучаю: попроси милости у отца своего, государя моего, чтобъ онъ въ нападныхъ моихъ безвинныхъ бѣдахъ подалъ руку вспоможенія, и по челобитнымъ моимъ первой и второй Великаго Государя доложилъ милостиво. Пишетъ нѣкто стихотворецъ: истинну любя, лжу ненавида, не оскорбляя, въ неполученіяхъ исправляя, иже туне ненавидимыя, и не шочію слышашель, но и творецъ доб-

добрыхъ и досточудныхъ дѣланій
будетъ. И за сіе пріимете отъ все-
высочайшаго Бога здѣ и въ будущемъ
вся благая. Работникъ швой Арше-
мошка Машвѣевъ челомъ бью.

*Письмо къ Боярину Родіону Матвѣеви-
чу Стрѣшнему.*

Государь мой милоспивый Родіонъ
Машвѣевичъ! подай Господь Богъ ше-
бѣ, государю моему, здравствовать на
многія лѣта со всемъ твоимъ, госуда-
ря моего, благодашнымъ домомъ. Аще
волишь воля и милоспъ твоя спроси-
ти о мнѣ: и Божіе всемилоспивое
долгоперпѣніе окаянству моему еще
перпишъ; съ живыми съ червемъ мо-
имъ дышемъ. Четвершое лѣшо уже
государь мой наша, какъ непреспан-
но въ кровавыхъ слезахъ невинныхъ
пребываемъ, а помощи и засшупленія
ни отъ кого не имѣемъ, и спраж-
демъ, не вѣдаемъ за что, и раззоре-
ны до конца, учинены нищими и на
спор

стопы ногъ нашихъ не оставлено. Господемъ Богомъ свидѣтельствуемся, шой вѣсть прежде бышія всѣхъ чело- вѣкъ, не шокмо словомъ, или дѣломъ, но и помышленіемъ невинны, что ни нанесено. Давній шо, государь мой, обы- чай, чешутъ слухи приложенными гла- голы и завистію движими оклеветаю- ще, да воздасть Господь Богъ здѣ и вѣ день суда своего праведнаго; а мы, бѣдные и всякія милосши оппор- женные, шокмо имѣемъ въздыханіе и плачь, ничто износяще лукавно. Уми- лостивися государь мой, вспомяни Божіе слово: блажени милосшиви, яко ініи помиловани будутъ. Се милость, егда кто кому вѣ бѣдахъ сущему по- можетъ словомъ благимъ, совѣтомъ правымъ. Кто милосши желаетъ и шворитъ ю, шой и самъ опъ Бога помилованъ будетъ. Елико немилосши- ви, непошадѣніе Божіе на судѣ не- милосшивымъ; шoliko помилованіе су- губо милосшивымъ, и воздаяніе вѣ царствіи небеснѣмъ, за едину чашу спуденой воды животъ вѣчный, чтобъ Великой Государь пожаловалъ велѣлъ насъ изъ сего започенія и злоключе-

нія

нїя сего невиннаго взять , и разворенїе наше невинное возвратишь , и жишь намъ бѣднымъ , гдѣ его Государская воля будетъ , чшобъ намъ въ такой нуждѣ прежде времени не скончались. По семъ работникъ швой Артемошка Матвѣевъ челомъ бью.

Письмо къ Боярину ко Князю Якову Никитичу Одоевскому.

Государь милоспивый Князь Яковъ Никитичъ ! подай Господь Богъ тебѣ , государю моему , здравствовать на многія лѣта со всемъ швоимъ , государя моего , благодарнымъ домомъ. Аще волишь воля швоя и милоспъ , государя моего , спроси о мнѣ убогомъ и всеконечнѣ разворенномъ : и Божіе всемилоспивое долготерпѣнїе беззаконїю моему терпитъ ; еще съ живыми дышемъ. Въ первой моей челобитной къ Великому Государю , чего спароси ради и увѣчья моего погорбленнаго , а паче всего гнѣва ради

ди

ди его Великаго Государя и опалы, и раззоренія моего невиннаго, для очищенія многое безпамятствомъ своимъ не написалъ; а что воспоминавалъ, и то во второй моей челобитной и писано, и то тебѣ государю моему будетъ извѣстно: спражду, и раззоренію твоему, не имѣя вины. Умилися, государь мой! сотвори милость, какъ спшануть челобитную мою предъ Великимъ Государемъ чесшь, представельствуй о мнѣ всякія милости и помощи опшорженномъ. Воспомни Божіе слово, реченное: основаніе благихъ ничтоже ино, развѣ милость; на семъ, рече, законъ и Пророки висятъ. Якоже бо въ вещество огнь вшедъ и вся очищати обыче, сие и милость: милости, теплоси, идѣже еще впадетъ, вся истребляетъ спраждушая, и исцѣляетъ. Воспомни работишку мою, какъ въ докладъ гошовилъ Думной Дьякъ Герасимъ Докторовъ дѣло. Воспомни работишку мою ко опцу своему, государю моему Боярину Князю Никитѣ Ивановичу въ посольскихъ его сбѣздахъ, во второмъ и въ послѣднемъ. А иныхъ пи-

са-

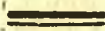
сапи не смогу, за малое прїимите, а надо мною странно раззореннымъ велию милость явите, чтобъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ насъ изъ сего започенїя свободить, и раззоренїе наше невинное возвратить, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская милоспивая воля будетъ, чтобъ намъ бѣднымъ съ червемъ моимъ въ такой нуждѣ прежде времени не скончашься. Работникъ твой Арпемошка Машвѣвъ челомъ бью.

*Письмо къ Боярину Кириллу Полуевк-
топичу Нарышкину.*

Государь мой Кирилъ Полуевк-
вичъ! подай Господь Богъ тебѣ, госу-
дарю моему, здравспивовать на многія
лѣта со всемъ своимъ благодатнымъ
домомъ. Аще волишь воля швоя спро-
ситъ о мнѣ: и Божїе всемилоспивою
долгошерпѣніе окаянству моему шер-
питъ; въ бѣдахъ моихъ и въ невин-
номъ моемъ раззоренїи еще съ червемъ

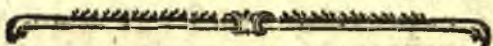
моимъ Андрюшкомъ дышемъ, вся видя предъ собою жестокая, а милости и помощи не имѣю; а въ житіи моемъ бѣдномъ кровавомъ слезы, голодъ, холодъ, шѣсношу, дымъ, укореніе, поношенія и прочая, вѣсть Господь Богъ, исписати не могу; а о васъ, пріяшеляхъ моихъ, не токмо писанія, ни слова не могу слышати, какъ изъ Казани повезенъ. Надежда моя Господь Богъ, аще здѣ меня измучитъ въ малѣ. Се же нѣсть образъ мученія, но милости и наказанія, яко Апостоль рекъ: яко судими отъ Бога наказуемся, да не съ міромъ осудимся; яже бо здѣ, наказанія суть; а еже тамо, помленія суть и муки вѣчныя. Не токмо тогда есть Богъ благій, егда намъ благая подаютъ, богатство міра сего, славу, здравіе, веселіе, радость; но и тогда благій есть, егда нищету подаютъ и поношеніе, болѣзнь и печаль; тогда паче благій Человѣколюбець большую показываетъ намъ милость: въ малѣ бо даетъ наказаніе, да свободитъ отъ вѣчнаго мученія. Аще имаши благовременный и радостный приступъ къ благочестивой

вой Государынѣ нашей Царицѣ и Великой Княгинѣ Нашальѣ Кириловнѣ, и къ Государю Царевичу и Великому Князю Пётру Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи: воспомяни любовь мою къ себѣ нелицемѣрную, и улучи время по достоинству величества, попроси милости за меня невиннаго и раззореннаго до конца, и неимѣющаго ни оупъ кого помощи, кромѣ всевысочайшаго и всеильнѣйшаго Царя и Бога, чшобѣ она, Великая и благочестивая Государыня, и Великій Государь Царевичь, попросили о невинности моей, чшо по ненависти врагѣ моихѣ раззоренѣ шуне, у благочестиваго и милоспиваго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Государя премилоспиваго, чшобѣ онѣ Великій Государь велѣлѣ насѣ изѣ сего злоключенія взяшѣ, и раззореніе наше возвратишѣ сѣ милоспію, и живѣ намѣ, гдѣ его Государская воля будетѣ. А буде милости Великаго Государя не будетѣ, и изѣ сего злоключенія взяшѣ насѣ не укажетѣ, чшобѣ указалѣ намѣ

съ сиротами нашими до своего Госу- дарскаго милоспиваго указу даватъ хлѣбъ и на харчъ денежной кормъ, какъ инымъ и виннымъ дають кормъ, а нашей вины, кромѣ службъ и кро- вей и работъ всякихъ правыхъ, ни- какой вины нѣтъ. Свидѣтель ми есть всевидящее Око, отъ негожъ и тьма не помрачится, возненавидѣвъ и раз- зоренъ шуне. А естли милости Ве- ликаго Государя не будетъ, я кор- мить насъ не укажетъ, и о насъ ино благо ничтожъ чается, почію смерть, послѣдствующая всякой ради скудо- сти. Естли, благодатель мой, указу Великаго Государя заповѣданнаго срод- нымъ и друзьямъ моимъ нѣтъ, и еще волишь воля ихъ и благопріят- ство мое вспомянуть и умилишься на раззореніе мое всеконечное, чшобъ Христа и Бога ради прислали мило- стыню, елико кого сила имашъ; чшобъ о томъ побили челомъ Великому Госу- дарю; а въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ Боярину Юрью Алексѣевичу Долгоруко- ву, чшобъ шу ихъ милостыню приняли въ приказъ, а мнѣбъ указалъ Великій Государь дасть изъ доходовъ, гдѣ со- сланъ,

сланъ , или гдѣ милостию Великаго Государя переведенъ буду ; а больше сего писати сими чернилы , разведенными кровавыми моими слезами , не могу . По семъ паки здравствуй . Работникъ швой Арпемошка Машвѣвѣ челоу бью .

Первое письмо къ Боярину Ивану Михайловичу Милославскому , отправленное по 185 году .

Государь мой , милостивый благодатель , Иванъ Михайловичъ ! подай Господь Богъ тебѣ , государю моему , здравствовать на многія лѣта со всемъ швоимъ , государя моего , благодатнымъ домомъ . А извоишь спросить о мнѣ : и Божіе всемилостивое долгошерпѣніе окаянству моему еще шерпитъ ; съ живыми и съ червемъ моимъ еще дышемъ . Многими напастями и скорбями умученъ , едва воздохнуши могу ; шако бо сердце мое многими злыми изше , яко едва движется ;

обаче прошеніе и челобитье мое къ тебѣ, государю моему и благодателю, написати дерзнулъ. Времяжѣ мое бѣд-ное и горькое сіе, и случай мой сей окаянный и пагубный, спрасить и раззореніе, како изрещи могу? отъ плача бо кроваваго умъ мяшется. Кое бо сицево зло есть, еже бы въ моей бѣдѣ не случилось мнѣ? И кто когда тако высокаго чина обнаженъ, и имѣнія и домъ, и волчинъ и помѣспій оппаде, якоже азъ? И на стопы ногъ моихъ не имѣю, и сего ради имаю въ забвеніи отъ жалости и самаго себе, что прежде быхъ кто, нынѣ есмь азъ единъ, люю всѣхъ чеснѣю, не имѣя помощи, показахся, осудиша мя винѣ, не представиша мя суду, вбрющи словамъ ложнымъ предъ вами Бояры Давыдка. Умилися, благодѣтель мой! Слышу, всѣмъ приходящимъ къ тебѣ благотворишь болѣзнь мою, и раззореніе мое напрасное и безвинное разумомъ своимъ высокимъ и судомъ праведнымъ разсудишь, и всѣхъ ропшущихъ и клеветующихъ на мя далече отъ милости своей отослаши повелишь, и да отрещи слезы

кровавыя мои, и заступленіемъ своимъ по челобитной моей, какову у меня принялъ приставъ Гаврила Яковлевичъ Тухачевской и послалъ къ Великому Государю.

*Второе письмо къ немужъ Боярину
Ипану Михайловичу Милославскому,
отправленное по 187 году.*

Государь милосливый благодѣшель Иванъ Михайловичъ! подай всевысочайшій Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта со всемъ своимъ благодашнымъ домою. Аще волишь воля швоя и милость государя моего спросить о мнѣ: и Божіе всемилосливое долготерпѣніе окаянству моему еще терпимъ, съ живыми дышемъ. Въ первой моей челобитной къ Великому Государю чего старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, а наипаче гнѣва ради и опалы и всеконечнаго моего раззоренія, безпамятствомъ своимъ не писалъ, чшобъ па-

че невинность моя предъ Великимъ Государемъ отъ злыхъ сердца чело-
вѣкъ очистилась, и шо во второй
моей челобитной писано: извѣстно ше-
бѣ, государю моему, будетъ. Услыши,
благодѣтель мой и государь, что
Сотворшій всяческая глаголетъ: блю-
дите и не презрите единого отъ ма-
дыхъ сихъ; Ангели бо ихъ выну ви-
дятъ лице Отца моего, иже на небе-
сѣхъ. Всякъ вѣрный Ангела мирна
имашъ; зане искони кождо отъ благо-
искусныхъ мужей Ангела имѣли, яко-
же глаголетъ Іаковъ: Ангелъ, иже
питаетъ и избавляетъ мя отъ юно-
сти моя. Сего ради молимся, и гла-
големъ просяще: Ангела мирна, и вез-
дѣ мира просимъ, яко той естъ ма-
ти всѣхъ благихъ. Сего ради Хри-
стосъ Спаситель нашъ и Апостоломъ
сіе глаголаши повелѣ, якоже иѣкая
знаменія благихъ. Кая же польза, благо-
дѣтель мой и государь, аще со онымъ
убо миръ, со онымъ же вражда? Сущъ
бо многи радующеса о злыхъ, а не
о мирѣ, и не воспоминающъ, яко судъ
уготовася безмилосщенъ несотворше-
му милоссти. Всяко погрѣшеніе преж-

де конца имать исправленіе. Съ почапку лѣтъ моихъ до сего злаго моего и горькослезнаго времени, кромѣ работъ моихъ къ родителемъ твоимъ, и твоего жалованья, къ себѣ ничего не знаю и въ службѣ твоей Аспраханской, кромѣ работъ своихъ, ничего не знаюжъ, и въ томъ свидѣтель ми есть Господь Богъ, да братъ твой Окольникій Андрей Ивановичъ Чириковъ. А что, государь мой, похлѣбствуюшъ и присвояюшся къ тебѣ, какъ времени обычай, о выборѣ въ Аспрахань, той же Господь Богъ вѣсть, если бы то на среду вынесено было, былъ бы я свободенъ правдою своею, что та посылка волею Божіею и Великаго Государя изволеніемъ, а причина кромѣ меня. Умилися, государь! сотвори милость о мнѣ невинномъ и спранно раззоренномъ: какъ сшанутъ челобитныя мои честь предъ Великимъ Государемъ, предшашельствуй, чтобъ Великій Государь, славы ради своему Государскому имени, велѣлъ раззореніе наше невинное возвратить, и изъ сего злоключенія взять, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ ево Государя милости-

вая воля будетъ, чтобъ наши бѣдныя кровавыя невинныя слезы ко Господу Богу на тѣхъ преслили, копорые безъ всякой нашей вины отъ Государской милости изгнали и до конца раззорили. Умилися, благодѣтель мой! и да получишь за сіе заступленіе невинное здѣ и въ будущемъ вся благая. Ими миѣ странному вѣру, въ такое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской, не токмо купить части мяса, или калачъ, или иныя какія нужды потребныя для пищи, хлѣба на двѣ деньги купишь не добудемъ, и нѣтъ, и не знаютъ того съ почашку, какъ жишь почали; одинъ борщъ ядятъ, да прибавляютъ по горсти муки ржаной; и то прожиточные люди ядятъ, а убогіе борщъ одинъ, да и шотъ въ Пустоозерскомъ не родится, привозятъ съ Ижмы. Да не токмо, государь, купить что, имени ради Божія выпросишь милосыни не у кого, да и нечего; для того что сами межъ себя просятъ, и дашь некому и нечего, и бредушь врознь, а доспальные на шотъ же путь смотрятъ глада ради. А у меня, государь,

дарь, что по милости Великаго Государя не ошнято было, и по водами, премѣнными горами, перевозками, пошоплено, расперяно, раскрадено, разсыпано, вышочено; и въ такомъ нашемъ раззореніи ничтожь о насъ чаешся паче ино, точію смерць, приснопослѣдствующая скудству всякскому. Работникъ твой Артемошка Машвѣвъ челомъ бью.

Письмо къ Болрину Богдану Машвѣвичу Хитропу.

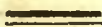
Государь мой премилостивый благодѣшель Богданъ Машвѣвичъ! подай Господь Богъ тебѣ, государю моему, здравствовать на многія лѣта, и со всемъ твоимъ, государя моего, благодашнымъ домоу. Аще волишь воля и милость твоя, государя моего, изволишь спросить о мнѣ: и Божіе всемилостивое долготерпѣніе беззаконію моему терпишь; еще съ живыми чухъ дышемъ. Въ первой моей челобитной къ

къ Великому Государю, чего старости ради и увѣчья моего погорбленнаго, и его Государскія опалы, и всеконечнаго моего невиннаго раззоренія, что видѣлъ въ Божественномъ писаніи, и то безпамятствомъ своимъ не написалъ на очищеніе невинности своей, а нынѣ во второй моей писано; и когда ша челобитная чтена будетъ предъ Великимъ Государемъ, умилися, благодѣтель мой и государь, надо мною, видя меня, спранна и всякія милости и заступленія и помощи лишена и опшорженна, и въ конецъ раззоренна, и на стопы ногъ моихъ не оставлено, и безвинна и плачуща уже четвертое лѣто, и ушопаяща въ кровавыхъ нашихъ непрестанныхъ слезахъ, а помощи ни отъ кого неимѣющихъ: заступи и предшательствуй о мнѣ; вспомяни милость свою ко мнѣ и работишку мою, аще и малую, только правую; не повѣрь обычаю злыхъ, иже чешутъ слухи предложенными глаголы, и зависію движими оклеветашающе. Ничто же бо тако, благодѣтель мой и государь, можетъ сошворити Христоподражашеля,

яко

яко помышляти о искреннихъ. Но
 еще и постишися, еще и долу лега-
 еши, ничшо же веліе содѣлалъ еси ;
 еще что и примешь искренняго ради
 и невинна, обаче принесешъ ти нѣкое
 утѣшеніе отъ Бога, и примешь вѣч-
 ную славу и благихъ наслажденіе.
 Еще ли же речешь : не мое , но свое
 кождо смотри ; о семъ блаженный
 ошвѣщаетъ Павелъ : еще раздамъ вся
 имѣнія моя, и предамъ шѣло мое воеже
 сожеши е, любви же не имамъ, ни
 кая же ми польза. Рече : не свою, но
 ближняго искаши пользу, и мило-
 сердіемъ многимъ пользоваться ; ни му-
 ченичество, ниже ино что заступити
 тѣя возможетъ, еще не имаша пред-
 стательствовати. Еще сурубой мило-
 сти у себя прошу : попроси милости и
 милосердія у государыни моей, мило-
 стивой Боярыни Анны Пешровны,
 чшобъ она, видя мою невинность и
 слезы кровавыя и непрестанныя съ
 червемъ моимъ, и разореніе мое все-
 конечное, для воздаянія на небесѣхъ
 будущихъ благъ въ некончаемомъ цар-
 ствіи, предстательствовала о мнѣ
 у Великаго Государя съ по-
 бою,

бою, благодѣшелемъ моимъ, чтобѣ Великій и милоспивый Государь велѣлъ насъ изъ сего зашоченія взять, и раззореніе наше возвратишь, и жить намъ бѣднымъ, гдѣ его Государская милоспивая воля будетъ, чтобѣ съ нуждъ и съ голоду и съ холоду прежде времени душъ не изврещи. Ими, благодѣшель мой и государь, мнѣ убогому вѣру, вѣ такое мѣсто посланъ, какъ имя ему Пустоозерской: не токмо купишь часть мяса, или калачъ, и какія нужды пошребныя для пиши, хлѣба на двѣ деньги купишь не добудушь, и нѣтъ, и не знаютъ того съ почашку, какъ жить почали; единъ борщъ ядятъ, да прибавляютъ муки ржанья по горсти; и то прожиточные люди. А не токмо, государь мой милоспивой, купишь что, но имени ради Божія выпросишь милоспшны не у кого, да и нечего; для того что сами межъ себя просятъ, и дасть некому, и нечего, и бредушь врознь, а и доспальные на тошъ же пушь смотрятъ глада ради. А у меня что по милости Великаго Государя что не опнято было, и то, государь мой,

во-

водами и горами и переволоками по-
поплено, растеряно, раскрадено, раз-
сыпано, вышочено; ничто же прочее
о насъ чаеся иное, точію смерть,
приснопослѣдствующая скудспву вся-
кому. Работникъ швой Артемошка
Машвѣвѣ челомъ бью.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Въ прибавку еще съ пополненіемъ
самымъ неложнымъ и испиннымъ, къ со-
вершенію онаго совѣстнаго оправданія,
и весьма къ безпорочному извѣщенію,
по вышепредъявленнымъ его же Боя-
рина Артемона Сергѣевича высоко-
хвальныхъ и достошноблаженныя памя-
ти, тако же и сына его при благо-
получномъ государспвованіи высоко-
державнѣйшаго Государя Царя и Вели-
каго Князя Алексѣя Михайловича,
всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи
Самодержца, тогда бывшаго Комнаш-
наго Спольшника Андрея Артемонови-
ча Машвѣвѣвыхъ, къ благочеспивому
Ве-

Великому Государю Царю и Великому
 Князю Феодору Алексѣевичу, всея Вели-
 кія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
 держцу; яко святѣйшему Іоакиму, Архі-
 епископу Московскому и всея Россіи и
 всѣхъ сѣверныхъ спранѣ Патріарху,
 по горькослезнымъ и законно очисти-
 тельнымъ шремъ челобитнымъ его
 Боярскимъ, и къ знашимъ вѣка по-
 го къ присутствующимъ ближнимъ
 Бояромъ, и къ Царскому Духовнику,
 по просительнымъ письмамъ, сей всѣхъ
 оныхъ вышеозначенныхъ челобитенъ
 и писемъ многошрудившійся, и пре-
 же бывшій въ Пустоозерскомъ острогѣ,
 и собственною рукою своею достовѣр-
 ный писатель, при бывшемъ помѣ
 какъ долготѣшномъ заточеніи его
 Боярскомъ, и сына его, и не однократ-
 номъ уже во 185 и потомъ во 190
 годѣхъ отъ воровскаго бунта Москов-
 скихъ стрѣльцовъ, дому его всеконеч-
 номъ раззореніи, такъ и по справедль-
 ческомъ отъ нихъ же воровъ стрѣль-
 цовъ его Боярина Артемона Сергѣеви-
 ча въ то же смутное время варварскомъ
 убіеніи, съ великимъ любопытствомъ
 и трудомъ, всѣ шѣ собравъ оныя
 сии-

снискашель тщаельно, и яко при
 всемъ помъ его Боярскомъ, и сына его
 невинномъ злоспраніи, и при седми-
 лѣшнемъ започеніи съ начала самага
 первой его Боярской посылки подъ ви-
 домъ Сибирскаго воеводства въ городъ
 Верхотурье изъ Москвы до Казани, и
 изъ Казани попомъ неправымъ и не-
 повиннымъ осужденіемъ въ ссылку до
 Пустоозерскаго острога и опшуды до
 Мезени, а съ Мезени до города Луха,
 и до возвращенія въ царствующій градъ
 Москву, и во время вышешепянушаго
 стрѣлецкаго бунша свидѣтель сей оче-
 видный всѣмъ онымъ бѣдспвамъ само-
 видѣць, и присулспвенный сосспра-
 далецъ сущею, не пришворною, но пря-
 мою и безспраспную испинною нелице-
 мѣрно, по благочестію вѣрнаго своего
 Христіянства, возбужденъ есть не-
 уполимо и неложно. Сіе самое чисто-
 лою совѣсти своей, безъ ласкашель-
 ства человѣкоугоднаго обспояшельнѣй-
 шее и вѣры достпойное нижеписанное
 изъясненіе, даже до самой свяшопо-
 чившей егожѣ Боярина Аршемона Сергѣе-
 вича кончины, разумному свѣшу со-
 общишь и предложишь на безсперп-
 Ч ную

ную его и всей изящнѣйшей его Боярской фамиліи въ роды родовъ и на безпорочную память, паче же ради народнаго всѣмъ и прямаго извѣстія, да не бы кто отъ невѣдущихъ о томъ довольно, и отъ спраси злодѣйствующихъ людей, и отъ какой многоядовишой козни и въ людѣхъ сродной ненависти и злобы исполнившихся на немъ Бояринъ и на сынъ его, при преждебывшемъ злополучіи ихъ неповинно, прошивъ всѣхъ Божественныхъ заповѣдей, Апостольскихъ преданій, отеческихъ правилъ, Христіанскихъ всѣхъ Царей законовъ, государственныхъ правъ, и прошивъ законноутвержденнаго въ самомъ Россійскомъ царствѣ святохранимаго печатнаго уложенія о невинномъ осужденіи безъ достойнаго правосудія, токмо по лживымъ сущимъ клеветамъ отъ наученныхъ и вымышленныхъ составовъ и воровскихъ доводовъ, точно и свѣшло уже въ его Боярскихъ высокопомянутому Великому Государю Царю Феодору Алексѣевичу, Самодержцу Всероссійскому, достоблаженная памяти тогда царствующему, и

ко

ко вышеименованному святѣйшему Іоакиму, Патриарху Московскому, правящему тогда престолъ Всероссійскій, святошлѣщныяжъ памяти, въ трехъ челобитныхъ изобличительно изображенныхъ, такъ о злоспращательномъ седмилѣтнемъ ихъ Боярина и сына его заточеніи, и ошъ несвѣдомыхъ Божественнаго писанія, ни силы его, изъ скоропостижной и безразсудной человѣческой продерзливости, неистовымъ какимъ и наглымъ навѣтомъ, или нападеніемъ клеветливымъ впредь дерзнулъ за то ложной укоризны и безчестія напраснаго, оставшимъ рода его Боярскаго нанесшь; того ради все то объявленіе симъ нижеслѣдующимъ и правымъ умному свѣту изъясненіемъ; да заградитъ уста шѣмъ глаголющимъ на праведнаго беззаконіе.

По вышепомянутымъ его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его Андрея Артемоновича Машвѣвыхъ къ его высокопомянутому Царскому Величеству горькослезнымъ шремъ челобитнымъ, во 188 году велѣно ихъ изъ Пустоозерскаго острога перевезшь

на Мезень; и бысть до указа за шѣмъ же приславомъ, Стольникомъ и Воеводою Гавриломъ Яковлевымъ сыномъ Тухачевскимъ, гдѣ пробыли до 189 году.

Въ томъ 189 году благочестивый Государь Царь и Великій Князь Теодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, при совершенныхъ уже лѣшѣхъ онаго государствованія своего, вступя прямо въ свою державу, и часто болѣзнуя отъ своей тогда бывшей естественной скорби скорбушки, то есть цынгошной, изъ шѣхъ его Боярскихъ зѣло плачевныхъ челобитенъ, по природному Его Царскаго Величества и безприкладному ко всѣмъ подданнымъ своимъ милосердію, и безстрастному правосудію, самую правосію его Боярскую невинность законно разсмотря и разсудя всѣми Божественными, Апостольскими и богоносныхъ отецъ святыми писаніи избличительныхъ многокозненныхъ клеветы, и весьма ложныя на него отъ явныхъ его Боярскихъ злодѣевъ вымышленныя, и Его Царскому Величеству на него Боярина Арше-

Артемона Сергѣевича, и злопагубные наносы, шокмо по одной прекляшой зависти, и ослабленной ненависти, и по врожденной въ брашоненавистиномъ Каинскомъ озлобленіи спраспи, и отъ тѣхъ внутреннихъ его Боярскихъ супостатовъ вымышленной, и всякой лжи исполненной, наипаче же всякаго смѣху передъ всѣмъ умнымъ свѣтомъ достойной, чрезъ непопробнаго изъ послѣдней крестьянской чади одноглазаго, и тогда въ самомъ особливомъ своемъ воровствѣ и въ шюрмѣ держимаго сославщика и вора лѣкаря Давыдки Берлова вымышленной, и наученной на него Боярина Артемона Сергѣевича ужасной, и ни въ чемъ опшнюдь по самой истиннѣ несообразимой, но ясно ложной доводъ, и всѣмъ Царскимъ законамъ и градскимъ правамъ и самому государственному Всероссійскому уложенью всемѣрно прошивной, понеже честь Царева судъ любилъ: шого ради въ шожее время Его Царское высокопомянутое Величество повелѣлъ шого явнаго вора и лжесоставнаго доводчика Давыдку Берлова сослать въ Казань въ ссылку на

вѣчное житіе, гдѣ потѣ злопагубной сосудѣ, яко древній Искаріотѣ, на безконечную и горшую себѣ еще пагубу изчезѣ.

Во 190 году мѣсяца Генваря въ первыхъ числѣхъ Спрмяннаго полку съ Капитаномъ съ Иваномъ Сергѣевымъ сыномъ Лишуковымъ изъ Москвы на Мезень присланъ былъ отъ Егсѣя Царскаго высокопомянутаго Величества къ вышеименованному его Боярскому приставу къ господину Тухачевскому указѣ, по копорому велѣно ему призвавъ его Боярина Артемона Сергѣевича и сына его, объявить имъ, что Его высокопомянутоежѣ Царское Величество, разсмотря ихъ невинность, и бывшее на нихъ самое ложное оклеветаніе, и милосердуя объ нихъ, Бояринѣ и о сынѣ его, указалъ ихъ изъ за пристава освободить, и Московскою ихъ дворѣ, и подмосковныя и другія вотчины и пожитки оставшія за раздачею и продажею, имъ по прежнему возвратити, и сверхъ того еще ему же Боярину и сыну его пожаловалъ вотчину изъ дворцовыхъ селъ въ Суждальскомъ уѣздѣ село Верхній Ландехъ съ

сѣ деревнями, восемь сотѣ дворовъ
крещьянскихъ, и отпуспитъ его Боя-
рина и сына его сѣ Мезени свободна
въ городъ Лухъ, давъ имъ подорож-
ную и ямскія подводы, на чемъ мо-
гутъ они подняться, гдѣ имъ впередъ
ожидать будущаго отъ Его Царскаго
Величества къ себѣ указу. И шогожъ
времени вышеименованной приславъ
и Мезенской Воевода Господинъ Туха-
чевской, при всѣхъ шѣхъ случаяхъ
бѣдсва его Боярскаго и ссылки семи-
лѣтней, къ нему Боярину и сыну
его будучи весьма склоннымъ и добро-
желательнымъ благодѣтелемъ, о чемъ
подлиннѣе на своемъ мѣстѣ изъявле-
но будетъ, по силѣ онаго его Царска-
го указу въ крайней скороспи все по
вышеписанное исполня, отправилъ его
Боярина Артемона Сергѣевича и сына
его Андрея Артемоновича удовольство-
вавъ подводами и напушными потре-
бами, и провожалъ нѣскольکو отъ
Мезени вершѣ сѣ великимъ почтені-
емъ, и сѣ премногою шого разлученія
своего и благопріяшства любовію.

Не возмозножѣ списателю сего
приснопамятнаго и вѣчной хвалы до-

стойнаго отъ негожъ господина Тухачевского, мужа благоразумнаго, и всякаго цѣломудрїя и благочестїя въ Христїанствѣ исполненнаго, не токмо великаго благодѣянїя, но и самаго Христолюбиваго милосердїя всехвальное дѣло молчанїемъ обойши: ибо при преждебывшей ихъ Боярина и сына его въ Пустоозерскомъ оспрогѣ ссылкѣ, гдѣ оной же господинъ Тухачевской въ то время Воеводою, а при немъ Бояринъ и сынъ его приставомъ присушествовалъ, онъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ за безмѣрнымъ удаленїемъ того Пустоозерскаго оспрога, и за безвѣстїемъ глубокимъ, что въ томъ краѣ земледѣльства никакова нѣтъ, и объ немъ отнюдь не знаютъ, и токмо въ оспрогѣ томъ, зѣло малолюдномъ, всякаго чина жилища, числомъ всѣхъ со сто дворовъ обрѣтающихся, питающихся съ Вычегды рѣки изъ Еренска и изъ Пермїи ближней, на малыхъ самыхъ каючкахъ весною, однажды въ годъ привознымъ хлѣбомъ; а съ нимъ Бояриномъ тогда были: учитель сына его Андрея Артемоновича, изъ меньшаго Польскаго
шля-

шляхетства, Иванъ Лавреншѣевъ сынъ
 Поборской и священникъ Василій, по
 прозванію Черицовъ, и всякаго чину,
 дому его Боярскаго людей безъ малу
 припцашъ человекъ, и которой хлѣб-
 ной запасъ прежде про обиходъ домо-
 вой его Боярской съ нимъ привезенъ
 былъ, уже издержался въ расходы
 до весны, и до приходу туды оныхъ
 судовъ съ хлѣбомъ за два мѣсяца, или
 больше, токмо всего его Боярскаго за-
 су на лицо осталось при сухаря. Увѣ-
 давъ въ тоже время онъ господинъ
 Тухачевской о такой всеконечной уже
 его Боярскаго дому скудосни, и у
 себя имѣючи хлѣбнаго запасу только
 шесть кулей ржаной муки, половину
 изъ той на свое пропитаніе оставляя,
 другую къ нему Боярину на суду
 прислалъ; подобно древней исторіи
 высокославнаго вельможи, бывшаго при
 дворѣ Фараоновъ Іосифа прекраснаго,
 во время гладу тогда пропитавшаго
 братію свою.

Ежели бы при такомъ отъ глада
 онаго уже весьма послѣдствующемъ бѣд-
 ствѣ не показалъ онъ господинъ Туха-
 чевской такова невозмезднаго своего и

человѣколюбнаго милосердія, то пришло бы уже къ тому, чтобы неизбытно отъ безхлѣбницы той ему Боярину съ сыномъ и со всемъ домою своимъ неиздѣльно оцѣнжать, и отъ глѣда того безвременно погибнуть; понеже въ ту пору у обывателей того острога, кромѣ всякому про себя унопробительной нуждицы имѣющему, ни четверика за расходомъ на продажу не сыскалось, и отнюдь не бываетъ, хотя бы кто за четверикъ ржаной муки по десяти рублей давалъ, никакимъ образомъ сыскать и получить не могъ, но и всегда и въ самой привозъ съ Руси тотъ хлѣбной пудъ ржаной муки меньше рубля цѣною тамъ не купятъ; и больше всѣхъ того острога жилиши, отъ большой части въ мясоѣды пшитами всякой дичи, а въ посты изъ рѣки Печоры множествомъ семги, нелемъ, сиговъ, чировъ, пеледей и иною бѣлою рыбою питающа со многимъ изобиліемъ. Однакожъ всѣхъ изъ нарочитыхъ жилишей острога того къ нему Боярину и ко всѣмъ несчастіе имѣющимъ тамъ бытъ въ ссылкѣ по премногу челоѣколюбивы

вы и всякими вышепомянутыми хар-
чами збло ссудливы.

О ссылкѣ шой Пустоозерской, и о
переведеніи изъ шой на Мезень распро-
странять не нужно есть, понеже въ
прошеніяхъ его Боярскихъ о томъ
подлиннѣе изображено есть.

Путь его Боярской и сына его
сѣ Мезени былъ чрезъ Колмогоры, гдѣ
тогда и на Двинѣ Воеводою былъ
Бояринъ Князь Никиша Семеновичъ
Урусовъ, и въ то прибытіе его Боя-
рина Артемона Сергѣевича и сына его,
онъ Бояринъ Князь Никиша Семено-
вичъ принялъ его сѣ великою любовію
и сѣ открытствомъ пріятельскимъ
всего дому своего, и всѣ Колмогорскіе
жители, иноземцы и всякаго чину лю-
ди со многимъ благопріятіемъ почте-
ніе ему Боярину Артемону Сергѣевичу
учинили; и онъ Бояринъ и Воевода и
сѣ дѣтьми своими его Боярина Арте-
мона Сергѣевича пять верстѣ отъ
Колмогорѣ до села, зовомаго Машиго-
ры, провожалъ, и расстался сѣ вели-
кою любовію.

Сѣ Колмогорѣ путь егожѣ Бояр-
ской отправился зимней на Волгу
чрезъ

чрезъ городъ, именуемой Шенкурскъ, гдѣ тогда присушествовалъ Воеводою Думной Дворянинъ Григорій Стефановичъ Карауловъ, который и всѣ тамошніе граждане встрѣтя со всякимъ почтеніемъ, и удовольствовавъ напущными потребами, проводили его Боярина Аршемона Сергѣевича и сына его съ великою честію.

Опшуды путь продолжился до Вологды города, гдѣ тогда Воеводою былъ Стольникъ Князь Петръ Ивановичъ Львовъ, которой съ дѣтьми своими за нѣскольکو отъ Вологды верстъ и при немъ тамошніе обыватели, иноземцы, а именно: Иванъ Гаутманъ, Володимеръ Эводсъ, Андрей Бушъ и прочіе всякаго чину тогожъ города обыватели встрѣтили его Боярина съ премногою честію, и удовольствовавъ изобильно всякими потребами путевыми, провожали немало верстъ.

Съ Вологды прибывъ въ городъ Ярославль отъ Воеводы господина Уньковского, и отъ купечества тамошняго онъ Бояринъ и сынъ его равномернуюжъ честь и всякое довольство на путь свой имѣлъ.

По-

Потомъ мѣсяца Марта въ послѣднихъ числѣхъ онъ Бояринъ Аршмонъ Сергѣевичъ и сынъ его со всѣми при нихъ сущими достигли прежде помянушаго города Луха, гдѣ Его Царскаго Величества присланъ указъ объ отказѣ вышеозначенной ему Суждальской вотчины села Ландеха, и объ отводѣ довольныхъ на тамошнее его Боярское пребываніе постоялыхъ дворовъ до указу.

Послѣ того его Боярскаго въ оной городѣ Лухѣ прибытія, мѣсяца Апрѣля въ послѣднихъ числѣхъ, внезапно прибылъ изъ Москвы свойственникъ ближней его Боярской Стольникъ Карпъ Есифѣевъ сынъ Сышинъ къ нему Боярину съ злополучною, и всему государству Россійскому съ многоплачевною вѣдомостью, что волею Божіею погожѣ мѣсяца Апрѣля въ 27 день благочестивый Государь Царь и Великій Князь Феодоръ Алексѣевичъ Самодержецъ всея Россіи преславился.

Та вѣдомость свыше чаянія такъ ему Боярину зѣло чувствительною и горькоплачевною объ оной Его Царскаго Величества кончинѣ была, что онъ
Боя-

Бояринъ, забывъ всѣ безмѣрныя свои и злополучныя прежде бывшія несчастія и бѣдства, по многіе дни неуѣшными своими плакаль и рыдалъ слезами, припоминая съ молодыхъ лѣтъ Его Величества высочайшую и крайнюю къ себѣ и къ сыну своему бывшую милость, и за извѣстно вѣдая, что Его Царскаго Величества всесвященная душа не своимъ подвигомъ собственнымъ, но отъ братоненавидной зависти, не вѣдущей полезная предпочитати непріятелей своихъ главныхъ и предателей, подобной Іосифа блаженнаго лжебратіи явноложными вымыслами и лестными наносами нагнѣвъ къ нему Боярину приведена была, и еще не меньше того пролитіе оное горькихъ слезъ его Боярскихъ было, и ни по какимъ разговорамъ неуѣшимое, наипаче же о томъ безчастіи своемъ, что онъ Бояринъ передъ шую Его Царскаго Величества кончиною не сподобился очи его Царскія увидѣть, и персонально на тѣхъ великихъ злодѣевъ своихъ о милосердомъ себѣ по совершенной невинности своей правомъ судъ, и по разсмотрѣніи

ни того о полномъ удовольствѣ и о управѣ слезно у Его Величества на тѣхъ непріятелей своихъ, безвинно на него тѣми злодѣйственными ихъ навѣшами и составными клеветами нападшихъ и безвинно его осудившихъ просить, о которыхъ пространѣ сіе настоящее объявленіе слѣдуется ниже сего.

Явственная и скоропоспѣжная опкрышой уже зависти наружно, какъ огонь крыющейся, и изъ древняго зданія вонъ выбился, оная причина опкрылася, то есть: по блаженной кончинѣ всепресвѣплѣйшаго и благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, приснопоминаемая и вѣчнодостоинныя памяти, къ комнатѣ его Царской присвоенныя и ближніе Бояре, Иванъ Михайловичъ Милославской, Богданъ Машвѣвичъ Хитрой съ племенникомъ своимъ съ Александромъ Савастьяновымъ, сыномъ Хитровымъ же, допусти къ себѣ въ общій совѣтъ Окольниковъ Василья Семеновича Волынскаго, кляшвеннаго всегда бывшаго

шаго ему Боярину Артемону Сергѣевичу, врага, по сродной шокмо чело-
вѣчеству зависти и ненависти, зная
совершенно его Боярина Артемона
Сергѣевича передъ ними всѣми выше-
именованными не въ примѣръ высокое
остроуміе, чрезмѣрной разумъ и пре-
восходное во всѣхъ дѣлѣхъ искусство,
и премногія къ Государю и ко всему его
государству вѣрныя и долголѣтныя
службы; и усмотря, что тогда на-
слѣдственный сынъ его Государевъ,
благочестивый Государь Царь и Вели-
кій Князь Θεодоръ Алексѣевичъ, вся
Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
держецъ, блаженныя памяти вос-
пріялъ престолъ короны Россійскія, и
при управленіи дѣлѣ посольскаго при-
казу онъ былъ Бояринъ Артемонъ
Сергѣевичъ по своей вѣрной и усерд-
ной предъ лицемъ Его высокопомяну-
таго Величества службѣ, тогда еще
зѣло угоденъ, и безъ всякой оспѣны
по высокой егожѣ Царской къ нему
Боярину милости съ докладами по пре-
жнему въ комнашы его Государевы до-
ступенъ. Начали тѣ вышесозначенныя
особы мыслишь всякія уму челоѣчес-
ко-

кому поспижные на него Боярина со-
спавляшь ковы: вопервыхъ, Бояринъ
Иванъ Михайловичъ Милославской, по
природной ему злонравной и неукро-
пимой зависпи на него Боярина Ар-
шемона Сергѣевича, а именно, что
будто наносомъ его Боярина Аршемо-
на Сергѣевича онъ Бояринъ Милослав-
ской, при благополучной благочести-
вѣйшаго Государя Царя Алексѣя Ми-
хайловича высокохвальныя и вседоспой-
ныя памяти, отъ двора Царскаго онъ
посланъ былъ Воеводою въ Аспрахань;
и то было его самодержавною Царскою
волею, и къ великой ему Милослав-
скому и всему роду его находкѣ и ко
всякой чести, а не къ упадку; поне-
же въ Аспрахани прежде издревле изъ
высокихъ предъ нимъ Милославскимъ
породѣ Бояре, а именно: Князь Борисъ
Александровичъ Репнинъ и Князь
Яковъ Никипичъ Одоевской, и прочіе
Воеводами бывали. А Бояринъ Бог-
данъ Матвѣевичъ Хишрой вознилъ
себѣ, что онъ, будучи дворецкимъ,
какова чину изъ городовыхъ Алексин-
цовъ, какъ онъ въ сновидѣніи бышь
никогда же вѣрили, кромѣ благополуч-

ной пѣхѣ временѣ машери его причинны, въ домѣ Боярина и дядьки Бориса Ивановича Морозова, производителя его Богданова, и племянникѣ его Александрѣ съ нимѣ же товарищемѣ въ приказѣ большаго дворца, кошорые изѣ государственныхъ дворцовыхъ селѣ и волостей, повсявременно вопчины свои всякими изобиліи, и заводы спроили и наполняли, шакожде и изѣ всѣхѣ сышнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовѣ премножественнымѣ похищеніемѣ всякихѣ дворцовыхъ обиходовѣ явственна и безспыдно по вся дни корысповалися, и великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковѣ богатили себя, что будно о всемѣ о томѣ вышешисанномѣ скрытнымѣ наносомѣ его Боярина Аршмона Сергѣевича Его высокопомянутому Царскому Величеству подробно было донесено и извѣстно; при томѣ же опасаяся и щого будущаго ему Боярину Аршмону Сергѣевичу, по видимому началу, и сына его Государева, Царя Θεодора Алексѣевича въ милосши, впредѣ благополучія, болѣе же всего цвѣшущей надежды по вѣрнымѣ и высокимѣ его

Бо-

Боярскимъ заслугамъ , на ожидаемую и преспѣвающую уже всему Россійскому государству неувядаемую опраель , тогда бывшаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея Россіи : того ради въ крѣпкую еще себѣ подпору и въ едино общество присовокупилъ сродницу свою вдову Анну Петровну Хишрую , того времени при Государѣ Царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ зѣло продерзостную и злоненависшную , подѣ Фарисейскимъ шолько видомъ поспшницу , и вверху бывшею Боярынею , и долговременно во всемъ сильную имѣвшую на себѣ мочь , къ споронѣ же высокопомынушаго его Государя Царевича , и матери его Государевой , Великой Государыни Царицы Натальи Кириловны по злопачевной всей Россіи ошѣ всего государства кончинѣ , супруга своего Государева , тогда уже вдовствующей зѣло люшую враждебницу , шакожде и присвоеннымъ къ споронѣ ея Государыни Царицы весьма шяжкою озлобительницею , подобною во всемъ была древней и окаянной Езавели , иногда алчущей крови Свяшаго Пророка Іліи

въ Израили; и та Боярыня хитрая видомъ, нравомъ и самымъ дѣломъ, паче же конечно по званію своему злохитрая, пусшой лицемѣрной бабьей святыни полная устами, а не дѣломъ, всячески всеприлѣжно щилася и искала ревностно удобна времени, како бы высокоименованную Царскую шу отрасль ушничествомъ и ложнымъ наговоромъ своимъ съ настоящимъ Царскимъ домомъ въ безсоюзство привести и свойственниковъ ихъ, и съ ними его Боярина Артемона Сергѣевича низвергнувши, конечно отъ Царской милости оплучить, и сославъ изъ Москвы, безъ остатку раззорить.

Окольнічій же Василей Волынской, человекъ гораздо посредственнаго смыслу и легкомысленной совѣсти, и малограмотной мужъ, хотя иногда не въ великомъ кредитѣ у дѣлъ былъ, шокмо обыклымъ своимъ при всѣхъ дворѣхъ нахальствомъ и смѣлою наглостью у тогдашнихъ фаворитовъ, то есть временщиковъ, всегда по своему лицемерному похлѣбничеству, и супруги своей по всехвальному въ Москвѣ въ тѣ времена всякаго золошомъ и серебромъ

ромъ дорогаго шипья въ своемъ домѣ, гораздо знаменишыхъ швей художеству нашель себѣ не по разуму своему, но токмо по шой льсшивой и стеклянной форшунѣ збло свѣшное благополучіе; и посаженъ былъ на нѣкоторое время потомъ въ посольской приказѣ, которой пакъ вразумительно управленіе шакихъ государственныхъ и полишическихъ дѣлъ остро зналъ, сколько медвѣдь на органѣхъ играшь; но потомъ онъ Волынской на шарость произведенъ былъ при концѣ своемъ въ Бояре; и по природѣ своей яросшой и злобной, за премногія показанныя при державѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, вѣчнодостойныя памяти, сильнымъ ходашайствомъ Боярина Артемона Сергѣевича, въ бѣдственныхъ его Волынскаго тогда по чину еще Окольнічаго прежде бывшихъ головныхъ злополучіяхъ, къ нему благодаренія. По шой кончинѣ Его высокопомянушаго Царскаго Величества, умаля природнаго своего дворянства и палашную честь при дворѣ Царскомъ, почалъ на него

Боярина Артемона Сергѣевича наглымъ своимъ ошъ злодѣевъ его Боярскихъ наученнымъ и надмѣннымъ безспудшвомъ, видя его уже весьма несчастливой упадокъ, звѣрски успремляясь безумно и лаяшь съ такою неосмопрительною своею яроспїю, аки левъ гошовъ на ловъ, и вѣдишь по дворамъ и по частымъ пиршешвамъ вышеименованныхъ тѣхъ фаворитовъ, или припадочныхъ людей, и всякими ложными соспавы и вымыслы на негожъ Боярина Артемона Сергѣевича коварно ушничаешь и обносить, и разные ковы на него Боярина составляютъ, угождая онымъ заспольнымъ своимъ увеселеніемъ, и манствомъ легкоумнымъ и суешнымъ яѣмъ припадочнымъ людямъ ласкашь, ради одной маловременной своей пользы, но и къ тяжкому впредь своему предъ нелицемѣрнымъ и зѣло страшнымъ судомъ Божиимъ отвѣшу.

Вскорѣ по тому злонамѣренному и вымышленному совѣшу и навѣшу вышеименованныхъ особъ злодѣйственнаго ихъ сонмища не закоснѣло къ правосудному Вседержителю ошмщенію.

нiю. Скоропоспѣжное время и самымъ дѣйствительнымъ радостнаго желанiя ихъ сбытiемъ на немъ Бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ, безъ всякаго законнаго испытанiя, и безъ меньшей причины безвинно исполнится, по есть: сперва ссылкой его припворно, якобы въ Сибирь на Воеводство въ городъ Верхотурье; потомъ нѣкоторыми вымышленными оспановками на водяномъ пуши въ судахъ по присланнымъ къ нему Боярину указамъ въ городѣхъ, въ Казани и въ Лаишевѣ, и по нарочной присылкѣ изъ Москвы въ Лаишевъ Думнаго Дворянина Соковнина и Думнаго Дьяка Семенова, и послѣ того еще въ Казани Дьяка Ивана Горохова, съ отъязнѣмъ чести его Боярства, и съ точнымъ осужденiемъ, и весьма уже лишенiемъ всего его имѣнiя и вотчинъ и започенiемъ въ ссылку въ Пустоозерской острогъ, какъ подлиннѣе о всемъ о томъ ясно свидѣтельствуютъ съ полнымъ изъясненiемъ вышеписанныя шѣяри его Боярскiя къ Его Царскому Величеству изъ тогожъ Пустоозерскаго острога посланныя и поданныя челобитныя.

Оная причина присылки его Горохова въ Казань была отъ произволу и выбору тѣхъ злосклонныхъ и вышепомянутыхъ Боярѣ и непріятелей его Боярина Артемона Сергѣевича, съ вымышленнымъ ихъ произыскомъ для того, что при сидѣньѣ его Боярскомъ въ посольскомъ приказѣ, по нѣкошорому дѣлу въ перепискѣ тайной съ Донскими Козаками онъ Гороховъ въ розыскѣ былъ, и по тому своему воровству пытанъ, и послѣ того розыску за то свое воровство сосланъ былъ въ ссылку, и по кончинѣ Великаго Государя Царя Алексѣя Михайловича блаженныя памяти, а по заступленію вышеименованныхъ Боярѣ, его Боярскихъ внутреннихъ злодѣевъ, изъ ссылки вскорѣ онъ Гороховъ въ Москву былъ взятъ, и съ тѣмъ положеннымъ на него дѣломъ и указомъ онъ Гороховъ зло охотно побѣхалъ, чтобы и еще чрезъ тѣ опредѣлительные ему Горохову указы за ту свою злобу опмщеніемъ, и по страсти человѣческой отъ себя озлобленіемъ, всевозможныя досады и пакости онъ Гороховъ, яко по своей природѣ весьма зло-

злосердой и безсовѣстной человѣкъ, ему Боярину Аршемону Сергѣевичу въ шомѣ прїѣздѣ свой учинилъ, какова по истиннѣ зла, ругательства, посяжни, всемирнаго униженія и многопакостныхъ подысковъ и досадъ, при шакомъ бѣдственномъ и весьма упадомъ нещастіи его Боярскомъ, умился на невинность его ни самые варвары и Агаряне ни надъ кѣмъ не показали бы, какъ оной супосшатъ, и чуждой Христїанскаго имени членъ, надъ нимъ Бояриномъ Аршемономъ Сергѣевичемъ, а именно: больше мѣсячнаго времени будучи въ Казани при описи его Боярскихъ пожизковъ чинилъ, и въ прїѣздѣ его Горохова съ тѣми описными его Боярскими пожизки въ Москву, яко изъ восточной Индіи Гишпанской, съ безцѣннымъ золоша и сребра караваномъ на корабляхъ приплылъ. За такую свою важную, многотрудную и вѣрную службу изъ Дьяковъ пожалованъ онъ въ Думные Дьяки, и дана ему изъ описныхъ егожъ Боярская вошчина въ Нижегородскомъ уѣздѣ село Папулово съ деревнями, больше

ста дворовъ крестьянскихъ; и тако
сбышья слово: кто пасеть стадо,
и отъ млека стада не ясть.

Нынѣ же откуду начнемъ плака-
ти о шѣхъ вышеименованныхъ по-
то времени правительствующихъ и
во власти государственной зѣло силь-
ныхъ бывшихъ вельможахъ, попомъ
же прупами своими въ прахъ и въ
пепелъ обращенныхъ, весьма чуждыхъ
всякой отъ всѣхъ помощи и заступле-
нiя чловѣческаго, и яко Евангельскiй
богачъ у святаго Авраама алчущей
сыи въ мукахъ, молящъ, дабы хощя
малою каплею воды, конецъ омоча
персша своего, устудилъ горшанъ ихъ
мизерныхъ; ибо по ясному Божию по-
казанiю, и въ семъ маловременномъ
уже мiрѣ, окончанiя жизни шѣхъ выше-
объявленныхъ Боярѣ и вельможѣ свѣдѣ-
видно есть и по писанiямъ святымъ
ясно свидѣтельствующимъ: не твори
зла, да не постигнешь ния зло; и еще:
нѣсть милости не сотворшему мило-
спи. Сiе же ушверждаетъ самый воз-
любленный Христовъ ученикъ, свѣдѣ-
щiй Іоаниѣ Богославѣ въ первомъ сво-
емъ

емъ посланіи, въ зачалѣ 75, тако: всякъ не шворяй правды, нѣсть оупь Бога, и не любяй брата своего, яко сіе есть завѣщаніе, еже слышася, да любимъ другъ друга, не якоже Каинъ отъ лукаваго бѣ, и уби брата своего; и за кую вину уби его, яко дѣла его лукава бѣша, а брата его праведна. Нынѣ самымъ дѣйствомъ сбытіе то достовѣрно уже безъ сомнительства всѣмъ зрящимъ людемъ, и свѣтло всѣхъ шѣхъ Боярѣ и вельможѣ прешедшихъ, скрытыя дѣла публичнымъ Вседержителю Богѣ своимъ опкровеніемъ явѣ на среду показуешъ. Бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославской, копорой сверхъ вышеписанной учиненной невинно единыя ради шокмо зависши наглой и злобы напрасной, емужъ Боярину Артемону Сергѣевичу и смершней обиды, копя не шѣлеснымъ, но уже мысленнымъ, по шомужъ примѣру Каинову, человѣкоубійствомъ. И по шѣхъ его Боярскихъ вышеобъявленныхъ бѣдствахъ, не удоляся ими, еще горшимъ возбужденіемъ государственнымъ, во 190 году чрезъ шайный свой совѣтъ и науче-

ніе, купно съ такимъ же подобнымъ себѣ возмушителемъ и воромъ съ Пещромъ Андреевымъ сыномъ Толстымъ, послѣ юго своего ожидаемаго благовременства, не въ долгихъ лѣтѣхъ онъ Бояринъ Милославской внезапно оборотися къ сѣбѣ, не болѣвнуя ничѣмъ, безъ всѣхъ Христіянству надлежащихъ таинствъ, безъ покаянія и пречистыя Евхаристіи, смершною косою пораженной, не исчезъ ли безвременно въ животъ своемъ, какъ Евангельской угобженныхъ нивъ богачъ, и послѣ прехъ надесять лѣтъ за осужденное Богомъ опмщеніе того безчисленнаго злодѣйства своего, смрадной его шрупъ невреденъ и исполненъ червми, уже померзлыми въ то время зимнее, яко надмѣнной шимпанъ указомъ Царскимъ, изъ шрапезы святыя церкви свяшителя Николая, зовой у столпа на Покровкѣ, не выкопанъ ли, и всему роду ихъ на вѣрное позорище и безславіе въ Преображенской приказѣ на саняхъ, отъ чуцкихъ свиней, свыше казни инымъ ворамъ не везенъ ли былъ, и голова его Милославскаго и всѣ члены не
раз-

раздроблены ли, и палачевскими руками подъ дыбами всѣхъ застѣнковъ въ Москвѣ и до нынѣ раздѣленные явѣ находятся.

Тотъ же его клеветѣ Петрѣ Толстой, хотя по многихъ долгошерпѣнія Божія ему лѣшѣхъ на гибель ему, или на покаяніе лучшее впредь за государственное своего воровства умышленіе, лишень всѣхъ чиновъ и чести, и по суду воровскую ту вину свою явно принеши, вмѣсто смерти сосланъ въ Соловецкой монастырь неисходимо, и замурованъ въ вѣчную шюрьму до самаго изхода жизни своей, о которыхъ его П пра Толстова воровскихъ умыслахъ обстоятельнѣе печашной манифестъ въ прошломъ 1727 году всенародно объявленъ есть: того ради не лѣшъ есть объ нихъ сказывати подробну. И тако по псаломнику онъ Толстой впадъ въ яму, юже содѣла, и купно съ нимъ Милославскимъ, начальнымъ предводителемъ своимъ, Давыдскій исполнили шѣмъ своимъ окончаніемъ глаголь шотъ псаломской: исчезающе, яко дымъ исчезающа.

Дру-

Другій Бояринъ и дворецкой Богданъ Машвѣвичъ Хишрой не по долготѣ же времени, по усмотренію благоразсудному и истинному Великаго Государя Царя Θεодора Алексѣевича блаженныя памяти, во всѣхъ его прежнихъ коварныхъ пронырствахъ, въ лютыхъ злобахъ и лукавствахъ, во дни юностиныхъ государства своего лѣтъ, уже на остатокъ при прешружденной своей старости, прежняго доступа своего къ его Царскому дому со уничиженіемъ самымъ позбылъ, и при дворѣ его Царскомъ уже мало бывалъ, и послѣдней своей наслѣдницы дочери внезапно и безгодно лишился. И тако не въ маспитѣ, но не въ честной старости изчезе въ болѣзни живомъ его. Въ день же погребенія его Боярина Хишрова, по достовернымъ свидѣтельницамъ, чрезвычайно воздвигшаяся жестокая буря и зѣло свирѣпая при выносѣ тѣла его въ Новодѣвичій монастырь, такъ остро выдышала, что егда гробъ его на землю съ тѣломъ былъ не изпроверженъ. Домъ же его и до нынѣ безъ всякаго жилища запустѣлымъ всѣми видится,

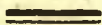
по

по реченному псалмомъ : да будетъ домъ его пущь, и въ жилищахъ ихъ да не будетъ живый. Вошчины же его всѣ мимо сродниковъ его другимъ врознь розданы сушь. И тако оставилъ онъ вышеименованной Бояринъ чуждымъ богатство свое, и шруды его инѣи шу не восхишиша; и тако гробъ жилища его во вѣкъ себѣ наслѣдовалъ.

Сродникъ же его Александръ Хитрой не меньшій передъ нимъ дядею своимъ въ коварствѣ и въ злыхъ пакостяхъ народныхъ преуспѣвающій, и въ поже несчастливое время Боярина Артемона Сергѣевича и сына его изъ подмосковныхъ ихъ вошчинъ изъ села Спаскаго и Артемоновскаго хоромное спроенѣ и многіе пожипки, изъ всякихъ его Боярскихъ заводовъ, и не малое число изъ всякаго чину егожъ людей въ домъ свой похипя развелъ; но попомъ сыну его Андрею Артемоновичу съ стыдомъ возвращалъ, и по своимъ непопробнымъ дѣламъ вмѣсто ссылки посланъ былъ онъ Хитрой Воеводою на Терпи, и по своемъ опшуда поворотѣ въ великомъ до самой жизни своей оставленъ былъ уничиженіи и

спран-

странствѣ. И дѣши его два сына, одинѣ по другомѣ не въ долгихъ лѣтѣхъ померли. И тако шѣ чада его были въ погубленіе, и къ болѣзни язвѣ его скорбѣ приложиша, и жизнь свою суешно и неблагополучно совершилѣ.

Вышеименованная же сродница ихъ, Боярыня Анна Пешровна Хипрая, по кончинѣ его же Великаго Государя Царя Θεодора Алексѣевича, за свои неописанныя злобы, яко древняя Езавель, гонительница на Свяшаго Илію, такѣ ша злая жена опѣ всѣхъ униженна на посрамленіе свое, что гнушно таскався въ старости своей и въ болѣзни изчезе животѣ ея.

Бояринѣ Василій Семеновичъ Волинской, яко бездна, наполненная всѣхъ золѣ, при смутномѣ времени 190 года будучи въ подмосковной вопчинѣ своей, залѣ душу свою изверже.

Думной Дьякѣ Иванѣ Гороховѣ, клятвенной егожѣ Боярина Артемона Сергѣевича злодѣи, не по долгихъ же лѣтѣхъ, внѣ всякаго порученнаго ему дѣла, предѣ его сверстниками волочась самѣ, и дѣши его, Иванѣ и Андрей, бывшіе уже въ Офицерахъ, без-

годно

годно перевелися , и сѣмя ихъ отъ сыновъ человѣческихъ попотребилося. И тако возлюбивый правду Всевышній Господь и ушвердивый ю во вселеннѣй, и изкоренитель всякія неправды, творящій же судъ истинный обидимымъ равномѣрное отмщеніе , паче человѣческой руки , всѣмъ тѣмъ вышеименованнымъ особамъ праведной своей судьбѣ благоволилъ неукоснительно воздашь по глаголу Псаломнику : Богъ отмщеній , Господь Богъ отмщеній не обинулся естъ. И паки : возвеселишся праведникъ , егда увидитъ отмщеніе.

Понеже въ семъ вышеписанномъ изъясненіи тѣхъ противныхъ случаевъ ясныя причины свидѣтельства совершеннаго и доказательства достовернаго уже показаны сушь о главныхъ и внутреннихъ непріятеляхъ его Боярина Аршемона Сергѣевича , вышеименованныхъ Боярѣ и особѣ , отъ кошорыхъ онъ шокмо по враждотворной и отъ начала міра въ естествѣ человѣческомъ врожденной зависти и злопагубной ненависти безвинно поспрадалъ какъ невиннымъ и весьма безправосуднымъ

Щ

отъ-

опбѣтїемъ славы и чести своея, такъ
 приномъ и лишенїемъ отеческаго и
 своего движимаго и недвижимаго все-
 го имѣнїя, службами, кровью, рабо-
 тами вѣрными, долголѣпно стяжан-
 наго. Ибо честь и живость человѣче-
 ской равномѣрнымъ степенемъ ше-
 ствуютъ, и по неповинное опбѣтїе-
 емъ оныя чести равномѣрно съ дѣй-
 ствительнымъ смертнымъ человеко-
 убїйствомъ отъ всѣхъ Апостольскихъ,
 святишельскихъ, отеческихъ правилъ,
 и отъ политическихъ нравоченїй точ-
 но бытъ разсуждается, и суще право-
 судно вмѣняется, какъ о томъ вся-
 кому благоразумному мужу и спра-
 стей лишенному свободно есть по
 свойству естества своего разсудитъ.
 Егда человекъ оппадаетъ чести сво-
 ей, тогда и живость его, хотя не
 смертнымъ, но уже мрачнымъ откры-
 вается низверженїя своего весьма по-
 срамленнымъ покрываломъ. Оной же
 изъ смертныхъ грѣховъ превосходящїй
 и неопущительной грѣхъ судится
 отъ самыя святыя и восточныя на-
 шея церкви, и по истинному всѣхъ
 Богослововъ разсужденїю равномѣрнымъ
 къ

къ хулѣ прошиву Духа Святаго; ибо жизнь человѣческая вдохновеніемъ самаго Духа Божія по безсмертной душѣ въ честнѣйшей твари, яко храмъ Божій, создана естъ, которая отъ смертнаго человѣка неповинно въ сущей его чести, яко разбойнически небрежше Содѣтеля своего и весьма уничижа всевышнюю и Божественную державу Его, и власть заповѣди Евангельскія, страшный и ужасный, нелицемѣрно угрожаемый и внезапно грядущій всѣмъ человѣкомъ судъ, такъ легкомысленно, яко самымъ острымъ и кровавымъ ножемъ яко весьма шучный агнецъ и сладостной вождельвному человѣчскія пищи употребленію закалается.

Иного же врачеванія и возможнаго къ шому вышепомянутому злопагубному и смертному грѣху по всѣмъ церковнымъ и отъ святыхъ отцевъ утвержденнымъ заповѣдямъ исцѣленія и прощенія таковымъ обидчикамъ и беззаконнымъ пресупникамъ иначе отнюдь не имѣется, токмо оной: преобидивши невинно такового въ чести его той, обидимаго всенароднѣ пе-

редѣ всю церковь, то есть передѣ всемъ Христіанскимъ собраніемъ, колѣнопреклонно со слезами молиши и ошпущенія себѣ просиши явно истинно покаянiемъ неизбытно долженствуешь, изъясняя и точно безъ всякаго утаенія изобличая передѣ нимъ обидимымъ оной грѣхъ свой колѣнопреклонно, и при всѣхъ прежде бывшихъ объявити по Псаломнику, яко Богъ измелъ ихъ отъ грѣшникъ, и спасетъ ихъ. Инако же смерть грѣшниковъ, люта, и далече отъ грѣшникъ спасеніе; ибо Господь праведенъ съче выи грѣшниковъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ.

Нынѣ же достойно и праведно есть сущимъ и вѣщимъ долгомъ свѣтлыя истинны вѣсь благодарственно и препрославленно съ подобающею честію воспомянути того же вѣка всечестную память, отъ другой стороны и о великомъ благодареніи нижеименованныхъ особъ, по завѣшу глагола Спасителя: благосотворшихъ исполняя небесныхъ услъ повелѣніе, реченное во святомъ Евангеліи: якоже да шворятъ вамъ чловѣцы, и вы шворите имъ
ша;

такожде. О томъ же и избранный Его сосудъ и вселенная учитель свя-
тый Апостолъ Павелъ внушаетъ та-
ко: благошворенія же и сообщенія не
забывайте: таковыми бо жертвами
благоугождается Богъ.

По сочетаніи вшораго брака благо-
честиваго и Великаго Государя Царя
Ееодора Алексѣевича, Самодержца
Всероссійскаго, на Великой Государы-
нѣ Царицѣ Марѣ Машвѣевнѣ изъ знаш-
ной фамиліи господъ Апраксиныхъ,
кошорая Государыня отъ самой юно-
сти своей воспитаніемъ во спрасѣ Бо-
жїи и во всѣхъ добродѣшелехъ Хри-
стіанскихъ, и во благодравномъ цѣло-
мудріи превосходящая была паче мно-
гихъ сверспницъ своихъ; и егда во-
царилася, по природному своему чело-
вѣколюбію всячески пощилася Ея
Величешво супруга своего, Его высоко-
помянутое Царское Величештво отъ
преждебывшихъ наносовъ и безсоюзствъ
обносимыхъ ложными и злыми кле-
шами и навѣшми, отъ шѣхъ же выше-
именованныхъ Боярѣ Милославскаго Бо-
гдана и сродницы его Боярыни вдовы
Анны Пешровны Хишрыхъ, кошорыя

несогласія еще до самаго того времени у Его Величества съ мачихою своею Великою Государынею съ Царицею Натальею Кириловною, и съ Великимъ Государемъ Царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ, брашомъ его, неукротимо продолжались; все то благоразумными совѣты и люборачительнымъ шщаніемъ Ея Величества Государыни Царицы Марѣи Матѣевны, по скоромъ времени въ любезное съ Его высокопомянутымъ Величествомъ и въ благопріятное согласіе произведено было, и о всѣхъ къ Дому Ея Величества Государыни Царицы Натальи Кириловны союзомъ кровнымъ и вѣрностію служебъ слученныхъ господъ Нарышкиныхъ, и его Боярина Артемона Сергѣевича, и сына его неповинно по разнымъ мѣстамъ и посылкамъ изъ Москвы разосланныхъ и разшоченныхъ, съ яснымъ показаніемъ неправой на нихъ отъ злодѣевъ ихъ клеветы и сущей невинности, безошсупно просила; что все крайнимъ Еяжъ Величества и безприкладнымъ милосердіемъ, и безошсупнымъ предшательствомъ не токмо ко всевѣрному очищенію

щенію злосоставныхъ тѣхъ непрія-
тельскихъ на нихъ люшыхъ наважде-
ній въ ихъ невинности, но и ко вся-
кому тѣхъ спраждущихъ предупло
въ пользу благополучію. Ибо въ тѣ
времена при Ихъ Величествахъ, при
Великомъ Государѣ Царѣ Ѳеодорѣ Але-
ксѣевичѣ, и при Великой его Госуда-
рынѣ Царицѣ, братіе ея Царицыны,
Петръ и Ѳеодоръ Машвѣвичи Апрак-
сины, особливо же причиною свойства
Бояринѣ и Оружейничій Иванѣ Мак-
симовичѣ Языковѣ, глубокой Москов-
скихъ прежде площадныхъ, потомъ
же при томъ времени своемъ двор-
скихъ обхожденій проникатель, и
Посшельничій Алексѣй Тимоѣевичъ,
и Сиряпчій съ ключемъ братъ его
Михаилъ Тимоѣевичъ Дихачевы, осо-
бы великаго разума и самаго благоче-
стиваго состоянія исполненныя, въ
крайней близости и милости у Ихъ
высокоименованныхъ Величествъ обрѣ-
шались, и сильнымъ орудіемъ ко оправ-
данію совершенной невинности тѣхъ
оклеветанныхъ господъ Нарышки-
ныхъ и его Боярина Аршемона Сер-
гѣевича и сына его, своимъ крѣпкимъ

приносомъ , безспрашнымъ разсужде-
ніемъ и благопріятною помощію , ку-
пно же и къ награжденію всемилосер-
дому Ихъ же Величествъ шѣмъ без-
виннымъ особамъ взяпыхъ ихъ имѣ-
ній и вошчинъ , неуспружденно отъ
Христіанской своей любви спѣсобство-
вали, и весьма въ томъ желаніи своемъ
благосклонномъ щасливо такъ пред-
успѣли, и шѣмъ человѣконенавистнымъ
Бояромъ вышеименованнымъ Мило-
славскому, Хишрому и сродницъ его,
оклеветающимъ шай искреннихъ сво-
ихъ , онъ Бояринъ Иванъ Максимо-
вичъ Языковъ такую жестокою браз-
ду, или удило въ зубы ихъ положилъ,
что уже и при жизни ихъ мадо прі-
ѣдомъ своимъ Дворъ Царской знали,
и при живомъ шѣмъ егожъ Хишрова и
чинъ его Оружейничества ему Бояри-
ну Ивану Максимовичу Языкову былъ
опданъ. Того ради благоволеніемъ
Вседержителя Бога оные господа, Язы-
ковъ , Апраксины и Лихачевы , какъ
въ живомъ своемъ благоволеніемъ благо-
стыннымъ славословилися , тако и по
кончинъ ихъ , яко доспойные и за-
конные дѣлашели мзды своея, раз-
умѣваю

умѣвающіи на нищихъ и убогихъ, въ вѣчныхъ обителехъ небесныхъ у Царя царствующихъ воспріимуть вѣнецъ доброты, купно со всѣми праведными отъ руки Господни во вѣкъ и во вѣкъ вѣка.

Послѣ же вышепомянутой кончины его благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя Θεодора Алексѣевича, Самодержца Всероссійскаго, въ томъ же 190 году мѣсяца Маія въ первыхъ числѣхъ, по указу тогдажъ воцарившагося благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Пепра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и матери его Царской, благовѣрной Государыни Царицы и Великія Княгини Нашалы Кириловны, изъ Москвы отъ Двора его Царскаго въ городъ Лухъ къ Боярину Аршемону Сергѣевичу присланъ былъ Спольшникъ Семенъ Ерофѣевъ сынъ Алмазовъ, по всемилосердому ихъ Царскому обыкновенію съ спросомъ о здоровьѣ его Боярскомъ и сына, отъоботихъ высокоименованныхъ Величествъ, и съ повелительнымъ къ нимъ указомъ, чшобы они, Бояринъ и сынъ его,

неукоснительно съ поспѣшеніемъ ѣхали въ Москву и Ихъ Царскихъ Величествъ очи видѣли, кошорую всемилошпивѣйшихъ Ихъ Царскихъ Величествъ высочайшую, по шакомъ горькослезномъ спраданіи и раззореніи своемъ, онъ Бояринъ Аршемонъ Сергѣевичъ и сынъ его къ себѣ всерадостно получа милость, по силѣ шого премилосшпиваго къ себѣ указу въ самыхъ скорыхъ числѣхъ, и при нихъ вышеименованный Стольникъ Господинъ Алмазовъ, изъ онаго города Духа спѣшно въ Москву предпріяли свой пушъ, не останавливаясь нигдѣ.

Въ прибытіе же его Боярское при шомъ егожъ пуши въ преименишую всесвяшья и живоначальныя Троицы и богоноснаго ошца нашего Сергія Игумена, Радонежскаго Чудотворца, обитель, отъ бывшихъ шого времени властей, высокочесшнаго ошца Архимандриша Викеншя, и предпочпенныхъ ошцовъ Келаря Прохора, Казначея Игнашя, и отъ всей брашяи обителитоя у свяшыхъ воротъ онъ Бояринъ и сынъ его съ великимъ почшеніемъ встрѣченъ, и по ошправленіи досто-

дод-

должномъ у гроба Чудотворцова все-
нощнаго бдѣнія, Божественныя литур-
гіи и молебнаго славословія, въ по-
кояхъ Келарскихъ отъ вышепомяну-
тыхъ оныхъ власшей преизобильнымъ
столомъ всепочтению удовольствованъ
былъ.

При той же самой его Боярской
бытности въ оной святой обители,
изъ Москвы отъ Двора Ихъ же Цар-
скихъ Величествъ присланъ былъ Ду-
мною Дворянинъ Юрій Петровичъ Лу-
тохинъ къ нему Боярину Аршемону
Сергѣевичу и къ сыну его Андрею
Аршемоновичу со здоровьемъ, и съ
объявленіемъ емужъ Боярину прежней
его чести Боярства, а сыну его Ком-
нашнаго Стольничества, къ неописан-
ной ихъ обоихъ и безприкладной по-
такомъ ихъ бывшемъ неповинномъ
овлобленіи и по горестномъ раззореніи
радости; и тогожъ Маія мѣсяца въ
11 день изъ вышепомянутой обители
они Бояринъ и сынъ его отправилися
къ Москвѣ въ настоящій путь свой.

Въ 12 день тогожъ Маія мѣсяца
въ прибытіе его Боярское шѣмъ же
пушемъ въ Государево Дворцовое село

Брашовъ

Брашовцино, тамъ его Боярина отъ Ихъ же высокопомянушихъ Царскихъ Величествъ присланной Комнатной Стольникъ, Ея Величества Государыни Царицы Нашалии Кириловны родной братъ Аѳанасій Кириловичъ Нарышкинъ, съ чрезмѣрною любовію встрѣшилъ, отъ Ихъ же Величествъ о здоровьѣ его Боярскомъ и сына его спрашивалъ, и изъ того села Брашовщина отъѣхалъ онъ отъ того мѣста, и до самой Москвы всякаго чину люди въ безчисленномъ множествѣ на встрѣчу къ нему Боярину и сыну его съ поздравленіемъ выѣзжали.

Того же вышеозначеннаго числа ввечеру они Бояринъ и сынъ его Москвы досишли, и съ горькими слезами вступили въ домъ свой, увидя его до конца опустошенна во всеконечномъ неустройствѣ во время того бывшаго ихъ дальняго заточенія.

Въ 13 день шогожъ мѣсяца они Бояринъ и сынъ его по седмилѣтнемъ своемъ оплученіи и всегорестномъ спраданіи, не имѣя чести очей Ихъ Царскихъ высочайшихъ и къ себѣ всемилоствивѣйшихъ Величествъ видѣти, со
слезъ

слезною радостію поупру удостоилися въ чертогахъ ихъ Царскихъ предъ ногами Ихъ Величествъ упасъ, и всемилосердымъ объяшемъ ихъ Царскимъ руки ихъ цѣловашъ. Но какова тогда та всеблагополучнаго свиданія и приему ихъ Царскаго высокая милость и неизреченная радость была, и какъ всѣхъ присушествующихъ въ той комнатѣ ихъ Царской особъ, причиною этого слученія взирающихъ съ радостными слезами видима зѣло чувственна была, что никакое человѣческое писало всего этого по достоянію исписати не возможетъ.

Тогожъ вышеписаннаго числа Его Царское Величество, по всемилосердому своему разсмотренію извѣсно вѣдая на него Боярина Артемона Сергѣевича отъ бывшихъ его злодѣевъ самое безвинное оклеветаніе ни за что ино, токмо ради человѣконенавистной зависти и по особой причинѣ, что онъ Бояринъ крайнею вѣрностію своей службы причастенъ былъ къ Дому Его высокопомянутаго Царскаго Величества, и матери его Государевой, Великой Государыни Царицы Нашальи

Ки-

Кириловны; и что въ томъ гоненіи его, въ ссылкѣ и раззореніи и въ злостраданіи его Боярскомъ ошѣ тѣхъ же непріятелей его начальной и пушій томъ былъ случай, указалъ всѣ подмосковныя и городовыя его вошчины, во время шого злополучія его Боярскаго въ роздачу всякаго чина людемъ розданныя, по прежнему ему Боярину и сыну его возвратишь. А о взятыхъ егожѣ пожизнкахъ, ради будущаго емужѣ Боярину награжденія въ скорости выпишашъ; а дому егожѣ служителей, кошорые во время той ссылки его не были по оппускнымъ распушены, и у Боярѣ, и всякаго чина у людей въ домѣхъ служили, по прежнему емужѣ Боярину отдашь; и по силѣ онаго именнаго Государева указа оныя его Боярскія вошчины шого же времени ошказашъ за него въ тѣ города къ Воеводамъ по грамотамъ посланы указы, и изъ нихъ нынѣ многіе подлинныя въ домѣ сына его Андрея Аршемоновича въ цѣлоспи явсипвуются; а служители шѣ его Боярскіе изъ всѣхъ домовъ къ нему Боярину въ домъ его были приве-

да-

дены и ошданы. И шако сбысься непреложной Божешвенный глаголь Избавителя нашего Христа Господа въ утѣшеніе всѣмъ спраждущимъ и скорбящимъ: истинна свободитъ вы. И еще къ помужъ: блажени плачущи, яко ти утѣшатся.

Въ тѣ же дни пребыванія своего въ Москвѣ при Царскомъ Домѣ всегда безошступная его Боярская бытность и сына его была въ крайней близости и въ ошмѣнной Ихъ Царскихъ Величествъ къ нимъ высокой милости.

Того же Маія мѣсяца въ 14 день онъ Бояринъ Аршемонъ Сергѣевичъ и сынъ его честь себѣ имѣли бытъ у благословенія святѣйшаго Іоакима, Патріарха Московскаго и всея Россіи, и приняты отъ Его Святѣйшесства съ премногою отчелюбною милостию и со всеусерднымъ сорадованіемъ, по древнему его Патріаршу съ нимъ Бояриномъ при преждебывшемъ его Чудовскомъ Архимандричесствѣ и Новгородскомъ Архіерействѣ, по крайнему дружелюбію и на многъ часъ во внушренней его Патріаршей келии откровенно онъ святѣйшій Патріархъ съ
нимъ

нимъ Бояриномъ духовнѣ бесѣдовали, къ великому шѣхъ обѣихъ особъ удовольствію.

Всѣ же изъ первенствующихъ того вѣка изъ старшихъ Боярѣ и палатныхъ людей, кромѣ самыхъ престарѣлыхъ особъ, посвѣщеніемъ своимъ посвявременнымъ ему; Боярину Аршемону Сергѣевичу со многимъ почтеніемъ и съ великою любовію честь учинили; и отъ него Боярина и отъ сына его съ надлежащею честью встрѣчены и до самага нижняго крыльца со всякою низостію провожены были.

Но изъ шѣхъ старшихъ Боярѣ древній и крайній ему Боярину Аршемону Сергѣевичу и въ самое то злополучное его несчастіе неотмѣнной благодѣтель Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой, отъ своей погорбленной и весьма пошружденной старости того времени уже параличною болѣзнію ошягченъ былъ: того ради не умедля, съ первыхъ же дней, онъ Бояринъ Аршемонъ Сергѣевичъ въ домъ его и съ сыномъ своимъ пріятельское свое почтеніе ему Боярину учинилъ, и при-
томъ

помѣ зло радостно и слезно съ великимъ сожалѣніемъ и благопріятствомъ ошъ него Боярина Князя Юрья Алексѣевича были они приняты, и на долговременныхъ разговорахъ одинъ на одинъ они Бояре оба съ собою были.

Изъ тѣхъ же Боярѣ Иванъ Михайловичъ Милославской, прикинувся, яко бы случаемъ болѣзни своей, по дѣйствію же самой прилворной и злохитрой, и у него Боярина Аршемона Сергѣевича съ прочими Бояры въ домѣ не былъ и посѣщенія ему не учинилъ, ниже по обыкновенному челоѣколюбію спросилъ о прибытіи его въ Москву никого ошъ себя къ нему Боярину не присылывалъ.

Тотъ вышеименованной Милославской, врагъ челоѣковъ, алчной и неукропимой крови Христіанской кровонійца, видя благополучное до наслѣдственнѣйшей Всероссійскаго государства короны Высокодержавнѣйшаго Великаго Государя Царя Петра Алексѣевича, Монарха Всероссійскаго, ко всена-

родной радости и всежелаемое возвышеніе уже достигша, и зная внутрѣ въ себѣ владѣйственные преждебывшія и многообразныя къ высокопомянутому всему его Царскому дому, во время державы Великаго Государя Царя Феодора Алексѣевича вся Россіи блаженныя памяти, имѣ Милославскимѣ наносимыя премногія напасты и великія пакости; при томѣ же тогда наспоящемѣ случаѣ, усмотря прибытіе изѣ заточенія въ Москву господѣ Нарышкиныхъ и его Боярина Артемона Сергѣевича, и видя по премногу ихъ сильныхъ при томѣ дворѣ Царскомѣ во всемѣ дѣйствительныхъ членовѣ, всемѣрно опасаяся за шѣ свои неистовыя и беззаконныя дѣла отѣ онаго Царскаго дому достойнаго себѣ воздаянія, началѣ тайно ковь чрезѣ шонкія свои коварства промыслять къ будущей своей и надежной безопасности тогда бывшаго и старшаго, но всѣми скорбями естественными отѣ самыхъ младыхъ ногшей весьма опягченнаго Государя Царевича Іоанна Алексѣевича вся Россіи, и сестрѣ его Царевенѣ, снискашельницѣ склонныхъ и желатель-

пелъницѣ горячихъ къ дѣйствительному изслѣдствію искомаго себѣ благополучія, того и всякими коварными и зло скрышными пронырствы своими, за долго до прибытія въ Москву его Боярина Артемона Сергѣевича купно съ своими клеветы, а именно съ племянникомъ своимъ, съ Александромъ Ивановымъ сыномъ Милославскимъ, и съ Пешромъ Андреевымъ сыномъ Толстымъ, и съ Иваномъ Циклеромъ, всякими лукавства своего прелестными и самыми соспавными весьма ложными клеветами, аки Ахишофеловымъ совѣтомъ, наговаривашь Московскихъ спрѣльцовъ и возмутить къ бунту, якобы по законной причинѣ первенства его вышеименованнаго Царевича, что онъ Государь Царевичъ обойденъ къ возвышенію той короны Царской, а произшелъ къ ней меньшій Государь Царевичъ Петръ Алексѣевичъ, и за то представлялъ имъ спрѣльцамъ многоприбыльные чины и великія передѣ прежнимъ въ годовомъ денежномъ жалованьѣ впредъ прибавки, токмо чшобы безопложно и неукоснительно при-

чиною того бунта его Государя Царевича Иоанна Алексѣевича на царство Россійское они стрѣльцы возвели. И по къ подвигу онаго бунта учрежденное орудіе и ихъ стрѣleckое оружіе въ совершенной уже готовности висѣло, но за однимъ обожданіемъ, паче всѣхъ усердно желаемымъ обожданіемъ прибышій въ Москву его Боярина Артемона Сергѣевича, зная высокой его разумъ и оспроумное во всѣхъ дѣлахъ благоискусство, и за многія древнія и вѣрныя службы, а по сильному при Царскомъ Дворѣ кредитишу, ошѣдимаго ему Милославскому его Боярскаго впрядь жестокаго себѣ отщепенія, больше иныхъ особъ надобень былъ ко всебѣрному его искорененію.

Онѣ Бояринѣ Артемонѣ Сергѣевичѣ по прибышій своемъ изъ онаго седмидѣшняго зашоченія въ живописѣ своемъ шокмо при благополучные дня себѣ имѣлъ, высокопомянушою Царскою милостію и сладостію любезнаго своего и присножелаемаго отечесства и наслѣдственнаго своего дома радовашься.

Не-

Неиспытанныхъ судебъ Божіихъ
 глубина, челоѳческому разуму непо-
 сннжнмая, и таинъ Его сокровенныхъ
 бездна недовѳдомая и неспышумая,
 нынѳ откровеніемъ уже явленнымъ
 шѳхъ отъ предувѳденія при прежде-
 бывшихъ многоразличныхъ горесшяхъ
 и спраданіяхъ его Боярина Артемона
 Сергѳевича, яко злато вѳ горнилѳ все-
 совершенно искуся, и очнспя свяшую
 его душу отъ всѳхъ плотскихъ при-
 спрасшій и злословныхъ пороковъ,
 яко отъ всенижайшія его Божія
 швари Содѳтелю своему, удостоился
 онѳ Бояринѳ послѳдовашъ наведеніемъ
 лживымъ отъ клеветниковъ и враговъ
 евоихъ общеспвомъ сѳ прокляшыми не-
 чисшыми души, яко рече свяшый Еван-
 гелнштѳ Матѳей вѳ зачалѳ 130: Фз-
 рнсеи глаголаху, яко о Велзевулѳ Кня-
 зѳ бѳсовспѳмъ изгоннштѳ бѳсы, чис-
 шымъ своимъ во время шого седми-
 лѳшннго его злощасшя, крошкнмъ жи-
 шіемъ, превосходящнмъ монаховъ, не-
 молчнымъ пролншіемъ по вся часы те-
 плѳйшихъ его ко всевышнему Богу
 рыданій и слезъ, и непрестаннаго

колѣнопреклоннаго славословія и мо-
лишвѣ съ долгошерпѣніемъ благодар-
ственнымъ, яко Іевлевымъ, за вся ша
приключшаяся ему злая за благая не-
препешно сущи въ надеждѣ непоколе-
бимой на правосудіе Божіе, впредь
грядущихъ себѣ свыше благъ милосер-
дымъ снабдѣніемъ отъ самой крайней
уже скудости своей убогихъ и ни-
щихъ шрудами рукъ своихъ безчислен-
ными въ писаніи Божественныхъ книгъ,
къ великому удивленію всѣмъ отъ ша-
кого долголѣтняго раззоренія въ домѣ
сына его Андрея Аршемоновича, даже
до сего времени, со многимъ почте-
ніемъ хранимыхъ, и прочими неопи-
санными егожѣ Боярскими и блумудри
и добродѣтелями: то всевидящее Бо-
жественное смотреніе предувѣдало и
предугощовало ему Боярину паче зем-
ныхъ благъ небесное селеніе то и рай-
ское наслажденіе; ибо угодна бѣ Го-
сподеви душа его, изъяти ю отъ
маловременнаго сего юдола и отъ сре-
ды лукавствія, да не како впредь
злоба измѣнишѣ разумъ его, или лествъ
прельспишѣ душу его, зане естествоен-
ное

ное пареніе похоши премѣняетъ умъ незлобивыхъ; и да не бы онъ Бояринъ; по стяженіи шаковыхъ вышешепомянутыхъ добродѣтелей обновленіемъ паки по плоти приключшихся ему чловѣческихъ спрасшей, лишилъ себя безсмертнаго и безконечнаго царствія по благовѣспію свяшаго Апостола Павла, рекшему къ Римляномъ въ главѣ 8, въ зачалѣ 99: Вѣмы, яко любящимъ Бога вся поспѣшесвуютъ во благое. Сущимъ по предувѣденію званымъ, кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдай, кто осуждай?

Того ради низпослалъ на него кровавый мечъ, сравнительный мученикамъ, и злоспранданія и кончины его вѣнецъ неувядаемый, то есть того же 190 года и мѣсяца Маія того же въ 15 день, во время самое наченшагося опшъ Московскихъ стрѣльцовъ, въ вѣрности своей безбожныхъ воровъ и измѣнниковъ, безспрашнымъ самымъ безчловѣчіемъ и лютымъ нападеніемъ изъ всѣхъ ихъ стрѣлецкихъ полковъ въ городъ Кремль звѣрски на самыя Царскія

скія палаты съ безстыдною и безобразною яростію и съ послѣднимъ озорничествомъ, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе и рабскую свою крайнюю низость, по самымъ вымышленнымъ и лживымъ причинамъ и наглымъ вопросамъ, пришедъ ко Красному крыльцу, куда Его Царское высокопомянутое Величество и мать его Государева Царица Государыня, и братья его Государь Царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ, принуждены были къ одному варварскому извѣстничью сонмищу нарочнымъ своимъ выходомъ выше Царскаго своего чину выступить и себя показать, дабы тѣ злодѣи, усрамяся подвигомъ тѣмъ высочайшихъ Ихъ Царскихъ Величествъ, укротилися отъ того начинанія ихъ и ужаснаго бунту, и перестали отъ онаго злаго возмущенія. Но тѣ воры, яко львы, изъ неукрошимаго и безобразнаго пьянства всего рыкающіе и свирѣпѣющіе, поставя дѣшницы на то Красное крыльцо, перваго отъ просимыхъ ими на выдачу имъ Бояръ его Боярина Артемона Сергѣевича, съ наглымъ и жестокимъ

стокимъ ярости своей стремленіемъ изъ рукъ ихъ Царскихъ похитивши, жестокосердо, уподобяся иноплеменникамъ лютымъ, бросили его, яко агнца неповиннаго, отъ стороны Благовѣщенской церкви на площадь, и принявъ на копья, ужаснымъ и спрашнымъ мученическимъ страданіемъ на мѣлкія части шло его Боярское разсѣкли. Потомъ и прочихъ Бояръ неповинныхъ шаковой же предаша злосердой смерти, при немолчномъ звукѣ Кремлевскаго великаго набашу и при непрестанномъ бою барабанномъ, о которой трагедіи не лѣшь есть при семъ случаѣ обширно разпроспраняшь; понеже не токмо на Россійскомъ, но и на другихъ уже иностранныхъ языкахъ исторіи не токмо письменныя, но и печатныя съ довольнымъ изъясненіемъ о кровавомъ и ужасномъ шомъ бунтѣ отъ разныхъ авторовъ и списателей достовѣрныхъ обстоятельно собранныя, не въ одномъ Россійскомъ государствѣ, но и по всему уже вселенныя умному свѣту сказуютъ. И шако сей блаженный, долгошерпѣливый, и по бѣдности страдалецъ Бояринъ

Артемонъ Сергѣевичъ, Божіимъ предувѣ-
деніемъ званный, непорочно добрый
подвигъ своея благочестивыя вѣры и
мучениколюбно скончавъ, вѣнецъ отъ
самаго жизнедавца Бога свѣпло вос-
пріялъ подвигоположно и непреложно,
воистинну съ соборомъ мученическимъ
причтенъ есть, по реченію Псаломни-
ка: оружіемъ благоволенія, славою и
честію вѣнчалъ еси его, вѣ надеждѣ
вѣрной гласа Господня, реченнаго во
святомъ Евангеліи: Блажени есте,
егда поносятъ вамъ, изженутъ и ре-
кутъ всякъ золь глаголь на вы, лжу-
ще мене ради: радуйтесь и веселите-
ся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.
Блажени же, яже избра Господь и
пріялъ ихъ, и память ихъ въ родъ
и родъ. Богъ же, Господь отмщеній,
взыскауй крови ихъ, помяну отмще-
ніе то крове рабовъ своихъ пролитыя
яко воду. Насупрошивъ же того, по
глаголу Псаломскому, тѣ злоухищрен-
ные враждотворцы, возмутили, яко
пси, алчущіе тѣхъ неповинныхъ кро-
вей, на беззаконное пролитіе злокоз-
ненные началоводцы и Христіянско-
му оному поколенію виновники и пре-
да-

дателье, и ихъ все орудіе и оружіе, и воры и бунтовщики и истинные опшупники Христіянскія вѣры, кровопійцы, Московскіе стрѣльцы, яко дымъ со всемъ сѣменемъ своимъ уже изчезшіе, и съ памятью ихъ до конца погибшіе законнечестивіи, сидушъ во адъ къ древнему предводишелю, издревле человѣкоубійцу и Христіянскому супосшашу и своему проклятому ошцу сашанъ, и ошанцы ихъ нечестивыхъ уже пошребилися, на безсмершную имъ всѣмъ, яко древнимъ злодѣямъ Дафану и Авирону, на вѣки безконечные ошъ всея православныя Каѳолическія и восшочныя цѣркве, благочестивыхъ Христіянъ матери, и на приснопоминаемую кляшву и анаѳему, по глаголу Божешшвеннаго Апостшолѣ Павла, реченному къ Коринѣяномъ въ главѣ 6, въ зачалѣ 134: Не льсштите себѣ, ни лихоимцы, ни шашіе, ни пьѣници, ни досадишели, ни хищници, цѣршвіѣ Божіѣ не наслѣдшѣ. И по Псаломнику: Ошанцы нечестивыхъ пошребшѣшѣ.

В Ъ Д Е Н І Е.

Въ которыхъ годѣхъ, и отъ кого Само-
державнѣйшихъ Великихъ Государей Ца-
рей Самодержцевъ Всероссийскихъ съ на-
чала службы Боярина Артемона Сер-
гѣевича Мамѣева онъ пожалованъ
былъ чинами и повышенъ честию
Боярства, списанное съ соб-
ственной его Боярской руки,
слѣдующее ниже сего.

Въ 7146 (1638) году, Іюля въ
день Великій Государь Царь и Великій
Князь Михаилъ Феодоровичъ, вся
Россіи Самодержецъ, пожаловалъ Арте-
мона Мамѣева въ Жишье.

Въ 7150 (1642) году, Марта въ
25 день, онъ Великій Государь Царь
пожаловалъ его въ Стряпчіе.

Въ томъ же вышеписанномъ году,
Февраля въ 3 день, онъ Великій Го-
сударь Царь пожаловалъ его въ Голо-
вы стрѣлецкіе, и въ Посольскомъ при-
казѣ въ записной книгѣ о томъ на-
писано.

Въ 7162 (1674) году, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожаловалъ его въ Стольники и Полковники.

Въ 7177 (1669) году, Апрѣля въ 9 день, по указу Его высокопомянушаго Царскаго Величества ему Аршемону Сергѣевичу, будучи Стольникомъ и Полковникомъ, велѣно приказъ Малыя Россіи вѣдать.

Въ 7179 (1671) году, Ноября въ 27 день, на праздникъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, онъ же Великій Государь пожаловалъ Стольника и Полковника и Голову Московскихъ стрѣльцовъ его Аршемона Сергѣевича Думнымъ Дворянствомъ.

Въ томъ же 7179 (1671) году, мѣсяца Генваря въ 22 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, изволилъ сочеташься законнымъ бракомъ съ благовѣрною Государынею Царицею и Великою Княгинею Нашалиею Кириловною.

Въ томъ же вышепомянутомъ году, Генваря въ 23 день, онъ Великій Государь, Его Царское Величество, для своей Государской радости, его Думнаго Дворянина Аршемона Сергѣевича пожаловалъ въ Комнату, и въ Думныхъ Дворянѣхъ онъ Аршемонъ Сергѣевичъ былъ 6 мѣсяцовъ и 3 дни.

Въ 7179 (1671) году, Февраля въ 22 день, емужъ Аршемону Сергѣевичу, будучи въ Думныхъ Дворянѣхъ, велѣно Государшвенной Посольской приказъ вѣдать.

Въ 7180 (1672) году, Маія въ 30 день, когда Господь Богъ даровалъ ему Великому Государю, Его Царскому Величеству, отъ благочестивыя Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Нашальи Кириловны наслѣдника, благороднаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи: въ то время послѣ молебнаго пѣнія онъ Великій Государь, Его Царское Величество, пожаловалъ его Думнаго Дворянина Аршемона Сергѣевича честию Окольниковомъ, и былъ онъ въ
Околв-

Окольничихъ 2 года и 4 мѣсяца,
8 дней.

Въ 7182 (1674) году, Августа мѣ-
сяца въ 26 день, на праздникъ сезо-
именишства благовѣрныхъ Государыни
Царицы и Великія Княгини Нашалыи
Кириловны, его Боярина Артемона
Сергѣевича сынъ, Андрей Артемоно-
вичъ, чрезъ всѣ чины къ Егожѣ Цар-
скому высокопомянутому Величеству
пожалованъ въ Комнашу.

Въ 7183 (1675) году; Октября
въ 8 день, на праздникъ явленія образа
Пресвятыя Богородицы, именуемая
Казанскія, онъ же Великій Государь,
Его Царское Величество, пожаловалъ
его Окольничаго Артемона Сергѣевича
Боярствомъ.

Въ 7200 (1692) году, Великіе Го-
судари Цари и Великіе Князи Іоаннъ
Алексѣевичъ; Петръ Алексѣевичъ, всея
Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Само-
держцы, его Андрея Артемоновича при
бытности Воеводства его на Двинѣ,
пожаловали изъ Комнатныхъ Спольни-
ковъ честию Окольничества.

Въ 1712 году, Ноября въ 13 день,
Всепресвѣтлѣйшій Великій Государь
Царь

Царь и Великій Князь Пётръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, будучи въ своемъ Государевъ воинскомъ походѣ въ городъ Дрезденъ, столицу Саксонской, по прибытіи его Спольшника Андрея Артемоновича съ посольства изъ Гравенгаги, столицы высокомоцныхъ Господъ Штаповъ Генераловъ, пожаловалъ его изъ Окольничихъ въ Тайные Совѣшники.

Въ 1714 году, при посольствѣ въ Вѣнѣ у Двора Всепресвѣтлѣйшаго Карла VI Цесаря Римскаго, онъ Тайный Совѣшникъ Андрей Артемоновичъ почтенъ его Царскою милостію дипломною Цесарственнаго Графа, данною ему и всей его фамиліи за собственною Его Цесарскаго Величества рукою и за Цесарственною вислою печатью.

Въ 1719 году, по указу Его высококореченнаго Царскаго Всероссійскаго Величества велѣно ему Графу и Тайному Совѣшнику въ Правительствующемъ Сенатѣ бысть Сенашоромъ, и въ Государственной Коллегіи Юстиціи Президентомъ.

Въ 1724 году, мѣсяца Марша въ 16 день, когда Его Императорское Величество соизволилъ изъ Санктпетербурга итти въ Москву ради коронаціи супруги своей Государевой, благовѣрной Государыни Императрицы Екашеринь Алексѣевны, тогда ему Графу и Тайному Совѣтнику повелѣно бысть при Сенатскомъ управленіи, и дѣти ихъ Императорскія, а именно благовѣрная Государыня Цесаревна Наталья Петровна, и благородные, Государь Великой Князь Пётръ Алексѣевичъ, и сестра его Государева, Государыня Великая Княжна Наталья Алексѣевна, поручены были ему, и надъ всѣми Коллегіями вѣдалъ онъ же Графъ. И по пришествіи изъ Москвы въ Санктпетербургъ Ихъ высокопомянушихъ Императорскихъ Величествъ имяннымъ указомъ (которой Графу объявилъ Оберъ - Маршалъ Господинъ Олсуфьевъ) при публичномъ Ихъ же Величествъ съ паруснымъ флотомъ, на яхтахъ, ко пристани большой Святыя Троицы приходѣ, они высокоименованныя, Государыня Цесаревна, и Государь Великій Князь, и Го-

сударыня Великая Княжна, Ихъ Императорскимъ Величествамъ со всеподданнѣйшею покорностію отъ него Графа вручены ко всемилосерднѣйшему Ихъ Императорскихъ Велиествъ ошой его Графской службѣ удовольству.

Тогожъ 1724 года, мѣсяца Маія въ послѣднихъ числѣхъ, по указу Егожъ Императорскаго Величества, присланному изъ Москвы изъ Правительствующаго Сената въ Санктпетербургъ, велѣно ему по обожданіи Ихъ же Велиествъ пришествія въ Санктпетербургъ же, быль въ Москвѣ въ Сенатской Конторѣ ради тогожъ управления настоящихъ государственныхъ дѣлъ годъ, на мѣсто Тайногожъ Совѣтника и Сенатора Князя Димитрія Михайловича Голицына, и съ нимъ въ товарищахъ Генералу Маіору и Московскому Вице-Губернатору Ивану Лукину сыну Воейкову, да двумъ Полковникамъ, Московскому Оберъ-Комманданту Ивану Петрову сыну Измайлову, Григорью Терентьеву сыну Ергольскому. А по исходѣ того года пере-

перемѣнилъ его Графа и Тайнаго Совѣтника по прїѣздѣ изъ Санктпетербурга Дѣйствишельный Тайный Совѣтникъ и Сенапоръ Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ - Пушкинъ.

1726 Года, Ноября въ 24 день, Всепресвѣтлѣйшая и Высокодержавнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, на торжествѣ пресвѣтлаго своего тезоименитства, пожаловала его Графа Андрея Аршмоновича изъ Тайныхъ Совѣтниковъ въ Дѣйствишельные Тайные Совѣтники, и на ту честь его данъ ему Графу патентъ за собственною Ея Императорскаго Величества рукою и за Государственною печашью.

Тогожъ 1726 года, мѣсяца Февраля въ 8 день, изъ Правительствующаго Сенаша, по указу изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, и по данной за собственною Еяжъ высокопомянутаго Величества рукою, ему Дѣйствишельному Тайному Совѣтнику инструкціи, былъ онъ Графъ для рас-

правы государственныхъ дѣлъ со всякою
 полною мочью въ Переславской
 Залѣсской, въ Юрьевской Повольской,
 въ Суждальской, въ Володимирской,
 въ Костромской Провинціяхъ годъ и
 при мѣсяца; и при немъ у шѣхъ
 дѣлъ Государственной Камеръ - Кол-
 легіи Совѣтникъ и Полковникъ Ва-
 силій Степановъ сынъ Башуринъ, и
 Государственной же Коллегіи Юспиціи
 Ассессоръ Князь Алексѣй Князь Сте-
 пановъ сынъ Львовъ.

Въ 1727 году, мѣсяца Іюня въ
 первыхъ числахъ, по указу Всепре-
 свѣтлѣйшаго и Высокодержавнѣйшаго
 Великаго Государя нашего впораго
 Петра Алексѣевича, Императора и
 Самодержца Всероссійскаго, изъ Вер-
 ховнаго Тайнаго Совѣта присланному
 къ нему Графу, а по челобитью егожъ
 Графскому, за долголѣшныя его служ-
 бы уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, и жить
 ему Графу, гдѣ онъ похочетъ.

НАДПИСИ (*),

*Находящіяся при надгровіяхъ умершихъ
особъ изъ рода Матвѣевыхъ.*

НАДПИСЬ I.

*Вырѣзана на стѣнѣ при гробѣ Блж-
наго Боярина Артемона Сергѣеви-
ча Матвѣева.*

7190 (1682) Года, Маія въ 15
день, на память убіенія святаго
Благовѣрнаго Царевича Димитрія Мос-
ковскаго и всея Россіи, волею все-
могущаго и всесильнѣйшаго Царя Ца-
ремъ и Бога, въ смутное время ошъ
воровъ и бунтовщиковъ убіенъ бысть
рабъ Божій шестилѣтній спрадалецъ,
скончався мученически, ближній Боя-
ринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣ-
евъ, при дни пребывъ въ царствую-
щемъ

Ы 3

щемъ

(*) Сіи надписи находятся вырѣзанными на
стѣнѣ и камняхъ надгробныхъ въ особой
палаткѣ, въ приходѣ церкви Николая Чудо-
творца, что въ Щолпахъ,

щемъ. градъ Москвѣ, свободяся изъ общаго соблюденія и изъ заточенія изъ Пустоозерскаго острога, въ 4 день убо скончася вѣнцемъ страданія. Поживе всѣхъ отъ рожденія своего лѣтъ 57; погребенъ бысть мѣсяца тогожъ въ 18 день, на память святыхъ мученикъ Петра и Діонисія и иже съ ними, въ лѣто отъ сотворенія міра 7190, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1682 года.

НАДПИСЬ II.

Вырѣзана на надгробіи супруги Ближняго Боярина Матвѣева.

Гробъ супруги блаженнаго Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, Боярины Евдокіи Григорьевны; а преставленіе ея во 180 (1672) году, Августа въ 24 день, на память преставленія честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всея Россіи Чудотворца.

НАД-

НАДПИСЬ III.

*Вырѣзана на надгровіи сына Ближняго
Боярина Матѣепа.*

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ, Графъ Андрей Артемоновичъ Матѣевъ; а рожденіе его 7174 (1666) года, Августа въ 15 день; пезоимеништво его тогожъ Августа въ 19 день; а преславися 1728 года, Сентября въ 16 день. Всѣхъ лѣтъ пезживе 63 лѣта.

НАДПИСЬ IV.

*Вырѣзана на надгровіи супруги Графа
Андрея Артемоновича Матѣепа.*

Лѣта 7207 (1699), Октября въ 4 день, прошиву 5 числа, во 2 часу ноши, во 2 чешверти, на память святаго священномученика Іерофея, Епископа Аѳинскаго, преславися рача Божія ближняго Окольничаго А. д. М. супруга, Анна Стефановна, дщерь

Дщерь Спольника Стефана Алексан-
дровича Аничкова. Поживе во благо-
честивомъ и цѣломудренномъ си супру-
жествѣ 15 лѣтъ и 4 мѣсяца и 5
дней; всѣхъ же жизни 33 лѣта отъ
рождества своего, и проч.

К О Н Е Ц Ъ.

57

307

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000002 076797

суд на 8 р

г- Траугера

гн. Рамон 30

